
СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Периодическое научное издание
Основано в 2009 г.
№ 3-2(27)
2016

Главный редактор – канд. пед. наук **В.Н. Абросимов**
Зав. редакцией – **Т.А. Магсумов**
Ответственный секретарь редакции – **Я.А. Максимов**
Технический редактор, администратор сайта – **Ю.В. Бяков**
Компьютерная верстка, дизайн – **Р.В. Орлов**

MODERN RESEARCH OF SOCIAL PROBLEMS

Printed Scientific Periodical Edition
Founded in 2009
№ 3-2(27)
2016

Editor-in-Chief – **V.N. Abrosimov**, PhD
Deputy Editor-in-Chief – **T.A. Magsumov**
Executive Secretary – **Ya.A. Maksimov**
Support Contact – **Yu.V. Vyakov**
Design and Layout – **R.V. Orlov**

Красноярск, 2016
Научно-Инновационный Центр

Krasnoyarsk, 2016
Science and Innovation Center Publishing House

Современные исследования социальных проблем, № 3-2(27), 2016, 332 с.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (свидетельство ПИ № ФС 77-39176 от 17.03.2010) и Международным центром ISSN (ISSN 2077-1770).

Журнал выходит четыре раза в год

На основании заключения Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России журнал включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Журнал представлен в полнотекстовом формате в НАУЧНОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ БИБЛИОТЕКЕ в целях создания Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции, издателя и для корреспонденции:

660127, г. Красноярск, ул. 9 Мая, 5 к. 192

E-mail: sisp@nkras.ru

www.soc-journal.ru

Подписной индекс в каталогах «Пресса России» – 94088, «СИБ-Пресса» – 94088

Учредитель и издатель:

Издательство ООО «Научно-инновационный центр»

Science and Innovation Center Publishing House

Modern Research of Social Problems, № 3-2(27), 2016, 332 p.

The edition is registered (certificate of registry PE № FS 77-39176) by the Federal Service of Intercommunication and Mass Media Control and by the International center ISSN (ISSN 2077-1770).

Modern Research of Social Problems is published 4 times per year

All manuscripts submitted are subject to double-blind review.

The journal is included in the Reviewing journal and Data base of the RISATI RAS. Information about the journal issues is presented in the RISATI RAS catalogue and accessible online on the Electronic Scientific Library site in full format, in order to create Russian Science Citation Index (RSCI). The journal has got a RSCI impact-factor (IF RSCI).

Address for correspondence:

9 Maya St., 5/192, Krasnoyarsk, 660127, Russian Federation

E-mail: sisp@nkras.ru

www.soc-journal.ru

Subscription index in the General catalog «The Russian Press» – 94088, «SIB-Press» – 94088

Published by Science and Innovation Center Publishing House

Свободная цена

© Научно-инновационный центр, 2016

Члены редакционной коллегии

Валеев Наиль Мансурович – доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (АН РТ), Академик-секретарь Отделения гуманитарных наук ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан», член Президиума АН РТ

Галиева Фарида Габдулхаевна – доктор филологических наук, кандидат исторических наук, заведующий отделом этнографии ФГБУН «Институт этнологических исследований им. Р.Г.Кузеева» Уфимского научного центра РАН, доцент Филиала МГПУ им. М.А. Шолохова в г. Уфе, Россия

Гасанов Магомед Магомедович – доктор исторических наук, профессор, проректор по учебной работе, заведующий кафедрой истории России с древнейших времен до конца XIX в. ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный университет»

Готовцева Анастасия Геннадьевна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры литературной критики факультета журналистики Института масс-медиа ФГБОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет», г. Москва, Россия

Доценко Дмитрий Васильевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики детства, иностранных языков, информатики и частных методик Филиала Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева в г. Железногорске

Зубова Яна Валерьевна – доктор социологических наук, профессор кафедры менеджмента Филиала ФГБОУ ВПО «Ухтинский государственный технический университет» в г. Усинске

Зуляяр Юрий Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета, заведующий кафедрой политологии и истории ФГБОУ ВПО «Иркутский государственный университет»

Копцева Наталья Петровна – доктор философских наук, профессор, декан факультета Гуманитарного института ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет»

Корнилова Ирина Валерьевна – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и методики ее преподавания ФГБОУ ВПО «Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов»

Литвин Александр Алтерович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой музеологии, культурологии и туризма Института международных отношений, истории и востоковедения ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Мацневский Герман Олегович – доктор исторических наук, доцент, начальник научного отдела ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры»

Мостицкая Наталья Дмитриевна – кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры культурологии и антропологии ФГБОУ ВО «Московский государственный институт культуры»

Покришук Дмитрий Владимирович – кандидат политических наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва, Россия

Поповкин Андрей Владимирович – кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии ДВО РАН ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук

Поповкина Галина Сергеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории ФГБУН Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук

Саенко Наталья Ряфиковна – доктор философских наук, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры философии и социально-гуманитарного знания ФГБОУ ВПО «Российский государственный университет туризма и сервиса»

Серов Николай Викторович – доктор культурологии, профессор, профессор кафедры философии и культурологии Санкт-Петербургское ГАОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы»

Судовиков Михаил Сергеевич – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории ФГБОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет», директор Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировский областной краеведческий музей», руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировская орден Почета государственная универсальная областная научная библиотека имени А.И. Герцена»

Широкалова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, социологии и политологии ФГБОУ ВО «Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия»

Editorial Board Members

Valeev Nail Mansurovich – Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Doctor of Philology, professor; Honored Scientist of the Russian Federation and the Republic of Tatarstan; member of the Writers' Union of Russia and the presidium of the Union of Russian ethnographers; Vice-President of the Republic of Tatarstan; Academician-secretary of the Department of Humanities of the Republic of Tatarstan

Galieva Farida Gabdulkaevna – Senior Researcher, Institute of Ethnological Studies Ufa Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Doctor of Philology, Candidate of History, Associate Professor of Moscow State Pedagogical University, Branch in Ufa

Gasanov Magomed Magomedovich – Vice-Rector for Academic Affairs (Dagestan State University), Doctor of History, Professor

Gotvtseva Anastasiya Gennadevna – Doctor of Philology, Associate Professor, assistant professor of literary criticism of the Faculty of Journalism of the Institute of the media «Russian State University for the Humanities»

Dotsenko Dmitry Vasilevich – Candidate of Philology, Associate Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafieva, Zheleznogorsk Branch

Zubova Yana Valerevna – Doctor of Social Sciences, Department of Management, Ukhta State Technical University, Branch in the city of Usinsk

Zulyar Yuriy Anatolevich – Head of the Department of Political Science and the Faculty of History of Russian history, Irkutsk State University, Doctor of History

Koptseva Natalia Petrovna – Doctor of Philosophy, Professor, Dean of the Faculty of Humanities Institute, Siberian Federal University

Kornilova Irina Valerevna – Doctor of History, Assistant Professor, Naberezhnye Chelny Institute of Socio-Educational Technologies and Resources

Litvin Aleksandr Alterovich – Doctor of History, Professor, Head of the Department of Museology, culture and tourism, Kazan (Volga) Federal University

Matsievskiy German Olegovich – Head of the Scientific Department of the Krasnodar State University of Culture and Arts, Doctor of History, Associate Professor

Mostitskaya Natalya Dmitrievna – Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Moscow State University of Culture and Arts

Pokrishchuk Dmitriy Vladimirovich – Candidate of Political Sciences, Lecturer, Department of humanitarian and socio-economic disciplines Russian State Humanitarian University

Popovkin Andrey Vladimirovich – researcher in the Department of Ethnography, ethnology and anthropology Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East (IIAE FEB RAS), associate professor of the philosophy of the Far Eastern State Technical University, Candidate of Philosophy

Popovkina Galina Sergeevna – Senior Fellow of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of RAS (Vladivostok), Candidate of History

Pulkin Maksim Viktorovich – Candidate of History, Senior Researcher, Institute of Language, Literature and History of Karelian Research Centre of Russian Academy of Sciences, Associate Professor of the Department of Cultural, Petrozavodsk State University

Saenko Natalya Ryafikovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, Volgograd State Pedagogical University

Serov Nikolay Viktorovich – Doctor of Cultural Studies, Professor of Philosophy and Cultural Studies St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work

Sudovikov Mikhail Sergeevich – Doctor of History, Assistant Professor, Head of the department of national history, Federal State Educational Institution of Higher Professional Education «Vyatka State University of Humanities»

Shirokalova Galina Sergeevna – Doctor of Social Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophy, Sociology and Political Science, Nizhny Novgorod State Agricultural Academy

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

HISTORY AND ARCHAEOLOGICAL STUDIES

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-3-2-7-28

УДК 94

ТОРГОВЛЯ АЛКОГОЛЕМ КАК СФЕРА КУПЕЧЕСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ОРЕНБУРГСКОМ КРАЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Абдрахманов К.А.

Продажа спиртных напитков и организация пунктов по их реализации являлись значимой составляющей трудовой повседневности оренбургского пореформенного купечества. Предметом анализа выступает специфика организации этого вида предпринимательской деятельности во второй половине XIX – начале XX веков на территории Оренбургской губернии.

В ходе исследования рассмотрены внутри- и внешнеполитические процессы, отразившиеся на желаниях и возможностях оренбургских купцов включить торговлю спиртными напитками в сферу своих коммерческих интересов. Либеральные реформы 60-х годов XIX века облегчили доступ к этому направлению торговли для всех категорий российских подданных, что способствовало появлению в большом количестве новых питейных заведений, как в Оренбургском крае, так и по всей России.

Цель. Целью статьи является выявление круга проблем, с которыми сталкивались предприниматели Оренбургской губернии при организации торговли спиртными напитками в пореформенное время.

Метод или методология проведения работы. Методологической базой исследования служат проблемно-хронологический и сравнительно-исторический методы.

Результаты. Результатом работы становится вывод о том, что такое направление коммерции оренбургских купцов как продажа алкогольной продукции и открытие пунктов по ее реализации было подвержено влиянию внешне- и внутривполитической обстановки. Виноторговцы в процессе своей профессиональной деятельности также попадали в зависимость от круга приоритетных задач государства. Так, опасаясь распространения пьянства среди населения страны, и желая увеличить доходы бюджета, государство включило регулятивные механизмы посредством введения винной монополии. Эта мера привела к снижению доходов предпринимателей и заставила их искать окольные пути для увеличения прибыли.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть использованы для изучения этапов экономического развития Оренбуржья и истории предпринимательства в регионе.

Ключевые слова: торговля алкоголем; питейные заведения; купечество; Оренбургская губерния; деловая повседневность; винная монополия.

**TRADE IN ALCOHOLIC BEVERAGES AS A SPHERE
OF THE MERCHANTS' ENTREPRENEURSHIP IN ORENBURG
REGION IN THE SECOND HALF OF THE 19th CENTURY
AND THE BEGINNING OF 20th CENTURY**

Abdrakhmanov K.A.

Trade in alcoholic beverages and organization of business establishments that sell and serve alcoholic drinks to the general public made up

an important part of everyday business activity of Orenburg merchants of the post-reform period. The subject of this study is typical features of this kind of entrepreneurship in Orenburg Governorate in the second half of the 19th century and the beginning of 20th century.

This research contains overview of processes in foreign and domestic policy of the Russian Empire that influenced willingness and capability of Orenburg merchants to include trade in alcoholic beverages in the field of their commercial activity. Liberal reforms of 1860s made it easier for Russian subjects to engage into commercial activity of that kind and, as a result, a lot of new drinking establishments opened in Orenburg region as well as throughout the whole Russian Empire.

Purpose. The goal of this study is to find out what typical problems Orenburg merchants were facing during the post-reform period.

Methodology. The methodological basis of this research consists of and topical-chronological and comparative-historical methods.

Results. The result of the study is a conclusion that such kind of commercial activity as trade in alcoholic beverages and organization of business establishments that sell and serve alcoholic drinks was influenced by processes in foreign and domestic policy. Alcohol-selling entrepreneurs in the course of their professional activity were also affected by the set of the state priorities. Imperial government, fearing the further spread of alcohol abuse among the general population and seeking to increase the government revenue, used administrative means and established a state alcohol monopoly. This measure caused revenues of entrepreneurs to decrease and forced them to seek roundabout ways to increase their income.

Practical implications. The results of the study could be used for studying the stages of economical development of Orenburg region and the history of commerce in the region.

Keywords: *trade in alcohol; drinking establishments; merchants; Orenburg Governorate; everyday business; alcohol monopoly.*

На рубеже XX–XXI веков интерес историков к изучению повседневной жизни и профессиональной деятельности различных социальных групп, политических организаций, экономических сообществ неуклонно растёт. Изучение специфики обыденного поведения как отдельных индивидов, микро и макрогрупп, так и целых государств или народностей на сегодняшний день является популярным направлением в исследовательских работах историков и социологов.

В отношении темы данной статьи необходимо отметить, что узкоспециализированные работы, освещающие особенности организации продажи спиртных напитков оренбургскими предпринимателями пореформенного времени, в региональной историографии практически отсутствуют.

Большая часть научных работ, посвящённых развитию трактирного дела и торговле вином, базирующихся как на материалах Оренбургской губернии, так и на сведениях из других регионов России, затрагивают юридические аспекты организации этого направления бизнеса. Представление об этом процессе дают статьи И.Н. Афанасьева [1], Ю.А. Демешко [19] и Т.К. Махровой [24]. Ключевым элементом этих исследований является деятельность центрального аппарата правительства и других государственных служб, задействованных в регламентации и контроле отпуска спиртосодержащих жидкостей в заведениях частных предпринимателей. Статьи Р. Гизатуллина [18] и А. Кривоконь [21] дают возможность «изнутри» рассмотреть атмосферу кабаков и трактиров, поближе познакомиться с бытом содержателей и завсегдатаев значных мест.

В период активного развития оренбургского предпринимательства, пришедшегося на XIX – начало XX века, на территории края не было крупных коммерсантов, занимающихся исключительно

развитием сети питейных заведений и продаж спиртных напитков. Для представителей торгового сословия уральского региона была свойственна «...широкая диверсификация капиталов, то есть купцы вкладывали их одновременно в различные отрасли хозяйства края» [3, с. 33]. Потребность уральских купцов распределять финансовые потоки по разным направлениям предпринимательской деятельности объясняет Е.В. Банникова: «Отсутствие специализации купцов на торговле каким-либо одним видом товара было объяснимым явлением. В условиях нестабильного рыночного спроса и его тесной зависимости от различных природных и социальных катаклизмов или международных взаимоотношений купцы стремились максимально обезопасить себя от разорения» [2, с. 164–165].

Существовавшая в дореформенный период система винного откупа до определённого времени вполне устраивала правящие круги империи как стабильный источник пополнения бюджета. Доход государства от винной торговли, доходивший на момент ликвидации откупов в 1863 году до 46% от всех поступлений в государственную казну, долго оказывал влияние на решение об упразднении этой системы [19, с. 142]. Великие реформы Александра II коснулись множества проблем в политической, экономической и социальной сферах. В рамках преобразований в 1861 году после отмены крепостного права в Российской империи был принят новый Устав о питейном сборе, «который не только отменил откупную систему и ввёл акцизную – с 1 января 1863 г. на всей территории страны, но и разрешил неограниченное владение ресторанами и трактирами для всех категорий подданных» [1, с. 41]. В первой же половине XIX века «...питейные дома для розничной торговли разрешалось содержать купцам 3-й гильдии, мещанам и крестьянам, но не более двух заведений каждому» [24, с. 105]. Снятие

ограничений на количество открываемых заведений естественно увеличило число коммерсантов, желающих сделать продажу алкоголя частью своей трудовой повседневности.

На 1862 год в Оренбургской губернии насчитывалось 29 винокуренных заводов, 373 питейных заведения, из которых 89 находились в городах, а 284 – в селениях [6, л. 4]. Оренбургские купцы-откупщики были заинтересованы в расширении розничной продажи спиртных напитков, так как этот способ реализации продукции был наиболее доходным. Для расширения территории сбыта спиртных напитков, в качестве распространителей алкоголя владельцы трактиров использовали, как правило, крестьян. Этот процесс выглядел следующим образом: «...в каждом селении и станице есть так называемые шинки, появляющиеся также и на всех базарах. Эта шинковая продажа делается так: сиделец (откупщик) отпускает крестьянину на комиссию (реализацию) несколько вёдер вина, с условием по распродаже его возратить определённую сумму, по выполнении чего отпуск вина делается снова и т.д. Но чаще всего вино покупается в кабаках на чистые (наличные) деньги для шинковой продажи его в других селениях» [6, л. 27–27об].

Вслед за упрощением законодательства об открытии питейных заведений профессиональная деятельность торгующих алкоголем купцов становится объектом более пристального внимания со стороны надзорных ведомств. В рапорте оренбургскому генерал-губернатору А.П. Безаку от стерлитамакского земского исправника говорилось, что «...приставом 2-й статьи Анисимовым в одной из деревень взят при продаже вина государственный крестьянин деревни Васильевка Яков Семёнов с бочонком вина в количестве двух с половиной вёдер, продававший оное на самом базаре от имени сидельца васильевского питейного дома Тимофея Думнова» [6, л. 39об]. При этом подавший рапорт чиновник особо выделял

бездействие местных полицейских чинов, которые, по его словам, были в курсе происходящего, но сознательно закрывали глаза на подобные нарушения.

Еще одно нарушение в работе питейного заведения было выявлено в станице Орской в штофной лавке оренбургского 3-й гильдии купеческого сына Ивана Васильевича Ладыгина. Недочёт предпринимателя заключался в том, что «снаружи штофной лавки не было соответственной заведению вывески; в самом заведении не было прибито патента на видном месте» [6, л. 240об].

Также в повседневной трудовой деятельности торговцев вино-водочной продукцией имело место пересечение интересов с их коллегами из золотодобывающей отрасли. В 1863 году золотопромышленник Оренбургской губернии Дмитрий Пеутлинг обратился в Министерство финансов с просьбой об усилении контроля за продажей спиртных напитков вблизи частных золотых приисков [7, л. 3]. Владелец прииска просил как-нибудь ограничить, либо совсем прекратить торговлю из питейного заведения в деревне Мансурово, которая располагалась рядом с его предприятием. Торговлю вином в этой деревне вёл троицкий мещанин Маркел Петров [7, л. 5].

Золотопромышленник жаловался на то, что повальная страсть к алкоголю среди местного населения, задействованного на добыче золота, не даёт возможность выполнять взятые на себя обязательства по объёмам извлечения драгметалла и развивать производство в силу нехватки рабочих рук: «страсть к вину в башкирских селениях, лежащих близ золотых приисков, развивается до такой сильной степени, что уничтожает все приобретения труда, порождает к нему отвращение и поощряет в особенности к преступлениям, наносящим ущерб государству, именно хищничеству золота. С усилением этого преступления невозможно правильное развитие

золотопромышленности, в особенности при небогатом содержании руды» [7, л. 7].

Однако это прошение Д. Пеутлинга встретило противодействие со стороны оренбургских властей. В письме уфимского губернатора Г.С. Аксакова оренбургскому генерал-губернатору А.П. Безаку говорилось: «крайне было бы стеснительно и несправедливо запретить продажу вина в населённых местах, находящихся в соседстве с золотыми приисками, которые открываются беспрестанно в новых местах. Золотые прииски окружают не только селения, но даже значительные местечки и города, как например Миасс, где издревле существуют разные питейные заведения и погреба, запрещение продажи вина, как в сих местах, так вообще в селениях, послужит к стеснению не только торгующих, но и местных жителей» [7, л. 5об-6].

Стоит добавить, что организация продажи спиртных напитков возле золотых приисков всегда была очень прибыльным делом из-за наличия в большом количестве подходящей клиентуры. Предприятия золотодобычи являлись производством, на котором было задействовано очень много людей. Поэтому прилегающая к приискам территория часто становилась прибежищем для лиц, имеющих проблемы с законом, и желающих затеряться в толпе на удалённом от полицейских структур производстве. Известен случай, когда управляющие золотыми промыслами в Троицком уезде Кочкарской системы Лебедев, Жихарев и Гатальс, а также владельцы приисков Симанов и Шальгин ходатайствовали перед екатеринбургским съездом золотопромышленников о помощи им в «...избавлении их приисков от вредных, как для горнорабочих, так и для них, самовольно поселившихся и проживающих на приисках разных лиц» [9, л. 61]. Деклассированные элементы «...населились самовольно из разных губерний, которые положительного и специального занятия не име-

ют, проживают в своих земляных балаганах и деревянных избах» [9, л. 63–63об]. Благодаря деятельности предпринимателей-винооторговцев вся эта маргинальная масса имела постоянный доступ к горячительным напиткам, которые в этой среде пользовались большим спросом. Из приведенных данных становится ясным, что негодование золотопромышленника Пеутлинга по поводу работы возле его предприятия питейного заведения является вполне обоснованным.

В итоге можно сказать, что абсолютно легальные способы заработка денег винооторговцами иногда оказывали отрицательное влияние на трудовую повседневность их коллег из золотодобывающей отрасли.

Прибыльность продажи алкоголя, сопряжённая с определёнными трудностями при организации дела, порождала конкуренцию в купеческой среде и провоцировала допущенных к власти предпринимателей на злоупотребления своим должностным положением.

В записке из Министерства внутренних дел на имя оренбургского гражданского губернатора от 23 октября 1875 года говорилось: «из сведений, поступающих в Министерство внутренних дел, между прочим усматривается, что некоторые Городские думы, определяя на основании Устава о питейных сборах количество питейных заведений, которое может быть открыто с наступлением нового года, постановляют приговоры о том, чтобы заведения эти открывались исключительно на городских местах или в зданиях, принадлежащих городу, причём самое право на производство продажи крепкими напитками в указанных местностях отдают с торгов в пользу городской казны и затем отказывают в выдаче разрешений на открытие питейных заведений в домах и помещениях, принадлежащих частным лицам» [13, л. 117].

Для того, чтобы выявить подобные злоупотребления в Оренбуржье, или, наоборот, убедиться в их отсутствии, министерство вну-

тренних дел затребовало копии таких документов, как «приговоры и постановления городской думы об ограничении числа питейных заведений или об определении местностей, в коих питейные заведения вовсе не могут быть открываемы» [14, л. 9].

Имеющиеся данные об интенсивности открытия питейных заведений в столице края говорят о том, что в Оренбурге проблемы, о которой писал министр, не существовало. Местные коммерсанты осваивали рынок спиртной продукции, как правило, придерживаясь правил честной конкуренции. В 70-е годы XIX века в Оренбурге наблюдался рост заведений, осуществляющих торговлю крепкими напитками. В 1875 году продажа алкоголя производилась из 38 точек, имеющих разрешение на подобного рода деятельность. А в следующем году планировалось открыть 33 трактирных заведения и 4 буфета [15, л. 356].

В 1878 году в Оренбурге насчитывалось уже 42 заведения разного вида, принадлежавшие частным лицам, где осуществлялась торговля спиртным. Среди собственников этой сети по продаже алкоголя были купцы: М. Савельев – 5 заведений, И. Антошечкин – 1 зав., Е. Попков – 2 зав., А. Спиридонов – 2 зав., И. Шотт – 6 зав., П. Оглодков – 2 зав., И. Гусев – 1 зав., И. Кашкаров – 3 зав., А. Филиппов – 3 зав., Е. Петров – 1 зав., также одним питейным заведением владела купчиха Агафья Ладыгина [16, л. 315]. Купец Антон Каретников содержал 1 трактир, 2 буфета при театре и 2 буфета на набережной Урала. Его коллега Капитон Ключников был владельцем одного буфета при караван-сараяе [16, л. 315]. Стоит добавить, что последний в этом списке предприниматель осуществлял продажу вина в Оренбурге еще с начала 60-х годов XIX века [6, л. 222].

В следующем году заявления о продолжении работы уже имеющихся питейных заведений и открытии новых были поданы от

21 коммерсанта. Итого в 1879 году список мест, где осуществлялась продажа алкоголя, должны были дополнить 2 буфета при вокзале, 2 буфета в зауральной роще и 1 буфет в коммерческом собрании.

Перевод страны на капиталистические рельсы, внедрение опыта западных стран в развитие предпринимательской деятельности порой требовали от русских купцов, желающих добиться успеха в определённой области коммерции, наличия профильного образования. Ярким примером того, что специально полученные знания дают определённое преимущество при организации своего дела, являлась деятельность оренбургского купца А.Ф. Клюмпа, открывшего в городе крупнейший пивоваренный завод. Перед началом своей карьеры пивовара Антон Фёдорович обучался в Астрахани искусству очистки хлебного вина. Своё образование предприниматель продолжил в Москве, где и получил звание дистилятора. Предпринимательскую деятельность в столице Оренбуржья купец Клюмп начал с открытия в 1866 году небольшого медо-пивоваренного завода.

Это предприятие позволило ему накопить достаточно средств, в результате чего А. Клюмп решил на модернизацию производства. В марте 1875 года предприниматель подал заявление в городскую управу «...разрешить строительство на принадлежащем ему месте двухэтажного каменного пивоваренного завода» [4, с. 249]. Столь масштабная стройка длилась 12 лет, и была завершена только в 1887 году. Возведённый объект включал: «...сам завод, длинную во весь квартал, при нём солодильня, сушильня, квартира пивовара, деревянный флигель с холодным сараем во дворе, каменный одноэтажный сарай с подвалом, каменная отдельная постройка для караульни» [4, с. 249]. Первая продукция пивоваренного завода поступила в продажу в мае 1887 года.

Часто предприниматели, желающие приобрести лицензию на продажу в своих заведениях крепких спиртных напитков, сталкивались и с трудностями финансового характера. Так в 1881 году имеющий прусское подданство коммерсант Шрадер был владельцем находящейся в Оренбурге кухмистерской «С.-Петербургская» [17, л. 287]. В мае 1881 года прусский купец подал в Городскую думу прошение о разрешении ему выправить документы на открытиебуфета. Предприниматель жаловался на недостаток средств и предлагал выплатить в пользу города 50 рублей, включив в эту сумму и налог за уже действующую кухмистерскую, и патентный сбор на открытие буфета.

Шрадер обращал внимание гласных на то, что в случае отклонения его ходатайства город может лишиться такого полезного заведения, как его кухмистерская. Ведь, кроме его заведения в Оренбурге, существовало только одно аналогичное – кухмистерская Меркушева [17, л. 287]. Коммерсант жаловался на то, что из-за отсутствия документов на торговлю крепким алкоголем, он терпит значительные убытки. Он писал, что люди заходят в его заведение «...с просьбой дать рюмку водки, но так как он на право открытия буфета документов не выправил, то и приходится в просьбе потребителям водки отказывать» [17, л. 287–287об]. Однако, поскольку патентный сбор на открытие буфетов в 1881 году составлял 400 рублей, Городская дума сочла предлагаемую Шрадером сумму явно недостаточной и его прошение отклонила. Городские гласные постановили, что «... Шрадер должен открыть буфет для продажи водки на общих основаниях» [17, л. 287об].

Были случаи, когда предприниматели решались нарушить закон, если выгода обещала быть баснословной или наоборот существовал риск потери финансов. Амплитуда правонарушений в

оренбургской торговой среде сильно зависела от колебаний правительственного политического и экономического курса.

Введение в 1894 году винной монополии оказало влияние на рост правонарушений в сфере трудовой повседневности местных торговцев спиртными напитками и содержателей питейных заведений. Со слов инициатора подобной меры С.Ю. Витте, «основная мысль питейной монополии заключается в том, что никто не может продавать вино, иначе как государство, и производство вина должно быть ограничено теми размерами, в каких сие вино покупает государство, а следовательно, и удовлетворять тем условиям, какие государство ставит как покупатель» [5, с. 359–360].

Вводя монополию на реализацию алкоголя, государство преследовало несколько целей. Первоочередная задача правительства заключалась в увеличении поступлений в казну, на втором месте была забота о здоровье граждан империи путём сокращения пьянства среди населения. «Продавать водку можно только в запечатанной посуде и по цене, установленной министром финансов, а в розлив только в кабаках и ресторанах, при этом правительство учреждало систему чайных, где спиртное не продавалось вообще. Отсюда значение перехода к системе монополии для государства: увеличение своих доходов и уменьшение пьянства среди населения», – писал в конце XIX века российский историк и социолог М.М. Ковалевский [20, с. 16].

Подобно тому, как начало расти число правонарушений со стороны организаторов продажи спиртного, увеличилось и число доносов на них. Например, в 1895 году илецкий мещанин Донцов донёс управляющему акцизными сборами о незаконной продаже вина в Илецке из трактирного заведения купца Назарова [8, л. 40]. А в ренковом погребке, содержимом мещанкой Евгенией Николаевной Баландиной на территории станицы Кундравинской, в ходе

проверки были обнаружены многочисленные нарушения устава об акцизных сборах [10, л. 36].

Несмотря на действие винной монополии в начале XX века, число оренбургских предпринимателей, желающих заняться продажей спиртного, только возросло, однако получить разрешение удавалось далеко не всем. Так, в 1905 году крестьянин калужской губернии П.В. Фокин обратился с ходатайством к управляющему акцизными сборами Оренбургской губернии и Тургайской области о разрешении открыть трактирное заведение во 2-й части Оренбурга. В своём докладе оренбургскому губернатору чиновник предложил «...ходатайство Фокина отклонить в виду того, что в означенном районе трактирных заведений вполне достаточно для удовлетворения потребностей местного населения» [10, л. 4].

Совсем другая картина складывалась в Челябинске. В том же 1905 году управляющему акцизными сборами поступило прошение от рижского мещанина Я.В. Упитта о разрешении ему открыть трактирное заведение в Челябинске «...с правом продажи крепких напитков произвольными мерами и по вольной цене» [10, л. 5]. Ходатайство рижского мещанина было одобрено. «Предполагая означенное ходатайство удовлетворить в виду полной благонадёжности просителя и того обстоятельства, что в открытии трактирного заведения названного типа в Челябинске является потребность», – глагол вердикт акцизного ведомства [10, л. 5].

Порой конкуренцию частным предпринимателям, желающим открыть в Оренбурге трактирные и прочие заведения, в которых разрешалась продажа спиртного, составляло само управление акцизными сборами. По инициативе чиновников этого ведомства в городе могли возникнуть казённые питейные заведения. Согласно документам, «в 4-й части города Оренбурга на две казённые винные лавки за № 9 и 15 приходится годовая продажа в 13500 вёдер, причём торговля сре-

ди дня очень неравномерна и большая половина её падает на время между окончанием работ на фабриках и заводах и закрытием лавки, кроме того продажа преимущественно в мелкой посуде. Эта особенность делает правильное удовлетворение требований на вино для продавцов означенных лавок непосильным и вызывает по вечерам большое скопление народа на улице перед лавкой» [10, л. 6]. «Хозяйственный комитет, при вверенном мне [управляющему акцизными сборами – К.А.] управлении, на рассмотрение которого поступил вопрос об устранении вышеуказанного неудобства, постановил открыть в четвёртой части города Оренбурга в местности между лавками за № 9 и 15 новую казённую винную лавку 2 разряда», – писал управляющий акцизными сборами Оренбургской губернии и Тургайской области [10, л. 6].

Однако это намерение надзорного ведомства не нашло отклика со стороны оренбургского полицмейстера. В своём рапорте губернатору края страж порядка объяснял, почему открытие винной лавки в предполагаемом месте является нежелательным, и предлагал некую альтернативу: «...открытие 3-й винной лавки в районе 4 части было бы нежелательно, так как в означенной части проживает исключительно рабочий люд, злоупотребляющий спиртными напитками, благодаря чему в этом районе происходят драки, буйства, а также преступления и проступки, совершаемые преимущественно пьяными лицами. Если же открытие означенной винной лавки является необходимой потребностью, таковую возможно открыть на Степной улице, между улицами Воскресенской и Телеграфной, как более отдалённой от торгово-промышленных заведений, в каковой местности нельзя ожидать большого скопления рабочих у винной лавки» [10, л. 8].

Надо сказать, что опасения полицмейстера по поводу неадекватного поведения лиц, злоупотребляющих спиртным, были вполне обоснованы. В 1905 году в Челябинске произошёл следующий

случай. Начальник оренбургского губернского жандармского управления докладывал губернатору: «В Челябинске сильно развилась тайная продажа водки, о случае, имеющим связь с такой продажей помощник мой в Челябинском уезде донёс мне следующее: 20 июля сего [1905 – К.А.] года, в 7 часов вечера в г. Челябинске произошло следующее происшествие, имеющее связь с тайной продажей водки. Между челябинским мещанином Степаном Ивановичем Гевлевым, тайно торгующим водкой и крестьянином села Косулинское Челябинского уезда Алексеем Поликарповичем Борчаниновым, произошла ссора, из-за того, что пьяный Борчанинов назвал пьяного же Гевлева «целовальником». Гевлев обиделся, зарядил ружьё дробью и выстрелил в Борчанинова, ранив последнего в руку и бок». [10, л. 26]. При помощи нескольких казаков Берёзовского полка пьяный дебошир был схвачен, и у него в качестве «... вещественного доказательства тайной продажи питей взято было около 3-х четвертей водки» [10, л. 26об].

В конце XIX – начале XX века «в спектр рекреационных услуг, предоставляемых трактирными заведениями, входили разрешённые игры и музыка» [21]. Поэтому для привлечения большего числа посетителей оренбургские предприниматели старались оборудовать свои заведения чем-нибудь из разряда развлечений, чтобы как-то разнообразить досуг посетителей.

Владельцы пивной лавки в Илецкой защите оренбургские купцы Варфоломей и Василий Сергеевичи Мошковы планировали оборудовать своё заведение столом для бильярда, о чем в 1905 году было подано соответствующее ходатайство оренбургскому уездному исправнику [10, л. 32]. Но братья-предприниматели получили отказ на основании того, что «в тех заведениях, где продавались исключительно спиртные напитки, музыка и увеселительные игры, а также кости, шашки, карты и прочее запрещались» [21].

На начало XX века управляющему акцизными сборами Оренбургской губернии было направлено значительное число заявлений с просьбой об открытии заведений, торгующих алкогольной продукцией. Так, «стерлитамакский мещанин А.Г. Шубин, сельский обыватель г. Златоуста И.Ф. Киселёв, потомственный почётный гражданин Л.Х. Либерман, крестьянин Челябинского уезда В.С. Шашков, товарищество пивоваренного завода Е.Е. Гофман и К^о, крестьянин Е.С. Стрижак, крестьянин Оренбургского уезда И.Ф. Елатомцев, товарищество Гребеньковой и Холкиной, оренбургский мещанин В.И. Золотов – обратились ко мне [управляющему акцизными сборами – К.А.] с ходатайствами о разрешении открытия ренского погреба в селе Троицком, пивной лавки в селе Андреевском, ренского погреба в Челябинске, пивной лавки в селе Чумляк, пивного ресторана в Орске, ренского погреба в селе Ивановском, пивных лавок в Долговской, Еткульской и Травниковской станицах и Полетаевском и Еманжелинском посёлках и об увеличении часов торговли крепкими напитками в трактирном заведении в селе Покровском», – говорится в отчёте акцизного ведомства [10, л. 47].

Обострение международной обстановки также вносило свои коррективы в трудовую повседневность содержателей питейных заведений и торговцев спиртными напитками. В преддверии Первой мировой войны был издан царский указ о запрещении производства и продажи всех видов алкогольной продукции на всей территории России [23, с. 364]. Но в ответ на монарший указ появились многочисленные способы обхода закона.

Не желая отказываться от столь значимого источника доходов регионального бюджета органы местного самоуправления всех губерний империи выдавали ограниченное количество разрешений на открытие питейных заведений и отпуск алкогольной продукции. В отчёте оренбургского полицейского управления говорилось, что

«обширная торговля крепкими напитками по разрешениям полиции ведётся в городе Оренбурге из 2-х ренсковых погребов, и меньшая в остальных 5 ренсковых погребах городов Челябинска, Троицка и Орска» [12, л. 766]. Этими пунктами отпуска алкогольной продукции в губернской столице были ренсковые погреба Волкова и «Жаринова и Диль» [12, л. 770].

Запрет на торговлю крепкими напитками не снизил спрос на алкогольную продукцию у оренбургских купцов, приобретающих этот товар в легально действующих пунктах с целью его дальнейшей перепродажи. Среди тех, кто имел эксклюзивное право на приобретение алкоголя, были купцы: Н.Ф. Суторихин, К.А. Фаткуллин, А.В. Юров, В.В. Кукин, Н.И. Симонов, А.И. Сачков, Я.А. и Н.А. Леск, получавшие спиртное из ренского погреба Волкова [12, л. 770–770об], а из ренского погреба «Жаринова и Диль» – купцы: Н.Н. Дюков, А.П. Деев, С. Н. Казаченков [12, л. 770об – 771].

Подводя итог, можно сказать, что такое направление профессиональной деятельности оренбургских купцов, как организация продажи спиртных напитков и открытие питейных заведений, было одним из наиболее трудоёмких. В качестве преград для успешного инвестирования в эту сферу предпринимательства выступали несовершенное законодательство, финансовые трудности или противодействие со стороны конкурентов. Также на доходах коммерсантов и соответственно на их решимости занять соответствующую нишу рынка оказывала влияние и международная обстановка.

Список литературы

1. Афанасьев И.Н. Деятельность губернских органов по сокращению питейных заведений во второй половине XIX в. (на примере Новгородской губернии) // История государства и права. 2010. № 5. С. 40–43.

2. Банникова Е.В. Повседневная жизнь провинциального купечества (по материалам губерний Урала дореформенного периода). СПб., 2014. 439 с.
3. Баяндина Н.П. Купечество и торговые дома Урала в пореформенный период, 1860-е годы – начало XX века: на материалах Пермской и Вятской губерний.: автореф. ...дис. канд. ист. наук. Пермь, 1999. 54 с.
4. Боброва О.Ю. Стремление к общественной пользе // Гостинный двор. Оренбург. 2011. С. 239–259.
5. Витте С.Ю. Избранные воспоминания. М.: Мысль, 1991. 720 с.
6. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6. Оп. 6. Д. 13828.
7. ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 13855.
8. ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 135.
9. ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 189.
10. ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 242.
11. ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 394А.
12. ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 395.
13. ГАОО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 27.
14. ГАОО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 32.
15. ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 2.
16. ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 6.
17. ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 11.
18. Гизатуллин Р. Время харчеваться. Как был устроен общепит в маленьком южноуральском городе до революции [Электронный ресурс] // Южноуральская панорама, 2015. URL:<http://up74.ru/articles/obshchestvo/80497/> (дата обращения: 28.04.2016).
19. Демешко Ю.А. Купечество в системе откупов Российской империи в дореформенный период // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.: сб. статей. науч. конф. Коломна, 2013. Т. 2. С. 140–146.

20. Ковалевский М.М. Экономический строй России. СПб.: Нобель Пресс, 1900. 496 с.
21. Кривоконь А. Ресторанная жизнь удалая. Что сушили человеку трактирные и питейные заведения на рубеже XIX–XX вв. // Родина. 2016. № 416 (4). С. 106–109.
22. Курукин И.В., Никулина Е.А. Государево кабацкое дело. Очерки питейной политики и традиций в России. М.: АСТ, 2005. 382 с.
23. Курукин И.В., Никулина Е.А. Повседневная жизнь русского кабака от Ивана Грозного до Бориса Ельцина. М.: Молодая гвардия, 2007. 519 с.
24. Махрова Т.К. Из истории винного откупа и питейного корчемства на Урале в конце XVIII – первой половине XIX в. // Правопорядок: история, теория, практика. 2015. № 2 (5). С. 100–107.

References

1. Afanas'ev I.N. Deyatel'nost' gubernskikh organov po sokrashcheniyu piteynykh zavedeniy vo vtoroy polovine XIX v. (na primere Novgorodskoy gubernii) [Activity of county agencies with regard to reduction of drinking establishments in the second half of the XIX century (at the example of Novgorod County)]. *Istoriya gosudarstva i prava* [History of State and Law], 2010, no5, pp. 40–43.
2. Bannikova E.V. *Povsednevnyaya zhizn' provintsial'nogo kupechestva (po materialam guberniy Urala doreformennogo perioda)* [Everyday life of provincial merchants (based on materials of Ural Governorates of the pre-reform period)]. St. Petersburg, 2014. 439 p.
3. Bayandina N.P. *Kupechestvo i trgovye doma Urala v poreformennyi period, 1860-e gody – nachalo XX veka: Na materialakh Permskoy i Yyatskoy guberniy* [Merchants and trading houses of Ural region during the post-reform period, 1860s – beginning of 20th century]. Perm, 1999. 54 p.

4. Bobrova O.Yu. Stremlenie k obshchestvennoy pol'ze [The quest for the common good]. *Gostinyy dvor*. Orenburg, 2011, pp. 239–259.
5. Vitte S.Yu. *Izbrannye vospominaniya* [Selected memoirs]. Moscow: Mysl' Publ., 1991. 720 p.
6. *Gosudarstvennyy arkhiv Orenburgskoy oblasti* (GAOO) [State Archive of the Orenburg region]. F. 6. Op. 6. D. 13828.
7. GAOO. F. 6. Op. 6. D. 13855.
8. GAOO. F. 10. Op. 1. D. 135.
9. GAOO. F. 10. Op. 1. D. 189.
10. GAOO. F. 10. Op. 1. D. 242.
11. GAOO. F. 10. Op. 1. D. 394A.
12. GAOO. F. 10. Op. 1. D. 395.
13. GAOO. F. 10. Op. 2. D. 27.
14. GAOO. F. 10. Op. 2. D. 32.
15. GAOO. F. 41. Op. 1. D. 2.
16. GAOO. F. 41. Op. 1. D. 6.
17. GAOO. F. 41. Op. 1. D. 11.
18. Gizatullin R. Vremya kharchevat'sya. Kak byl ustroen obshchepit v malen'kom yuzhnoural'skom gorode do revolyutsii [Time to eat. How public catering was organized in a small South Ural town before Revolution]. *Yuzhnoural'skaya panorama* [South Ural panorama], 2015. <http://up74.ru/articles/obshchestvo/80497/> (accessed April 28, 2016).
19. Demeshko Yu.A. Kupechestvo v sisteme otkupov Rossiyskoy imperii v doreformennyy period [Merchants in the tax-farming system of the pre-reform Russian Empire]. *Torgovlya, kupechestvo i tamozhennoe delo v Rossii v XVI–XIX vv.* [Trade, merchants and customs activity in Russia from the 16th to 19th century]. Kolomna, 2013. Vol. 2, pp. 140–146.
20. Kovalevskiy M.M. *Ekonomicheskiy stroy Rossii* [Economic system of Russia]. St. Petersburg: Nobel' Press Publ., 1900. 496 p.

21. Krivokon' A. Restorannaya zhizn' udalaya. Chto sulili cheloveku traktirnye i piteynye zavedeniya na rubezhe XIX–XX vv. [Wild restaurant life. What could a person expect from taverns and drinking establishments at the turn of 19th – 20th centuries]. *Rodina*, 2016, no 416 (4), pp. 106–109.
22. Kurukin I.V., Nikulina E.A. *Gosudarevo kabatskoe delo. Ocherki piteynoy politiki i traditsiy v Rossii* [Monarch tavern business. Sketches of alcohol policy and traditions in Russia]. Moscow: AST Publ., 2005. 382 p.
23. Kurukin I.V., Nikulina E.A. *Povsednevnyaya zhizn' russkogo kabaka ot Ivana Groznogo do Borisa El'tsina* [Everyday life of Russian tavern from Ivan the Terrible to Boris Yeltsin]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 2007. 519 p.
24. Makhrova T.K. Iz istorii vinnogo otkupa i piteynogo korchemstva na Urале v kontse XVIII – pervoy polovine XIX v. [The history of wine farming and smuggling in Ural at the end of XVIII – the first half of XIX centuries]. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika*, 2015, no 2 (5), pp. 100–107.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Абдрахманов Константин Алексеевич, аспирант

*Оренбургский государственный педагогический университет
ул. Советская, 19, г. Оренбург, 460014, Российская Федерация
kostya.abdrakhmanov@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Abdrakhmanov Konstantin Alekseevich, Postgraduate Student

*Orenburg State Pedagogical University
19, Sovetskaya Str., Orenburg, 460014, Russia Federation
kostya.abdrakhmanov@mail.ru*

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-3-2-29-34

УДК 746.3

О НАРОДНОМ ВЫШИВАНИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ КИТАЯ

Ван Сяомэй

Цель. Основной целью данной статьи является исследование культурных особенностей народного вышивания на северо-востоке Китая, исходя из территориальной принадлежности и специфики народных обычаев.

Метод или методология проведения работы. Методологией исследования является историко-материалистический подход, а основным методом – историко-культурологический анализ.

Результаты. На северо-востоке Китая проживает много национальных меньшинств, в ходе развития которых складывались национальные особенности мастерства вышивания. Эти работы по форме и художественному стилю, отражающие внутренний дух и общественные нормы, показывают разнообразие национальной культуры и занимают важное место в истории китайского вышивания. Для народного вышивания на северо-востоке Китая характерны различные виды, обширная и содержательно богатая тематика.

Область применения результатов. Полученные результаты отражают основные черты народной вышивки Северо-Восточного Китая и могут быть использованы при разработке учебных курсов по культуре Китая.

Ключевые слова: народное вышивание; национальные меньшинства; Китай; этническая специфика.

MINORITY NATIONALITIES FOLK EMBROIDERY OF NORTHEASTERN PART OF CHINA

Wang Xiaomei

Purpose. The main purpose of this paper is the considering of the cultural features of the folk embroidery of Northeast China, taking into account the regional affiliation and ethnic traditions.

Methodology. The methodology of this research includes the historical and materialistic approach. The main method is the historical and cultural analysis.

Results. The multiple ethnic minorities inhabit Northeast China. They have their own ethnic characteristics which formed the features of the local embroidery art. The embroidery of minorities with their different forms, artistic styles and inner spirit reflects a diverse cultural connotation and has an important place in the history of Chinese ethnic art. The folk embroidery in Northeast China has a wide range of subjects with a rich content.

Practical implications. The obtained results reflect the main features of the ethnic embroidery of Northeast China and can be used for the creation of the courses about the Chinese culture.

Keywords: *folk embroidery; national minorities; China; ethnic specific.*

На северо-востоке Китая проживают многочисленные национальные меньшинства, среди которых: маньчжуры, монголы, корейцы, дауры, эвенки, ороконы и другие. Они вместе с другими народностями формируют уникальную, специфическую этническую культуру [1]. В ее состав входит промысел вышивания как важная часть прикладного искусства, отражающий территориальные и национальные черты. Для этих работ характерны изысканные рисун-

ки, согласованное сочетание цветов и отточенное мастерство. Они не только обладают практичностью, но и имеют декоративный характер и высокую художественную ценность.

На северо-востоке в народе вышивание имеет широкую массовую основу. В течение длительного периода рыболовно-охотничьего, кочевого и агрокультурного развития промысел вышивания являлся обязательным предметом деятельности женщин [2]. Как одежда, пища, жилище, средства передвижения, подарки на женитьбу и замужество, рождение сына, поздравление с днём рождения, так и похороны, жертвоприношения, общение между людьми и другие народные обычаи легли в основу художественных сюжетов. Также в процессе длительной творческой практики, женщины с помощью вышивки изображали бесчисленные диковинные растения, горы Чаншоу (бессмертных), павлинов, животных, птиц, персонажей опер, народные легенды, показывая красоту жизни и свой духовный мир, а также свое стремление к счастливой жизни.

Технология народной вышивки включает в себя пять этапов: композиция рисунка, приготовление материалов и инструментов, проектирование узора, укрепление узора на ткани и приведение в порядок композиции. У каждой народности есть свои особые технические приёмы и сочетание цветов. Можно сказать, что существует много технических приёмов и разнообразных красок, выражающих художественный стиль народного искусства на северо-востоке. Общим является то, что вышивка выполняется на основе бумажной вырезки: сначала переносится по вырезке на ткань, потом делается вышивка по линии рисунка (также можно прямо рисовать на ткани и вышивать).

Для народного вышивания северо-востока Китая характерны разнообразные виды, обширные темы и богатое содержание. В частности, имеются хлопчатобумажная вырезка, вышивка из ткани, составление из ткани и т.д. Многочисленность национальных меньшинств

обусловила этнический колорит мастерства вышивания в ходе его развития. Рисунки вышивки в основном отражены в одежде и украшениях, используются на подоле, воротнике, рукаве, спине одежды, плечевом упоре, набрюшнике, подоле юбки, в нижней части штанины и других частях. Кроме того, на подушке, трубке, игрушке, простыне, украшениях на руках, кошельке, мешочке с ароматическими веществами, шапке, платке, палатке, настенной ткани, женской вуалевой накидке на плечи и других бытовых предметах тоже имеются вышивки [3]. Для узоров вышивания характерны изысканность, богатое воображение исполнителя, необычные образы, включая разнообразных животных, растения, персонажей мифических легенд, опер, сказок, сооружений, условные знаки, геометрические орнаменты, счастливые слова, имеющие магическую составляющую и т.д. У разных народностей используются краски, чаще всего встречаются красный, синий, розовый, пурпурный, белый, чёрный, зелёный цвета. Яркое и смелое применение красок, сочетание простоты и таинственности являются особенностью вышивки нацменьшинств. Способы вышивания (вышивание золотом, столичная вышивка, вышивка по тонкому шёлку, аппликация, тонкий одноцветный шёлк с вытканым узором, узел, складная вышивка и т.д.) отражают высокий уровень мастерства вышивки у разных народностей.

Содержание народной вышивки основано на народной сказке, рисунке счастливого сигнала, обладает определённым культурным кодом и несет смысловое значение. Так, например, «Полная идиллия»: толстяк с круглым лицом и телом сидит в середине, с ласковым и радостным выражением лица. По легенде у него «лёгкая рука» – торгует шапками в июне, несмотря на летнюю жару, а в декабре, когда продавал веера, наступала сильная жара. Поэтому люди считали его богом счастья и благополучия, его образ сохранился в народе.

Восхитительные волшебные легенды являются источником народного творчества, например, «Чанъэ возносится на луну», «Бо-

гиня сочетается с богиней», «Парные божества бракосочетания», «Супруги, живущие в разных местах», «Взрывать и раскапывать горы для спасения матери» и т.д. представляют собой самые живые, трогательные рассказы. Множество работ, вышитых народными мастерами, смоделировано и сотворено по их любви и желанию, наблюдению и восприятию жизни. Например, на подушке для свадьбы вышиты узоры «Благополучие с любимым», «Мудрецы появляются в эпоху мира и процветания» и т.д., что символизирует богатый урожай всех зерновых культур, счастье и благополучие, спокойствие, богатство и положение, продление жизни, выражая стремление людей к прекрасному, к счастливой жизни. Почему эти художественные произведения народной вышивки способны вызывать у людей сильные чувства, стремление полюбоваться? В этих работах заложено эстетическое чувство, жизненная сила человека, они несут в своих образах простые человеческие чувства, заключают в себе много скрытых смыслов народных обычаев.

Таким образом, среди множества форм художественных народных промыслов вышивка является самой доступной и любимой, отражая историческую память народа, сохраняя его представления о мире, человеке, красоте и добре. В то же время, это знаковая система передачи информации, закрепляющая символы, образы и целые комплексы представлений, связанных с этими образами. Народная вышивка северо-востока Китая является свидетельством богатейшей фантазии нацменьшинств, их тонкого художественного вкуса и изобретательности, высокого мастерства.

Список литературы

1. Ху Жун, Чжоу Вэй. Сборник народного изобразительного искусства на северо-востоке: «Том вышивки». Ляонин: Художественное издательство, 1995. 52 с.

2. Ван Ляньхай. Фигуры народной вышивки. Хунань: Художественное издательство, 2001. 32 с.
3. Ван Цзи, Ван Цюань, Ван Чуньсинь. Иллюстрированный справочник вышивки на подушке у маньчжуров. Гирин: Издательство литературы и истории, 2009. 79 с.

References

1. Khu Zhun, Chzhou Vey. *Sbornik narodnogo izobrazitel'nogo iskusstva natsiy na severo-vostoke: «Tom vyshivki»* [Collection of folk fine arts of nations in the northeast, "Tom embroidery"]. Lyaonin, 1995. 52 p.
2. Van Lyan'khay. *Figury narodnoy vyshivki* [Figures folk embroidery]. Khunan, 2001. 32 p.
3. Van Tszu, Van Tsyuan', Van Chun'sin'. *Ilyustrirovannyu spravochnik vyshivki na podushke u man'chzhurov* [Illustrated Guide embroidery on the pillow in the Manchus]. Girin, 2009. 79 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Ван Сяомэй, замдиректора института международного образования, магистр, доцент
Хэйхэский университет
ул. Сюеюань, №1, г. Хэйхэ, провинция Хэйлунцзян, КНР
wxm058@msn.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Wang Xiaomei, Heihe College Associate Dean of International Education, Master's degree, Associate Professor
Heihe University
College road, no.1, Heihe, Heilongjiang province, China
wxm058@msn.com

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-3-2-35-51

УДК 37.014.2(470) «18/19»

РАЗВИТИЕ НАЧАЛЬНОГО НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.: ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ЗНАЧЕНИЕ ЗЕМСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ

Мамаева Т.П.

Цель – проанализировать процесс формирования и развития системы народного образования в России на рубеже XIX–XX вв. на примере Курской губернии, земские учреждения которой уделяли народному просвещению первостепенное внимание; показать результаты и значение земской работы в сфере народного образования.

Метод или методология проведения работы. Автор использует исторический, сравнительный и проблемно-хронологический методы.

Результаты. В ходе проведенного исследования установлено, что деятельность земских учреждений в России на рубеже XIX–XX вв. оказала положительное влияние на содержание и организацию учебного процесса и тем самым создала условия для ускоренного развития всей системы народного образования. Стабильная работа земских училищ привела к постоянному росту количества грамотных людей в России, что являлось необходимым фактором прогрессивного развития страны. Многообразные формы просветительной работы, применяемые земскими учреждениями, можно использовать в современном образовательном пространстве, особенно в сельской местности, где

школа является важным центром интеллектуальной и культурной жизни села.

Область применения результатов. Материалы данного исследования могут быть использованы в образовательном процессе в вузах, в краеведческой работе и в дальнейшей научно-исследовательской работе, связанной с изучением деятельности земских учреждений Курской губернии.

Ключевые слова: начальное народное образование; земство; земские учреждения; Курское губернское земство; уровень грамотности населения; внешкольное образование; повторительные учебные курсы; звуковой метод обучения грамоте.

THE DEVELOPMENT OF ELEMENTARY PUBLIC EDUCATION IN KURSK PROVINCE AT THE TURN OF XIX–XX CENTURIES: MAIN RESULTS AND VALUE OF ZEMSTVO ACTIVITIES IN THE FIELD OF EDUCATION

Mamaeva T.P.

Purpose – to analyse the process of forming and development the system of public 33educationin Russiaat the turn of XIX–XXcenturies by the exampleof Kursk province where the institutions of zemstvo gave priority to people’s education; to show results and value of zemstvo work in the field of public education.

Methodology. The basis of the research is the historical, comparative and problem-chronological methods.

Results. In the course of the study it was found that the activities of the institutions of zemstvo in Russiaat the turn of XIX–XX centuries has had a positive impact on the content and organization of the educational process and thereby created conditions for rapid development of

the entire system of public education. Stable work of zemstvo's schools has led to a constant increase in the number of literate people in Russia, which was a necessary factor of progressive development of the country. Various forms of educational work applied by the institutions of zemstvo can also be used in modern educational space, especially in rural areas where the school is an important center of intellectual and cultural life of the village.

Practical implications. The materials of this research can be used in educational process at universities, in study of local lore work and in the further research work related to the study of the activities of zemstvo institutions of Kursk province.

Keywords: *elementary public education; zemstvo; the institutions of zemstvo; the Kursk provincial zemstvo; literacy; after-school education; repeating courses; the sound method of teaching reading.*

Начальная народная школа своим развитием полностью обязана инициативе местных органов управления, появившихся в России по Положению о земских учреждениях 1864 года. Именно земская активность обусловила жизнестойкость и результативность работы начальных училищ (по терминологии тех лет), и все это вопреки тому факту, что дело организации народного образования было отнесено к необязательным земским функциям.

Земская практика выработала многообразные формы культурно-просветительной работы, но, прежде всего, земская деятельность была направлена на создание системы всеобщего школьного образования.

В результате кропотливой работы земствам удалось создать новый тип школы. К февралю 1917 г. в России действовало около 65 тысяч земских начальных школ (всех начальных школ в стране имелось 124 тысяч). К 1 января 1915 г. в 43 земских губерниях в

народных школах обучалось 4346 тысяч учащихся, в неземских – 1596 тысяч учащихся [8, с. IX–XI, XIV, 77]. Громадное большинство школ имело собственные здания. В среднем в земских школах на одного учителя было 40,7 учеников при норме в 50 человек. С 1890 по 1914 г. земские расходы на народное образование выросли в 15 раз – с 7 до 104 млн. рублей в год (государственные расходы – в 6–7 раз) [7; 2, с. 42].

Рассмотрим процесс формирования системы народного образования в России на примере Курской губернии, где земство было среди тех общественных учреждений, которые уделяли народному просвещению первостепенное внимание. В первые годы существования земских органов шло накопление материальных средств и опыта практической работы по налаживанию местного хозяйства. На протяжении первого этапа своей деятельности (1865–1894) курское земство основное внимание сосредоточило на субсидировании средних учебных заведений и подготовке учительского персонала для начальных школ, а заботы по строительству и содержанию школ были возложены на уездные земства и сельские общества [6, с. 32]. Первым весомым результатом данного этапа было открытие в 1872 г. земской учительской школы, которая стала основным учебным заведением, ведущим подготовку педагогического персонала для народных училищ губернии.

Среди других мероприятий следует отметить выработку в 1875 г. особого пенсионного устава для народных учителей, организацию учительских съездов и кратковременных педагогических и общеобразовательных курсов (с 1872 г.). Губернское земство оказывало материальную помощь и средним учебным заведениям: Мариинской женской гимназии; частной женской гимназии Красовской, епархиальному училищу; реальному училищу [1, с. 4; 4,

с. 7]. По отношению к высшему образованию применялась практика назначения стипендий и пособий [5, с. 49; 6, с. 85–86].

Чаще всего по многим показателям состояния народного образования Курская губерния занимала срединное место среди других земских губерний, но по сравнению с соседними Воронежской и Харьковской губерниями в ряде случаев была немного впереди. Так, в 1894 г. Курская губерния по количеству земских школ вместе с министерскими занимала 6 место, а Воронежская и Харьковская губернии соответственно 10 и 13 места. По общему количеству начальных школ всех ведомств Курская губерния стояла на 11 месте, тогда как Воронежская и Харьковская занимали 15 и 17 места [1, с. 54]. Но количество школ нельзя рассматривать отдельно от таких показателей, как число жителей и пространство губернии. Так как Курская губерния была одной из самых густонаселенных, то школ в конце XIX в. было недостаточно: одна школа приходилась на 1955 жителей (26 место среди земских губерний), но даже в этом случае Воронежская и Харьковская губернии оказались позади (на 33 и 32 местах) [1, с. 54]. Что касается расходов на содержание учительского персонала, то по данному показателю в 1898 г. Курское земство находилось на 11 месте среди всех земств, тогда как Воронежское и Харьковское земства занимали соответственно 14 и 15 места [9, с. 25]. В 1900/1901 учебном году по количеству достаточно подготовленных учителей (56,2%) Курская губерния вышла на 4 место, уступив только Московской, Орловской и Саратовской губерниям [15, с. 21].

К концу 1894 г. изменился в положительную сторону состав губернского земского собрания: в число гласных были избраны прогрессивные дворянские деятели – А.Н. фон-Рутцен, П.Д. Долгоруков, А.В. Евреинов, В.Е. Якушкин и другие. Инициатором и руководителем всех важнейших просветительных мероприятий

губернского земства стала специальная Комиссия по народному образованию при губернской земской управе, начавшая свою деятельность с 1894 г. Первоочередное внимание в 1895–1907 гг. уделялось развитию начальной школы (73,5% от всех образовательных ассигнований) [6, с. 62].

Наиболее значительными мероприятиями второго этапа были выделение из специально созданных фондов ссуд и пособий на школьное строительство (с 1895 г.), учреждение библиотек при земских школах (с 1895 г.), регулярное ведение школьной статистики (с 1896 г.), создание справочно-педагогического бюро (1897 г.), составление двух вариантов школьной сети по губернии (1896 и 1906 гг.), открытие музея наглядных пособий (1901 г.) и учреждение приемной мастерской по изготовлению таких пособий (1902 г.), проведение губернских учительских курсов (1897–1903 гг.) и организация первой Общеземской выставки по народному образованию (1902 г.) [6, с. 182].

Именно с конца XIX века курское земство в своей практической деятельности первостепенное внимание уделяло мероприятиям по обеспечению населения доступной, эффективной, хорошо организованной и оснащенной школой. Наибольшая интенсивность открытия земских школ наблюдается в течение последнего этапа деятельности курского земства (1908 – начало 1918 года): было основано 513 народных школ (ежегодно – около 72) и к 1913/1914 учебному году их насчитывалось 1510 [6, с. 237]. В целом курское земство строго придерживалось выбранного им курса на скорейшее введение всеобщего начального образования в губернии, поэтому не прекращало выделять значительные суммы на школьное строительство.

Увеличение числа земских школ и обучающихся в них оказывало положительное воздействие на уровень грамотности населе-

ния. Уже к концу XIX в. были заметны существенные сдвиги: к 1897 г. среди населения Курской губернии грамотные составляли 16,3%, тогда как в начале 1880-х гг. их было всего 7,8% [12, с. XI; 13, с. 34]. При этом среди категории лиц в возрасте от 10 до 29 лет процент грамотных был наибольшим (около 40%) [1, с. 45].

По всей Российской империи к началу XX в. роль земств в содержании и развитии сети народных школ все еще была ведущей. Например, по данным однодневной переписи 1911 г., в общей сумме доходов земских школ доля земских поступлений составляла более 56%.

Следует отметить, что земские школы были составляющей частью целостной системы народного образования, поэтому картина развития начального образования в исследуемом регионе будет неполной, если не привести общие данные о начальных училищах Курской губернии всех ведомств. Для сравнительной характеристики можно взять 1894 и 1911 годы, по которым имеются полные и достоверные данные. Итак, в Курской губернии на рубеже XIX–XX вв. число училищ увеличилось с 1341 до 2244; количество учащихся с 70156 до 149843; процент учащихся девочек возрос с 18,5 до 30,1; один учащийся в 1894 году приходился на 37,2 жителей, в 1911 г. – на 20,5; одно училище располагалось на территории с населением 1948 человек в 1894 г. и 1370 человек в 1911 г. [1, с. 53–63; 11, с. 66–68].

Таким образом, за 16-летний период количество земских школ в губернии возросло в 1,7 раза; а количество учащихся – более чем в 2 раза. Существенно сократилось и пространство «образовательной пустыни» вокруг школы, т.е. то количество квадратных верст, которое приходилось на одно училище: в 1911 г. каждая начальная школа обслуживала территорию площадью в 18,2 кв. верст, тогда как в 1894 г. это расстояние было 30,4 кв. верст [6, с. 185].

Однако, несмотря на относительно быстрый рост начальных училищ, до полного охвата населения губернии элементарным образованием было еще далеко: процент учащихся к общему числу населения увеличился с 2,7% до 4,87%, что являлось свидетельством доступности начального образования лишь в минимальном размере. Но такое положение было характерно и для всей территории европейской части России, где аналогичный показатель в указанный период времени изменился с 3% до 4,5% [11, с. 67], и Курская губерния на этом фоне выглядела довольно неплохо.

Еще один важный показатель, характеризующий состояние начального образования, – это процент девочек среди учащихся. В Курской губернии с 1874 по 1913 г. имело место значительное увеличение числа учащихся девочек: только в земских училищах их количество возросло с 1149 до 28208 человек, т.е. почти в 25 раз, а увеличение их удельного веса в общей массе учащихся составило 22,6% [6, с. 186].

Отрицательной стороной всех начальных школ был небольшой процент учащихся, оканчивающих полный курс обучения. С такой проблемой столкнулись и земские школы Курской губернии, так как она была вызвана общей бедностью крестьян и востребованностью детей школьного возраста при проведении сельскохозяйственных работ и в домашнем хозяйстве.

Действительно не все обстояло блестяще в сфере народного образования на рубеже XIX–XX вв.: начальная школа так и не смогла решить ряд проблем, что было обусловлено и общей экономической ситуацией в стране.

Вместе с тем успехи в расширении сети народных школ и повышении уровня грамотности населения свидетельствовали о том, что земство от отдельных мероприятий по финансированию образовательных учреждений перешло к систематической и целена-

правленной работе по развитию народного образования. В результате были разработаны и частично реализованы планы введения всеобщего начального обучения, были заложены основы массового народного образования.

Кроме того, учителя земских школ в своей деятельности опирались на общеизвестные и до сих пор не потерявшие своей актуальности педагогические принципы, среди которых в качестве важнейших принципов обучения следует отметить такие как принцип единства обучения и воспитания, а также такие дидактические принципы как самодеятельность, наглядность, сознательность, систематичность, доступность, связь обучения с жизнью детей.

Рассмотрим на примере деятельности курского земства, как реализовывался на практике принцип наглядности обучения. Прежде всего, следует отметить, что вопросу наглядности обучения уделялось достаточно большое внимание и учителями народных училищ, и земскими учреждениями, так как наглядность обучения была признана одним из существеннейших условий продуктивности учебного процесса. Данному вопросу стали уделять значительное место и на лекциях во время педагогических курсов.

Не являлось исключением и курское земство. Улучшая различные стороны школьного дела, оно не могло не заметить отсутствие в земских школах наглядных пособий, от наличия которых в значительной степени зависел успех школьного обучения. В 1899 г. Курское губернское земство для решения проблемы обеспечения своих школ наглядными пособиями приняло решение снабдить за пять лет все школы губернии (по 130 школ в год) школьной коллекцией стоимостью в 12 рублей, составленной Петербургским Подвижным музеем при Императорском техническом обществе [3, с. 30]. В этих целях ежегодно на каждую школу выделялось по 6 рублей.

С августа 1901 г. был открыт музей наглядных пособий курского земства, который имел несколько отделов: по русскому языку, арифметике, священной истории, географии, этнографии, минералогии, зоологии, анатомии, ботанике и физике. Заведующий музеем должен был следить за выпуском новых наглядных пособий и приобретать наиболее подходящие для начальной школы в качестве образцов. В 1902 г. при музее была учреждена мастерская учебных пособий (подобную мастерскую имело тогда только Вятское земство). В ней изготавливались несложные физические приборы для проведения элементарных опытов, модели простейших машин и некоторые технические наглядные коллекции. До 1904 г. мастерской было изготовлено 65 видов пособий, например, арифметические ящики, классные циркули, электродвигатели, модели паровой машины, циферблаты, наглядные таблицы по сахарному производству и другие [10, с. 102]. Очевидно, что применение указанных пособий в земских школах преследовало цель осуществить принцип опоры на наглядные модели для развития речевых и мыслительных способностей учащихся. Кроме того, акцентировалось внимание и на таком важном моменте обучения как связь обучения детей с сельской жизнью: в земских школах в обучении крестьянских детей большую роль отводили практическому использованию полученных знаний в ежедневной деятельности. Вот почему в перечне наглядности имелись и электродвигатели, и таблицы по сахарному производству.

Вопросы наглядности обучения остаются не менее актуальными и до сих пор. Современной наукой доказана эффективность использования наглядности при усвоении языка. Теоретическое обоснование повышения качества знаний в условиях использования схем и таблиц при изучении фонетики, орфографии и грам-

матики дано в научных исследованиях В.В. Давыдова, Д.Б. Эль-кони́на, Л.И. Айдарова, Л.М. Зельманова и других ученых.

Земские школы в свое время были не только учебными заведениями для детей, но и центрами, в которых проводились повторительные учебные курсы для взрослых с целью восполнения пробелов в полученном ранее образовании или повышения их образовательного уровня. В частности в Курской губернии повторительные занятия для взрослых были введены еще в 1890 г. (в селе Мелихове Белгородского уезда), но просуществовали недолго и возобновились только в 1894 г.; занятия проводились только в нескольких уездах: в 1894/95 уч. г. – при 23 школах, а к 1897/98 уч. г. их число возросло до 70 [10, с. 83]. Занятия велись учителями, занятыми в дневных школах, поэтому не удовлетворяли потребностям более взрослых слушателей. В 1898/99 уч. г. число школ с повторительными занятиями понизилось до 40, что заставило губернское земство подробнее исследовать вопрос об этих занятиях и о дальнейшей деятельности земства в этом направлении. Вот почему в 1900 г. Курское губернское земство одобрило предложения комиссии по народному образованию, которая предложила, чтобы занятия со взрослыми носили дополнительный характер и велись особыми учителями со специальным педагогическим или общим образованием. Был запланирован разъездной характер работы учителей, каждый из которых работал бы в трех школах. Программы занятий были подробно выработаны справочно-педагогическим бюро губернского земства, но учителям предоставлялось право сокращать и видоизменять их. Расходы по оплате жалованья учителям брали на себя губернское и уездные земства. Предложения комиссии приняли только пять уездных земств (Суджанское, Новооскольское, Фатежское, Корочанское и Курское), еще пять (Грайворонское, Дми-

триевское, Львовское, Рыльское и Щигровское) приняли проект губернского земства относительно устройства повторительных курсов с дневными школьными учителями. В последующие годы в уездах Дмитриевском, Щигровском, Тимском, Рыльском, Грайворонском и Обоянском также были приняты постановления о приглашении разъездных учителей для ведения повторительных курсов на условиях, выработанных губернским земством. В соответствии с этим губернское собрание по смете 1901 г. ассигновало на устройство повторительных занятий с передвижными учителями 1480 рублей и на устройство занятий с постоянными учителями 1050 рублей; в 1903 г. губернским земством было ассигновано на этот предмет 4000 рублей [6, с. 88].

Земские учителя проводили также народные чтения, посвященные наиболее злободневным темам. Такие чтения пробуждали в слушателях интерес, открывали путь для других культурно-просветительских мероприятий земских учреждений и отчасти дополняли их. В 1890-е гг. проводились также и систематические циклы общеобразовательных чтений (лекций) и курсов по различным научным дисциплинам. Для организации подобных чтений земства приглашали штатных лекторов с высшим и средним специальным образованием. Устраивались также всевозможные чтения и курсы прикладного и специального характера, читаемые находившимися на земской службе агрономами, врачами, ветеринарами, инженерами, техниками. Действенной формой просветительской деятельности земств являлось и создание Народных домов – учреждений, объединявших, по сути, различные формы внешкольного образования (к 1917 году было открыто до 1200 таких домов, шло строительство еще 2050). Народный дом должен был стать центром всей культурной жизни отдельно взятого района, он мог согласовывать и усиливать работу всех просветитель-

ных учреждений и мероприятий, прививая дух общественности в населении и связывая его экономическую и духовную жизнь в единое целое.

Иными словами, нам есть чему поучиться у истории, и как нам представляется, особенно полезным земский просветительный опыт может быть для сельской местности, где школа часто выступает стабилизирующим фактором сельской жизни и отражает все ее социальные и экономические проблемы. Поэтому требуются современные подходы по сохранению и развитию, эффективному использованию базы сельских образовательных учреждений, которые должны обеспечить потребности сельских жителей в образовательных услугах. Именно сельская школа поможет селу выжить, так как она чаще всего является центром интеллектуальной и культурной жизни села.

Таким образом, деятельность земских учреждений оказала положительное влияние на содержание и организацию учебного процесса в начальных народных школах, способствовала внедрению новых приемов и методов обучения и тем самым создала условия для ускоренного формирования всей системы народного образования. Земствами применялись многообразные формы работы, при этом им удавалось вовлечь в организацию и ведение просветительной деятельности широкие круги местного населения. Стабильная работа земских училищ привела к постоянному росту количества грамотных людей в России, что являлось необходимым фактором прогрессивного развития страны в условиях происходивших изменений в экономической и политической сферах жизни российского общества. В целом основательная и разнообразная земская практика в сфере школьного и внешкольного образования внесла весомый вклад в дело народного просвещения, продемонстрировав свою своевременность и результативность.

Список литературы

1. Белоконский И.П. Народное начальное образование в Курской губернии. 2-е изд., испр. и доп. Курск, 1897. 501 с.; 9 л. диагр.
2. Веселовский Б. Пособия на всеобщее обучение // Учитель и школа. 1915. № 5. С. 39–43.
3. Журналы заседаний XXXV очередного Курского губернского земского собрания со 2-го по 17-е декабря 1899 г. Курск, 1900. [2], 24, VI, 1332 с.
4. Краткий исторический очерк деятельности земства Курской губернии за XXXV-летний период. 1866–1901. Курск, 1902. 141 с.; 91 л. ил.
5. Мамаева Т.П. Земские субсидии учащимся средних и высших учебных заведений (по материалам Курского губернского земства) // Пушкаревские чтения: Сборник материалов региональной научно-практической конференции. Старый Оскол: Антиква, 2006. С. 46–51.
6. Мамаева Т.П. Курское губернное земство и народное образование в губернии во второй половине XIX – начале XX века. Старый Оскол: ТНТ, 2008. 240 с.
7. Медынский Е., Пфингстен Н. Бюджеты земских школ // Земское дело. 1914. № 21, 23.
8. Начальные училища ведомства Министерства народного просвещения. Пг., 1916. 115 с.
9. Обзор деятельности земств по народному образованию по данным за 1898 г. Издание Хозяйственного Департамента МВД (по III отделению). СПб., 1902. 66 с.
10. Обзор состояния начального народного образования в Курской губернии за 5 лет (1895/1896–1900/1901 уч. гг.) / Р.А. Благовещенская, В.С. Правдина, Н.Г. Ермолова, А.М. Ордынская, А.Я. Минаев [Об-

- щее руководство сост. и ред. Е. Звягинцева]. Курск, 1902. 188 с.; 15 л. диагр.
11. Однодневная перепись начальных школ в Российской Империи 18 января 1911 г. Вып. XVI. Пг., 1916. IV, 150 с., 1 л. порт.
 12. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. XX. Курская губерния [Под ред. Н.А. Тройницкого]. СПб., 1904. XVIII, 291 с.
 13. Рашин А.Г. Грамотность и народное образование в России в XIX и начале XX в. // Исторические записки АН СССР. 1951. № 37. С. 28–80.
 14. Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи. Вып. 6. (Данные 1904 г.) [Ред. В.И. Фармаковского и А.А. Шапеллона]. Одесса: Тип. Е.И. Фесенко, 1907. 312 с.
 15. Текущая школьная статистика Курского губернского земства: год 5-й, 1900/1901 учебный год. Курск, 1901. 177 с.

References

1. Belokonskiy I.P. *Narodnoe nachal'noe obrazovanie v Kurskoy gubernii* [People's primary education in the province of Kursk]. Kursk, 1897. 501 p., 9 l. diagr.
2. Veselovskiy B. Posobiya na vseobshchee obuchenie [Benefits on the general education]. *Uchitel' ishkola*, no 5 (1915): 39–43.
3. *Zhurnaly zasedaniy XXXV ocherednogo Kurskogo gubernskogo zemskogo sobraniya so 2-go po 17-e dekabrya 1899 g* [Meetings Journals XXXV next Kursk provincial zemstvo assembly from the 2 nd to 17 th December 1899]. Kursk, 1900. [2], 24, VI, 1332 p.
4. *Kratkiy istoricheskiy ocherk deyatel'nosti zemstva Kurskoy gubernii za XXXV-letniy period. 1866–1901* [A brief historical sketch of activity zemstvos Kursk province of the XXXV-year period. 1866–1901]. Kursk, 1902. 141 p.; 91 l. il.

5. Mamaeva T.P. *Zemskie subsidii uchashchimsya srednikh i vysshikh uchebnykh zavedeniy (po materialam Kurskogo gubernskogo zemstva)* [Zemstvo's subsidies to students of secondary and higher education (on materials of Kursk province Zemstvo)]. *Pushkarevskie chteniya: Sbornik materialov regional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Staryy Oskol: Antikva Publ., 2006, pp. 46–51.
6. Mamaeva T.P. *Kurskoe gubernskoe zemstvo i narodnoe obrazovanie v gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka* [Kursk provincial district council and public education in the province in the second half of XIX – early XX century]. Staryy Oskol: TNT Publ., 2008. 240 p.
7. Medynskiy E., Pfingsten N. *Byudzhety zemskikh shkol* [The budgets of zemstvo's schools]. *Zemskoe delo*, no 21, 23 (1914).
8. *Nachal'nye uchilishcha vedomstva Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Elementary School Office Ministry of Education]. Petrograd, 1916. 115 p.
9. *Obzor deyatel'nosti zemstv po narodnomu obrazovaniyu po dannym za 1898 g* [Review of the Zemstvos on public education according to the 1898 edition of the Economic Department of the Ministry of Interior (in compartment III)]. Saint-Petersburg: Izdanie Khozyaystvennogo Departamenta MVD (po III otdeleniyu), 1902. 66 p.
10. Blagoveshchenskaya R.A., Pravdina V.S., Ermolova N.G., Ordynskaya A.M., Minaev A.Ya. *Obzor sostoyaniya nachal'nogo narodnogo obrazovaniya v Kurskoy gubernii za 5 let (1895/1896–1900/1901 uch. gg.)* [Review of initial national education in Kursk province for 5 years (1895/1896–1900/1901)] / E. Zvyagintseva (ed.). Kursk, 1902. 188 p.; 15 l. diagr.
11. *Odnodnevnyaya perepis' nachal'nykh shkol v Rossiyskoy Imperii 18 yanvarya 1911 g. Vyp. XVI* [One-day census of primary schools in the Russian Empire, January 18, 1911 Vol. XVI]. Petrograd, 1916. IV, 150 p., 1l. port.

12. *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g. XX. Kurskaya guberniya* [The first national census of the Russian Empire in 1897 XX. Kursk Province] / N.A. Troynitsky (ed.). Saint-Petersburg, 1904. XVIII, 291 p.
13. Rashin A.G. Gramotnost' i narodnoe obrazovanie v Rossii v XIX i nachale XX v. [Literacy and public education in Russia in the XIX and early XX century]. *Istoricheskie zapiski AN SSSR*, no 37 (1951): 28–80.
14. *Statisticheskie svedeniya po nachal'nomu obrazovaniyu v Rossiyskoy imperii. Вып. 6. (Dannye 1904 g.)* [Statistical data on primary education in the Russian Empire. Vol. 6. (data 1904)] / Red. V.I. Farmakovskogo i A.A. Shapellona. Odessa: Tip. E.I. Fesenko, 1907. 312 p.
15. *Tekushchaya shkol'naya statistika Kurskogo gubernskogo zemstva: god 5-y, 1900/1901 uchebnyy god* [Current school statistics Kursk Province Zemstvo: 5th year, academic year 1900/1901]. Kursk, 1901. 177 p.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Мамаева Татьяна Петровна, доцент кафедры менеджмента, кандидат исторических наук

Старооскольский филиал Белгородского государственного национального исследовательского университета

Микрорайон Солнечный, 18, г. Старый Оскол, Белгородская область, 309502, Российская Федерация

TatP703@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Мамаева Tatiana Petrovna, Associate Professor, Department of Management, Ph. D. in History

*Stary Oskol Branch of Belgorod State National Research University
Solnechnyi microdistrict, 18, Stary Oskol, Belgorodskaya oblast,*

309502, Russian Federation

TatP703@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-3-2-52-68

УДК 94(470)

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ДОБРОСОСЕДСКИХ ОТНОШЕНИЙ НАРОДОВ КУБАНИ

Мацевский Г.О.

Целью работы является рассмотрение и систематизация элементов исторического опыта развития добрососедских отношений казаков и горских народов, что актуально в условиях возрастания рисков межэтнических и межрелигиозных конфликтов современности.

Такие формы межэтнических и межкультурных контактов как межэтнические гендерные связи, обычаи гостеприимства, куначества и аталычества, горское «мухаджирство» и верстание горцев в казачество, боевое братство казаков и кавказцев способствовали сближению народов, расширяли бытовые и культурные связи казачества и горцев, способствовали лучшему пониманию традиций, обычаев и образа жизни друг друга. На протяжении веков, в процессе длительного культурного, хозяйственно-экономического, социального и политического взаимодействия, взаимовлияния и взаимопроникновения, накапливался обширный и многогранный исторический опыт добрососедских, мирных и уважительных отношений казаков и горских народов.

Казачество, обладая богатым опытом добрососедства, может стать важным ресурсом гармонизации межэтнических отношений на Кубани.

Ключевые слова: казаки; кавказские народы; Кубань; межэтнические конфликты; исторический опыт; куначество; аталычество; боевое братство.

THE HISTORICAL EXPERIENCE OF GOOD-NEIGHBORLY RELATIONS OF PEOPLES OF THE KUBAN REGION

Matsievsky G.O.

The aim of the article is to examine and systematization of experience in the development of good-neighborly relations of Cossacks and Caucasian nations. This is important in a situation increases the risk of ethnic and religious conflicts.

Such forms of ethnic and cultural contacts as gender communication, customs of hospitality, Kunachestva and Fosterage, Caucasian “muhajirun” and “verstanie” in Cossacks, martial fraternity of the Cossacks and Caucasian nations have contributed to the rapprochement of peoples, expanded domestic and cultural relations of the Cossacks and Caucasian nations have contributed to a better understanding of the traditions, customs and lifestyle. During long-term cultural, commercial, economic, social and political interaction, mutual influence and interpenetration, been accumulating a large and diverse historical experience of good-neighborly, peaceful and respectful relations Cossacks and Caucasian nations.

Cossacks learning a wealth of experience and good neighborliness can be an important resource for the harmonization of ethnic relations in the Kuban region.

Keywords: *Cossacks; Caucasian nations; Kuban region; ethnic conflicts; historical experience; kunachestvo; Fosterage; martial fraternity.*

В последние годы на территории Краснодарского края, как и в целом по стране, существенно возросли риски межэтнических и межрелигиозных конфликтов. Происходит это под влиянием со-

циальных, политических, идеологических, экономических и иных факторов, когда люди, не имеющие глубоких исторических знаний, прочных мировоззренческих установок и устойчивых ценностей, пополняют ряды радикальных общественно-политических и религиозных организаций. Для Кубани данная проблема осложняется наличием полиэтнического и поликонфессионального состава населения, близостью к очагам межнациональных и межрелигиозных конфликтов. Учитывая, что исторически именно казачество оказывало достаточно значимое влияние на межнациональные отношения в регионах с полиэтническим составом населения, а современные казаки вновь претендуют на активное участие в социально-политической, культурной, хозяйственно-экономической жизни страны, видится обоснованным и востребованным обращение к историческому опыту казачества в выстраивании добрососедских отношений с кавказскими народами.

Вопросами освоения Северного Кавказа Россией, истории кубанского казачества, а также взаимоотношений русских с горцами занимались виднейшие учёные-кубановеды XIX – начала XX вв. Е.Д. Фелицын [23], Ф.А. Щербина [26], И.Д. Попко [19], П.П. Короленко [12] и др. В новейшей историографии можно отметить работы В.Н. Ратушняка «Очерки истории Кубани с древнейших времен до 1920 г.» [16], В.А. Матвеева «Россия и Северный Кавказ» [14], В.Б. Виноградова «Средняя Кубань: земляки и соседи» [5], книги «Парадигмы и оценки кавказской политики России в прошлом и настоящем» [17], «Россия и Кавказ сквозь два столетия» [20] и др.

В данной статье предлагается рассмотреть уникальный опыт северокавказского, прежде всего кубанского, казачества по выстраиванию добрососедских отношений с представителями горских народов. При этом необходимо отметить, что Кубанское казачье

войско исторически формировалось за счёт объединения Черноморского войска (около 25 тыс. человек, из них 5,5 тыс. бывших запорожцев) с 6 бригадами правого крыла Кавказского линейного войска. С самых первых лет своего существования кубанское войско было достаточно многонациональным. Как отмечает Н.Н. Великая, «...“составные” казачьи группы (например, Кубанского казачества)», так и не достигли в дореволюционный период «стадии “однородности”» [4, с. 47]. При этом даже отдельные подразделения кубанцев носили также «составной» характер. Так в Хопёрский полк, от даты создания которого ведёт своё старшинство Кубанское казачье войско, входили донские и малороссийские казаки, однодворцы и государственные крестьяне, ссыльные поляки, крещёные закубанские горцы и даже иранцы.

Начиная с XVI–XVII вв., времени освоения казаками Северного Кавказа, у них складываются мирные и дружеские отношения с представителями местных горских народов, что во многом предопределило взаимовлияние русской и кавказской культур. Первые ватаги и отряды переселяющихся казаков были представлены, в основном, мужчинами-воинами, а потому их жёнами становились, прежде всего, девушки-горянки. По словам Л.Б. Заседательевой, «с самого начала своего возникновения казачество – беглая “вольница”, “сходцы” из селений и городов России оказывались в иноэтническом окружении или в соседстве с местными аборигенными группами населения..., что не могло не сказаться на внешнем облике и самом характере ранних казачьих обществ, а затем отразилось и в материальной, и духовной культуре казачества» [9, с. 50]. По выражению Ф.А. Щербины, «русская казачья вольница на Тереке и отчасти на Дону в первые времена своего существования буквально-таки добывала себе жён на Кавказе» [26, с. 62]. Как отмечал И.Д. Попко, «казаки скоро вошли в дружеские и даже родственные

связи с горцами..., от которых брали на своё обзаведение зерновой хлеб, скот, лошадей и даже жён невенчальных» [18, с. 24]. Межнациональные браки усиливали позитивный потенциал этнических контактов, способствовали сближению народов, становились одним из важнейших аспектов культурного взаимовлияния и взаимопроникновения.

Северокавказские казаки многое заимствовали в ведении сельского хозяйства и промыслов у своих соседей, охотно используя их опыт охоты и рыболовства, скотоводства, хлебопашества, занятия шелководством и горным пчеловодством. В одежде и манере её ношения у казаков также видно непосредственное влияние горских народов. Кавказская бурка, бешмет, черкеска с газырями, папаха, башлык, кавказский пояс, кинжал – постепенно становятся естественными атрибутами одежды не только терско-гребенских, но и кубанских казаков. Горские музыкальные инструменты – барабан, зурна, горская двухструнная балалайка – получают распространение у казаков. В музыке и танцах северокавказских казаков также ощутимо влияние кавказских ритмов, приёмов и манер, экспрессии. Исполняемые казаками адыгская кафа, наурская лезгинка, «танец Шамиля», как отмечает А.Н. Соколова, «были имитацией кавказского темперамента и выражением определенного уважения к культуре соседей» [21].

Важное значение в культуре добрососедских отношений кавказцев и горцев имел обычай куначества. Кунак – не просто приятель или друг, это человек, хоть и не связанный узами кровного родства, но несущий обязанности близкого родственника – побратим. Кунаки в любых обстоятельствах должны были всегда оказывать всяческую помощь друг другу. Как отмечает Б.Х. Бгажноков, куначество, возникшее в древности в среде горских народов, поддерживалось не только между кавказскими народами, но и в

отношениях горцев с казаками, с русским населением, что «способствовало смягчению противостояния, ...налаживанию дружеских, толерантных отношений в регионе. Куначество стало вместе с тем одной из важных форм народной дипломатии» [2, с. 13]. Многие казаки и горцы братались, становились кунаками, гордились своей дружбой, зачастую передавая её своим детям как завет добрососедства и взаимного уважения. По данным, приводимым И.Д. Попко, «в Кумыках и Кабарде были лучшие оружейники, седельники, серебряки. Казаки водили с ними дружбу, принимали у себя горцев, так как знали их язык» [18, с. 302]. Бывало и такое, что казачья семья брала на воспитание сирот, детей погибших кунаков (ногайцев, калмыков или горцев), которые повзрослев, становились «настоящими казаками и за них могли выйти замуж девушки-казачки» [9, с. 50]. Лев Толстой, гордившийся своей дружбой с кунаком-чеченцем Садо Мизирбиевым из тайпа Элстанжой, писал, что «живя между чеченцами казаки перероднились с ними и усвоили обычай, образ жизни, нравы горцев... Щегольство в одежде состоит в подражании черкесу...» [22]. Кунацкие отношения складывались на Кубани между черкесами, карачаевцами и казаками, между осетинами и казаками в станицах Ардонской, Архонской, Михайловской. Как отмечает О.С. Мутиева, «куначеские связи между казаками и горцами не были поколеблены даже в период кровавой и ожесточённой Кавказской войны» [12, с. 248]. Более того, куначество к этому времени приняло такие масштабы, что во втор. пол. XIX в. на казачьих сходах неоднократно ставился вопрос о его запрете [8, с. 59].

Особым видом дружеских отношений и культурных связей между казаками и горцами, связанным с обрядом куначества, было аталычество – традиция отдачи на воспитание своих сыновей в другую семью, часто в семью кунака. Межнациональное аталыче-

ство получило достаточно широкое распространение у казаков кавказского линейного войска, которые отдавали своих детей на воспитание в семьи кумыков, чеченцев, черкесов для обучения языку, традициям и обычаям. В свою очередь казак-аталык, принявший в свою семью горского мальчика, также становился ему вторым отцом и обязан был заботиться о нём, воспитывать и обучать. Интересные данные в этой связи приводит Э.В. Бурда: «...в краеведческом музее станицы Екатериноградской имеются документы и фотографии, свидетельствующие о том, что Бесланеев Х.И. и Лукожев Г.И. из Малой Кабарды окончили Екатериноградскую школу. Бесланеев Х.И. жил у казака Ивана Накаева, впоследствии командовал Малокабардинским полком. О Лукожеве известно только то, что он окончил Церковно-приходскую школу и изучал русский язык. Имеются свидетельства обратной связи, когда казачата попадали к горцам и там воспитывались. Ярким примером тому служит Гриша Скворцов, который жил и работал фельдшером в селе Булатово (Терское) в Малой Кабарде» [3]. Межнациональное аталычество укрепляло добрососедские отношения, расширяло бытовые и культурные связи казаков и горцев, способствовало лучшему пониманию традиций, обычаев и образа жизни друг друга.

Интересной формой межнациональных контактов между казаками и кавказцами было т.н. «мухаджирство», прежде всего, к линейным казакам. В классическом понимании мухаджирство – это переселение мусульман из немусульманской страны в мусульманскую. Однако термин горское «мухаджирство» используют С.Д. Шаова, Д.В. Жилиев и М.В. Баисова, понимая под ним переселение представителей горских народов под защиту казачьих крепостей и городков [25]. Кавказцы уходили к казакам, чтобы спастись от кровной мести, феодального гнёта или рабства. Как отмечают исследователи, «...”мирные горцы” (натухайцы, шапсу-

ги, приморские убыхи) становились объектами агрессии со стороны других племен, в первую очередь горных убыхов. У мирных горцев угонялся скот, их торговым отношениям с русскими препятствовали...» [24, с. 56]. В этих случаях «мирные горцы» обращались к русской администрации с просьбой разрешить селиться у русских фортов на дистанции оружейного выстрела, чтобы обезопасить себя от набегов воинственных соседей. А.А. Черкасов, В.Г. Иванцов и др. со ссылкой на архивные материалы приводят сведения, что 12 августа 1851 г. в форте Лазарева Черноморской береговой линии (ЧБЛ) собралось более тысячи шапсугов для переговоров с начальником 2-го отделения ЧБЛ генерал-майором Вагнером 2-м. Шапсуги дали клятву не слушаться наиба Шамиля Магомета Амина, а «в случае если другие племена нападут на них за возобновление дружеских отношений с русскими, горцы просили у русских властей военную помощь» [24, с. 59].

Зачастую переселившиеся горцы вливались в состав казачьих сообществ, оказывались, принимая православие. Так были оказаны в XVI в. чеченские тайпы галоевцев, варандоевцев и гуноевцев из станицы Червлёной, не желавшие принять ислам, а у гребенских казаков появились фамилии Егоркиных, Галкиных, Гулаевых, Бусунгуровых, Титкиных, Закаевых, Борискиных, Костиковых, Хановых и др. [6, с. 241]. Наиболее активно процесс верстания в казаки представителей горских народов протекал с конца XVIII в. до середины XIX в. Как отмечает С.И. Алиева, «в 1806 г., с целью отвести ногайцев с Кубани, каждому из них предложено было срочно избрать род занятий. Желающие записаться в казаки переселялись к Ейскому укреплению – к берегам Азовского моря... На Тамани осталось примерно 116 мужского и 82 женского пола ногайцев и татар, перешедших в казачье сословие» [1, с. 37]. Ещё одним явным примером такого взаимопроникновения является на-

личие у кубанских казаков фамилий ногайского происхождения: Нагой, Ногаевы, Ногайцевы, Карамурзиновы, фамилии с основой «гирей», «солтан», «хан» и др. [11, с. 35] По данным, которые приводит В.Б. Виноградов, весной 1807 г. в Кубанский казачий полк, базировавшийся в станице Прочноокопской, были зачислены 20 абазин «горского владельца» Атажука Клычева [5]. Костяк Кавказского казачьего полка Линейного казачьего войска составляли в основном однодворцы южнорусских губерний (прежде всего Курской, Воронежской и Орловской), бывшие в своем большинстве великороссами, однако, наличие в станицах Кавказского полка таких фамилий, как Арчибасовы, Арнаутовы, Бермезовы, Толмачевы, Сагалаевы, Черкашины, Черкасовы, Шуклиновы также подтверждает мысль о верстании в казаки представителей различных горских народов [7, с. 173].

Страницы истории боевого содружества российских и горских воинских подразделений также стали важной составляющей позитивного опыта добрососедских отношений русских и кавказцев. Так в русско-турецкой войне 1787–1791 гг. на стороне России принимало участие 5-тысячное Кабардинское земское ополчение под командованием лучших представителей дворянско-княжеских фамилий Большой и Малой Кабарды. Десятки князей и дворян из числа участников этой войны были зачислены на российскую военную службу и получили офицерские чины.

Для большего включения горцев в военные и социально-политические структуры государства, власть в 1828 г. формирует лейб-гвардии Кавказско-Горский полуэскадрон собственного Его Императорского Величества конвоя для несения службы в Санкт-Петербурге. «В конвой принимались исключительно представители знатнейших фамилий горских народов. Через это привилегированное подразделение, расквартированное в Петербурге, прошли

сотни адыгов...» [10]. Полуэскадрон нёс службу по охране императора и его семьи, участвовал в российских военных кампаниях в Польше, Венгрии и Трансильвании, на Кавказе. Кроме того, представители горских народов служили в драгунских, гусарских, уланских и казачьих частях русской армии. В 1830-х – 1880-х гг. большое количество адыгов и абазин было приписано и служило в полках Волгской казачьей бригады, в Горском, Моздокском, Владикавказском и других полках Кавказского линейного казачьего войска, полках Черноморского и Донского казачьих войск, принимая участие в Крымской, русско-турецких войнах и на других театрах боевых действий. В годы Кавказской войны 1817–1864 гг. на стороне русских войск воевали многие представители горских народов. Например, в Анапском горском полуэскадроне, с 1861 г. переформированном в Кубанский конно-иррегулярный эскадрон, служили ушедшие из шапсугских и натухайских племён сторонники т.н. «аристократической партии». После окончания войны они осели в местах, где проходила их служба. Так возникла станица Суворово-Черкесская под Анапой. В годы русско-турецкой войны 1877–1878 гг. из адыгского населения станиц Гривенско-Черкесской и Суворово-Черкесской была сформирована Конно-иррегулярная сотня Кубанской области, которая совместно со вторым Полтавским полком несла службу на Таманском полуострове, прикрывая черноморское побережье от возможной турецкой высадки. Как отмечают исследователи, в станице Гривенско-Черкесской и «татарском» Адынском курене, а так же Суворово-Черкесском посёлке проживала особая, почти исчезнувшая группа Черноморского и затем Кубанского казачьего войска – адыги-казаки (гривенские адыги, грунэхэр) [13, с. 22]. В начале XX в., в ходе русско-японской войны, в составе отправленного на Дальний Восток Терско-Кубанского конного полка воевали адыги Кубани и Терека.

Боевое братство казаков и горцев укрепляло межнациональные связи, формировало взаимные чувства уважения, закладывало прочные основы мирного сосуществования культур и народов Северного Кавказа и Кубани.

Таким образом, можно говорить о том, что межэтнические гендерные связи, обычаи гостеприимства, куначества и аталычества, горское «мухаджирство» и верстание горцев в казачество, боевое братство казаков и кавказцев – всё это усиливало позитивный потенциал этнических контактов, способствовало сближению народов, расширяло бытовые и культурные связи казачества и горцев, способствовало лучшему пониманию традиций, обычаев и образа жизни друг друга. На протяжении столетий, в процессе длительного хозяйственно-экономического, социального, политического и культурного взаимодействия, взаимовлияния и взаимопроникновения, накапливался обширный и многогранный исторический опыт добрососедских, мирных и уважительных отношений казаков и горских народов.

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ и Администрации Краснодарского края в рамках научного проекта № 16-11-23008.

Список литературы

1. Алиева С.И. Ногайцы Северо-Западного Кавказа после Ясского договора 1791 г. // Археология, этнография и краеведение Кубани: материалы VIII краевой межвузовской аспирантско-студенческой конференции. Армавир; Краснодар, 2000. С. 37–39.
2. Бгажноков Б.Х. Куначество у черкесов и других народов Северного Кавказа // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Бал-

- карского Научного центра Российской академии наук. 2015. № 1. С. 7–14.
3. Бурда Э.В. Аталычество и куначество в быту терского казачества [Электронный ресурс] // Дипломатика. URL: <http://www.diplomatica.ru/?pl=page&id=194&lng=ru> (дата обращения 20.09.2016).
 4. Великая Н.Н. Об этнических особенностях казачьих групп // Российский исторический журнал. 2008. № 1(38). С. 46–51.
 5. Виноградов В.Б. Средняя Кубань: земляки и соседи (формирование традиционного населения) [Электронный ресурс]. URL : http://budetinteresno.info/kraeved/narod_vin_index.htm (дата обращения 20.09.2016).
 6. Гарсаев Л.М. К вопросу о русско-нахских контактах с древнейших времён // Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития: Тезисы Всероссийской научной конференции (28–29 сентября 2010 г., Ростов-на-Дону) / Отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2010. С. 240–242.
 7. Дюкарев А.В. К генеалогии кубанских казачьих родов // Вторые кубанские литературно-исторические чтения: Материалы научно-теоретической конференции. Краснодар, 2000. С. 173–174.
 8. Заседателева Л.Б. Культура и быт русского и украинского населения Северного Кавказа в XVI–XIX вв. // Кавказский этнографический сборник. Т. 8. М., 1984. С. 57–61.
 9. Заседателева Л.Б. Терские казаки (середина XVI–XX вв.). М., 1974. 422 с.
 10. Казаков А.В. Адыги (черкесы) на российской военной службе [Электронный ресурс] // Circas: история Черкесии. URL : <http://circas.ru/index.php?newsid=634> (дата обращения 20.09.2016).
 11. Керейтов Р.Х. Некоторые вопросы этногенетических и историко-культурных связей кубанских ногойцев с народами Северного Кав-

- каза // Историческое регионоведение – вузу и школе: Материалы V региональной научно-практической конференции. Славянск-на-Кубани, 1997. С. 35–36.
12. Короленко П.П. Переселение казаков за Кубань. Русская колонизация Северо-Западного Кавказа. Екатеринодар, 1910. 112 с.
13. Кубань многонациональная: этнографический словарь-справочник. Краснодар, 2007. 240 с.
14. Матвеев В.А. Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства (вторая половина XIX – начало XX в.). Ростов-на-Дону, 2006. 252 с.
15. Мутиева О.С. Межкультурное взаимодействие на нижнем Терекке // Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития: Тезисы Всероссийской научной конференции (28-29 сентября 2010 г., Ростов-на-Дону) / Отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2010. С. 247–250.
16. Очерки истории Кубани с древнейших времен до 1920 г. / Под общ. ред. В.Н. Ратушняка. Краснодар: Советская Кубань, 1996. 656 с.
17. Парадигмы и оценки кавказской политики России в прошлом и настоящем / Под ред. А.Г. Иванова. Краснодар, 2013. 338 с.
18. Попко И.Д. Терские казаки со стародавних времен. Вып. I. Гребенское войско. СПб., 1880. 518 с.
19. Попко И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту: Очерки края, вооруженной силы и службы. В двух частях. Краснодар, 1998. 192с.
20. Россия и Кавказ сквозь два столетия. Исторические чтения. СПб., 2001. 416 с.
21. Соколова А.Н. Казачьи танцы как культурный феномен // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2011. № 4. С. 191–196.

22. Толстой Л.Н. Казаки. Кавказская повесть 1852 года [Электронный ресурс] // Lib.ru/Классика. URL: http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_0160.shtml (дата обращения 20.09.2016).
23. Фелицын Е.Д., Щербина Ф.А. Кубанское казачье войско. 1696–1888. Краснодар, 1996. 489 с.
24. Черкасов А.А., Иванцов В.Г., Устинович Е.С., Молчанова В.С. Россия и Черкесия: проблемы взаимоотношений и их особенности (конец XVIII – первая половина XIX вв. // Русин. 2015. № 4. С. 53–65.
25. Шаова С.Д., Жилиев Д.В., Баисова М.В. Горское «мухаджирство» к линейным казакам // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: Материалы II Международной Кубанско-Терской научно-просветительской конференции. Армавир, 2000. С. 42–43.
26. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Краснодар, 1992. 1616 с.

References

1. Alieva S.I. Materialy VIII kraevoy mezhvuzovskoy aspirantsko-studencheskoy konferentsii “*Arkheologiya, etnografiya i kraevedenie Kubani*” [Materials VIII regional graduate-student conference “Archaeology, Ethnography and Regional Studies of Kuban”]. Krasnodar, 2000, pp. 37–39.
2. Bgazhnokov B.Kh. *Vestnik Instituta gumanitarnykh issledovaniy Pravitel'stva Kabardino-Balkarskoy Respubliki i Kabardino-Balkarskogo Nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* [Bulletin of the Institute of Humanitarian Studies of the Government of the Republic of Kabardino-Balkaria and Kabardino-Balkar Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences]. no 1 (2015): 7–14.
3. Burda Je.V. *Diplomatika* [Diplomatics]. <http://www.diplomatica.ru/?pl=page&id=194&lng=ru> (accessed September 20, 2016).

4. Velikaja N.N. *Rossijskij istoričeskij žurnal* [Russian Historical Journal].no 1(38) (2008): 46–51.
5. Vinogradov V.B. *Srednjaja Kuban': zemljaki i sosedi (formirovanie tradicionnogo naselenija)* [Average Kuban: countrymen and neighbors (the formation of the traditional population)]. http://budetinteresno.info/kraeved/narod_vin_index.htm (accessed September 20, 2016).
6. Garsaev L.M. *Tezisy Vserossijskoj nauchnoj konferencii "Kazachestvo v sociokul'turnom prostranstve Rossii: istoričeskij opyt i perspektivy razvitija"* [Materials of the Scientific Conference "Cossacks in the socio-cultural space of Russia: historical experience and development prospects"]. Rostov-on-Don, 2010, pp. 240–242.
7. Djukarev A.V. *Materialy nauchno-teoreticheskoj konferencii "Vtorye kubanskije literaturno-istoričeskie čtenija"* [Materials of scientific-theoretical conference "Second Kuban literary and historical readings"]. Krasnodar, 2000, pp. 173–174.
8. Zasedateleva L.B. *Kavkazskij jetnografičeskij sbornik* [Caucasian ethnographic collection]. no 8 (1984): 57–61.
9. Zasedateleva L.B. *Terskie kazaki (seredina XVI–XX vv.)* [Terek Cossacks (middle of XVI–XX centuries)]. Moscow, 1974. 422 p.
10. Kazakov A.V. *Circas: istorija Čerkesii* [Circas: history Cherkessia]. <http://circas.ru/index.php?newsid=634> (accessed September 20, 2016).
11. Kerejtov R.H. *Materialy V regional'noj nauchno-praktičeskoj konferencii "Istoričeskoe regionovedenie – vuzu i shkole"* [Materials of the V regional scientific-practical conference "The historical regional studies – university and school"]. Slavjansk-na-Kubani, 1997, pp. 35–36.
12. Korolenko P.P. *Pereselenie kazakov za Kuban'. Russkaja kolonizacija Severo-Zapadnogo Kavkaza* [The relocation of the Cossacks to the Kuban. Russian colonization of the North-West Caucasus]. Ekaterinodar, 1910. 112 p.

13. *Kuban' mnogonacional'naja: jetnograficheskiy slovar'-spravochnik* [Kuban multinational: Ethnographic dictionary catalog]. Krasnodar, 2007. 240 p.
14. Matveev V.A. *Rossija i Severnyj Kavkaz: istoricheskie osobennosti formirovanija gosudarstvennogo edinstva (vtoraja polovina XIX – nachalo XX v.)* [Russia and the North Caucasus: the historical features of formation of national unity (second half of XIX – early XX century)]. Rostov-on-Don, 2006. 252 p.
15. Mutieva O.S. *Tezisy Vserossijskoj nauchnoj konferencii "Kazachestvo v sociokul'turnom prostranstve Rossii: istoricheskiy opyt i perspektivy razvitija"* [Materials of the Scientific Conference "Cossacks in the socio-cultural space of Russia: historical experience and development prospects"]. Rostov-on-Don, 2010, pp. 247–250.
16. *Očerki istorii Kubani s drevnejshih vremen do 1920 g.* [Essays Kuban history from ancient times to 1920]. Krasnodar, 1996. 656 p.
17. *Paradigmy i ocenki kavkazskoj politiki Rossii v proshlom i nastojashem* [Paradigms and evaluation of Russian policy in Caucasus in the past and the present]. Krasnodar, 2013. 338 p.
18. Popko I.D. *Terskie kazaki so starodavnih vremen. Grebenskoe vojsko* [Terek Cossacks from ancient times. Grebenskaya army]. St. Petersburg, 1880. 518 p.
19. Popko I.D. *Chernomorskie kazaki v ih grazhdanskom i voennom by-tu: Očerki kraja, vooruzhennoj sily i sluzhby* [Black Sea Cossacks in their civilian and military life: Essays on the edge, engagement and service]. Krasnodar, 1998. 192 p.
20. *Rossija i Kavkaz skvoz' dva stoletija. Istoricheskie chtenija* [Russia and the Caucasus through two centuries. Historical reading]. St. Petersburg., 2001. 416 p.
21. Sokolova A.N. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija i iskusstvovedenie* [Bulletin of the Adygeya State University: Philology and art history]. no 4 (2011): 191–196.

22. Tolstoj L.N. Lib.ru/Klassika [Lib.ru/Classic]. http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_0160.shtml (accessed September 20, 2016).
23. Felicyн E.D., Shherbina F.A. *Kubanskoe kazach'e vojsko. 1696–1888* [Kuban Cossack army. 1696–1888]. Krasnodar, 1996. 489 p.
24. Cherkasov A.A., Ivancov V.G., Ustinovich E.S., Molchanova V.S. Rusin [Rusin]. no 4 (2015): 53–65.
25. Shaova S.D., Zhiljaev D.V., Baisova M.V. *Materialy II Mezhdunarodnoj Kubansko-Terskoj nauchno-prosvetitel'skoj konferencii "Iz istorii i kul'tury linejnogo kazachestva Severnogo Kavkaza"* [Materials of the II International Kuban-Terek scientific and educational conference "From the history and culture of the linear Cossacks of the North Caucasus"]. Armavir, 2000, pp. 42–43.
26. Shherbina F.A. *Istorija Kubanskogo kazach'ego vojska* [The history of the Kuban Cossack Army]. Krasnodar, 1992. 1616 p.

ДАНИЕ ОБ АВТОРЕ

Матиевский Герман Олегович, начальник научного отдела, доктор исторических наук, доцент
*Краснодарский государственный институт культуры
ул. 40-летия Победы, д.33, г. Краснодар, Краснодарский край,
350072, Российская Федерация
matsievski2004@mail.ru
SPIN-код в SCIENCE INDEX: 9043-4704*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Matsievsky German Olegovich, Head of Scientific Department, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
*Krasnodar State Institute of Culture
33, 40-letiya Pobedy Str., Krasnodar, Krasnodar Region, 350072,
Russian Federation
matsievski2004@mail.ru*

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-3-2-69-84

УДК 93

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА 1851 ГОДА КАК ФАКТОР АКТИВИЗАЦИИ РЕКЛАМНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ

Шелкоплясова Н.И.

Цель. Раскрыть значение первой выставки, проходившей в Тульской губернии в XIX в., в социально-экономической жизни великорусской ближней провинции.

Метод проведения работы. Основу исследования образуют историко-генетический и историко-системный методы, а также принципы научной объективности и историзма.

Результаты. Результаты работы заключаются в том, что автор ввел в научный оборот архивные материалы по теме исследования, выявил причины более позднего, чем в других регионах Российской империи, начала выставочной деятельности; дал описание работ по организации и проведению первой выставки, определил ее историческое своеобразие; аргументировано показал ее значение, как для развития экономического потенциала Тульской губернии, так и для становления и развития рекламной деятельности в регионе.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в сфере исследования экономической и культурной жизни российской провинции XIX в.

Ключевые слова: Тульская губерния; девятнадцатый век; выставка; сельское хозяйство; промыслы; культурно-просветительское мероприятие; экспонаты; награды; сбытовая политика.

**AGRICULTURAL SHOW IN 1851
AS A FACTOR OF ENHANCING PROMOTIONAL
ACTIVITIES IN THE TULA PROVINCE**

Shelkopyasova N.I.

Purpose. Expand the value of the first exhibition, held in the province of Tula in the XIXth century in socio-economic life of the Russian province.

Methodology. The research is based on the historical genetic and the historical systemic methods, as well as the principles of scientific objectivity and historicism.

Results. The author has introduced archival materials it the scientific circulation, identified the causes and consequences of the late exhibition activity in our region compared with other regions of the Russian Empire; gave a description of the organization's work, determined its historical identity; convincingly demonstrated its importance for the development of the economic potential of the Tula province, and for the formation and development of the promotional activities in the region.

Practical implications. The results of the study can be applied in the research of the economic and cultural life of the Russian province of the XIXth century

Keywords: *Tula province; the nineteenth century; exhibition; agriculture; crafts; cultural-educational activities; exhibits; awards; entrepreneurs' sales policy.*

Одной из самых дорогостоящих и трудоемких рекламных технологий является «выставка (ярмарка)» – мероприятие, на котором демонстрируются и получают распространение товары, услуги или информация, и которое проходит в четко установленные сроки и с определенной периодичностью.

Важным аспектом выставочно-ярмарочной деятельности является ее социально-экономическая направленность, обеспечивающая повышение деловой активности в регионах, развитие региональных экономик, эффективное рыночное позиционирование территорий, создание новых рабочих мест и постоянную занятость населения в инфраструктуре региона [12].

В системе современных маркетинговых коммуникаций выставкам и ярмаркам отводится важная роль, они являются «активным инструментом макроэкономической и инвестиционной политики» [6, с. 28]. На региональных выставках и ярмарках презентуются новые инвестиционные проекты и продукты региона, аккумулируются значительные финансовые потоки, приносящие дополнительный доход в бюджеты всех уровней, формируется репутация региона [6, с. 29].

В рамках выставочного пространства производители могут общаться с партнерами и представителями торговли, наладить деловые контакты, заключить выгодные сделки, тем самым они вносят существенный вклад в выработку стратегии развития предприятия. У покупателей имеется возможность соотнести похожую продукцию по качеству и стоимости.

Первоначально выставки не имели ярко выраженного коммерческого начала и проводились как просветительские мероприятия. История данной рекламной технологии корнями уходит в XVII в., когда ученики ремесленных мастерских и монастырских школ Франции организовывали экспозиции своих работ с целью привлечения покупателей. Демонстрация экономических успехов общенационального масштаба была предпринята в Англии в 1756 г., вслед за ней показ хозяйственных достижений страны организовали в 1763 г. в Париже и в 1765 г. в Дрездене. С 50-х гг. XIX в. начинают проводиться всемирные выставки. Первая Всемирная выставка открылась в Лондоне 1 мая 1851 г. [18, с. 70].

В России значимость выставок как средства продвижения товаров была оценена лишь в XIX в. Подобные мероприятия, как было сказано в сопроводительном каталоге выставки 1849 г., проходившей в Санкт-Петербурге, имели цель «показать успехи, сделанные по каждой отрасли промышленности, возбудить соревнование производителей и указать потребителям лучшие отечественные изделия» [18, с. 70].

Первая выставка в России была организована в 1829 г. в Санкт-Петербурге, а уже в 1845 г. в Варшаве состоялась I Всероссийская выставка. До 1850 г. мероприятия проводились не регулярно, но, убедившись в пользе данного начинания, государство стало стимулировать проведение подобных смотров. В результате мер, принятых правительством, выставки достижений отечественной экономики стали проводиться по различным профессиональным направлениям, как в региональном, так и в общенациональном масштабах.

09 декабря 1842 г. был издан указ «Об учреждении по губерниям выставок произведений земли, скота и произведений сельских ремесел». Министерство государственных имуществ разработало определенный порядок проведения выставочных мероприятий, цель которых заключалась в «поощрении и усовершенствовании всех отраслей сельского хозяйства и сельской ремесленности» [11, с. 196].

Европейская часть страны была поделена на 7 округов на основе сходства хозяйственной деятельности. Во всех округах, кроме VI, порядок проведения мероприятий определяло Министерство государственных имуществ, в VI округе выставки организовывались согласно особому назначению Министерства при Горегоретском земледельческом институте Могилевской губернии. Тульская губерния, наряду с Рязанской, Орловской, Воронежской и Тамбовской губерниями, вошла в состав III округа [1, л. 1].

В 1850 г. выставки сельских произведений состоялись сразу в нескольких округах. С 15 августа по 1 сентября 1850 г. проходили выставки сельских произведений в г. Вятке для Вятской, Казанской, Пензенской, Нижегородской, Симбирской, Саратовской губерний, а также в местечке Горки Могилевской губернии для товаропроизводителей Могилевской, Витебской, Смоленской, Калужской, Минской и Гродненской губерний [1, л. 9]. В это же время состоялись выставки в г. Кролевец Черниговской губернии для товаропроизводителей Черниговкой, Полтавской, Киевской, Харьковской губерний и в Рязани для Рязанской, Орловской, Воронежской, Тамбовской и Тульской губерний [1, л. 45].

Большинство производителей Тульской губернии в силу провинциального консерватизма неохотно отозвалось на правительственную инициативу, поэтому регион был плохо представлен на данном мероприятии. Тем не менее, несколько тульских товаропроизводителей удостоились наград. Так, крестьянин Веневского уезда Васильев получил похвальный лист за дамские перчатки, а крестьяне Ефремовского уезда Рогачев и Панарин были награждены денежными премиями. Первый получил 5 руб. за производство высококачественной пряжи, второй – 10 руб. за выращивание озимой пшеницы [1, л. 63].

Первая выставка в Тульской губернии прошла в 1851 г. Подготовительные мероприятия начались уже в 1850 г. 30 мая 1850 г. состоялось первое заседание Тульского губернского комитета выставки сельских производителей. Данный орган функционировал дважды: с 22 августа по 5 сентября 1851 г. и с 15 сентября по 01 октября 1861 г. В состав комитета входили: губернатор (председатель), вице-губернатор, губернский и уездный предводители дворянства, управляющий палатой госимущества и управляющий земской конюшней [5, л. 6].

16 июня 1851 г. в № 24 «Тульских губернских ведомостей» были опубликованы правила проведения мероприятия, включавшие девять глав, состоявших из более чем 50 параграфов. Документ под названием «Нормальные правила управления государственным имуществом о сельскохозяйственных выставках» содержал цели и задачи мероприятия, время, место, порядок проведения, перечень предметов, участвующих в смотре, номинации и награды [7, с. 31].

Место проведения выставок выбиралось по следующим критериям: оно должно было быть одним из губернских центров, входивших в округ; хорошо известным населенным пунктом, удобным для стечения значительного числа посетителей [2, л. 2].

Организационную работу возглавил выставочный комитет, в который входили председатели казенной, уголовной, гражданской палат, совестный судья, командир оружейного завода, губернский прокурор, губернский и уездные предводители дворянства. Губернский предводитель дворянства должен был пригласить трех помещиков в качестве комиссаров выставки и трех кандидатов к ним. В 1851 г. комиссарами выставки были: помещик Тульского уезда Завальевский, помещик Крапивенского уезда Щепотьев, помещик Епифанского уезда Мясоедов. Распорядителем выставки был назначен помещик Завальевский, экспертом по сельскому хозяйству – помещик Крапивенского уезда Глебов, экспертами по устройству машин определены механик Оружейного завода Трувиллер и князь Щербатов, по земледельческим орудиям – Г.Я. Дьяков, по мануфактурным изделиям – каширский городской глава Попов, по фабричным изделиям – Маликов, Баташев и Лялин [5, л. 7].

За три месяца до начала работы выставки в столичных и губернских ведомостях были даны объявления о дате и месте ее проведения. С целью информирования помещиков уездным предводи-

телям дворянства были разосланы программы, а ремесленников и фабрикантов уведомляли городские и земские полиции [16, с. 50].

Выставку планировали открыть 15 августа, однако, в связи с тем, что экспонатов представлено было мало, так как «многие растения еще не достигли зрелости», на заседании 14-го августа комитет постановил перенести открытие на 22-е августа, а в будущем начинать мероприятие не ранее 15-го сентября» [5, л. 10].

Исходя из Правил проведения, экспозиция должна была располагаться в казенном или общественном здании, а если такого не оказывалось, то Комитет должен был арендовать частный дом. Выставку планировали провести в доме купца Добрынина, но в силу обстоятельств мероприятие прошло в доме Угринович на углу ул. Киевской и Воронежской. За наем помещения было уплачено 50 руб. [5, л. 15].

22 августа 1851 г., после молебствия, совершенного епископом, и окропления экспонатов святой водой, выставка была открыта. Работала она с 10 часов утра до 3-х часов пополудни, но, если заинтересованные лица не желали уходить, то закрытие переносилось на более позднее время. Посетив мероприятие, многие выражали желание выставить продукты своего хозяйства, поэтому прием экспонатов продолжался и после начала работы экспозиции; обязательным условием являлось наличие документов, подтверждающих принадлежность имущества. Государственным крестьянам удостоверения представлялись волостными правлениями или окружным начальником управления государственным имуществом, а фабриканты прилагали реестры выставляемых ими вещей [13, с. 14].

Кроме тульских производителей в выставке приняли участие Тамбовская учебная сельскохозяйственная ферма, располагавшаяся недалеко от г. Липецка, Лебедянское общество сельского хозяйства, Екатеринославское училище садоводства. Рязанская губерния была представлена изделием хозяйства «пахотного солдата» [3, л. 1].

С точки зрения отраслевой принадлежности экспонатов Тульская выставка была универсальной. По ассортименту представленной продукции она состояла из 11 отделов: 1) продукция полеводства; 2) огородничества; 3) садоводства; 4) лесоводства, пчеловодства и шелководства; 5) скотоводства; 6) орудия и машины; 7) изделия из дерева; 8) ткани; 9) изделия из глины; 10) железо и чугун; 11) изделия оружейников и медников тульских фабрик [8, с. 227].

Всего на выставке были представлены 757 экспонатов, из них 164 вещи принадлежали помещикам, 354 – тульским оружейникам и фабрикантам, 129 – казенным крестьянам, 15 – помещичьим крестьянам, 93 – Тамбовской учебной ферме и 2 – Екатеринбургскому училищу садоводства. Большинство экспонатов выполнено кустарями по металлу Тульского уезда, предметов же сельскохозяйственного значения было чрезвычайно мало.

Не очень громоздкие экспонаты разместили в двух залах и 9 комнатах, орудия и машины – в сарае; животных (лошадей, рогатый скот, овец и свиней) – в специально отведенных вольерах во дворе.

В роли экскурсовода выступил «распорядитель Тамбовской учебной фермы», представившей 93 экспоната, эксперты же чередовались [9, с. 235].

Зрелище настолько захватило посетителей, что они активно интересовались временем проведения следующего смотра.

Выставка завершила свою работу 6 сентября 1851 г., на заседании Комитета были подведены итоги, жюри определило победителей. Основаниями для их решения были отзывы посетителей, результаты проб, оценка экспертов [10, с. 238].

Для проведения Тульской выставки Департамент сельского хозяйства выделил 650 руб., одну золотую медаль и шесть серебряных, из которых две большого и четыре малого размера, 75 бланков для похвальных листов и свидетельств [5, л. 16].

Из 77 знаков отличия 30 наград (38%) присуждены за металлические изделия, 13 наград (17%) – за текстильные, 12 наград (15%) – за предметы животноводства и полеводства, 4 награды (5%) – за изделия из дерева, 3 знака отличия (3 %) получили изделия из глины, 5 наград (6 %) — модели машин. Остальных наград удостоены предметы, не соответствующие номинациям, это – трубки из выплавка, футляры из раковин, ящики из тисненой бересты [5, л. 15].

Золотой медали удостоена помещица Тульского уезда Нарышкина за зерновые хлеба, семена кормовых трав, оранжерейные растения, электральных овец и ютландских свиней.

Серебряная медаль большого размера присуждена помещику Завальевскому за улучшение местного рогатого скота тирольской породы, за введение в посев кормового горошка и рожь самосевку, разведенную от падалицы, и усовершенствование способов разведения лимонных и померанцевых деревьев.

Серебряной медалью большого размера награжден лесничий Подгороднего лесничества штабс-капитан Гимбут за первоначальное введение в Тульской губернии шелководства и за 11 пород древесных растений, разведенных им от семян.

Серебряную медаль малого размера получили: крапивенская помещица Артюхова – за овец калмыцкой породы, дубление овчин и сшитый тулуп, а также за введение в посев кормового горошка; крапивенский помещик Щепотьев – «за распространение и улучшение изделий из глины», которая добывалась в его имении и из которой на его фабрике выделялась посуда «самая употребительнейшая и необходимая, отличающаяся чрезвычайной прочностью, чистотой отделки и дешевизной цены»; каширский помещик Волоцкий – за кровельную бумагу, хлебные и огородные растения; тульский помещик Дьяков – за домашнее тканье «гирного» полотна [15, л. 79].

Несколько помещиков и лиц разного звания награждены почетными отзывами и похвальными листами за свои экспонаты, из которых следует отметить помещика Одоевского уезда Мосолова за чугунные изделия, преподавателя сельского хозяйства Тульской духовной семинарии Смирницкого за выращивание 15 сортов душистых трав и канцелярского служителя Соколова за картины, выполненные масляными красками. Некоторые помещики, представившие экспонаты, «означили имена крестьян для повышения своей репутации премированных хозяев». Крепостные комиссара выставки Завальевского: Иван Маркелов, Яков и Филипп Сергеевы и Антон Дорофеев – получили похвальные листы и денежные награды 5–10 руб. за «постав чистой отделки, кадки, подковы на винтах и за знание в садоводстве». Крестьянин Дьякова – Лазарев – за сделанную модель молотилки; крестьянин Крюкова – Кондратьев – за плетение из лыка бадьи и кошеля; крестьянин Языковых – Михеев – за «обделывание» футляров из раковин; крестьянин Хитрово – Кондратьев – за резьбу по дереву; крестьянин Бове – Комиссаров – за модель для измерения высоты и нивелирования.

Похвальные листы и денежные награды также были выданы казенным крестьянам. Александровские крестьяне получили награды за пеньку, «обделку дуг», ткань холста и железные подковы; веневские – за разведение породистых лошадей, за изготовление кирпичей, железные подковы, а веневские женщины – за ткань холста и кушака из шерсти; каширские – «за ткань у себя на дому миткаля, из основной и утковой пряжи, принадлежащей серпуховским и каширским купцам, на их инструменте»; каширские женщины – за кружева и строченье; тульские – за железные и оконные приборы, дверные шарнирные петли и железные шурупы. Крестьянин Романов из Дедиловской волости Богородицкого уезда был отмечен за продукцию огородничества, а крестьянин деревни

Федоски Елифанского уезда Иштутин – за табак высокого качества. Похвальные листы получили тульские оружейники: Иван, Петр, Николай Гольтяковы и Иван Ижевский – за ружья, Алпатов – за весы и утюги, Афанасьев – за клинки, Гайтеров – за «золотопластильную машину», Милованов – за часы нового механизма, Баташев и Маликов – за дверные и оконные приборы и самовары [1, л. 68].

Сельскохозяйственная выставка 1851 г. произвела яркое впечатление на ее участников и посетителей. Многие производители, осознав важность и значимость подобных мероприятий, в последующем активно участвовали во всевозможных выставках. Так, Тульская губерния была представлена на Московской выставке сельских произведений, проходившей с 1 августа по 15 сентября 1852 г. [14, л. 1].

В 1870 г. туляки участвовали во Всероссийской выставке мануфактурных произведений в Санкт-Петербурге [18, с. 71]. 145 «фабрик и заводов» получили приглашение экспонировать свою продукцию. Газеты сообщали о том, что продукция тульских оружейников, медников, кондитеров была весьма интересна посетителям [4, лл. 23, 27, 33, 34, 51, 78, 79, 82, 86, 89, 90, 91, 131, 133–134, 135об.].

Таким образом, в российской провинции первые выставки стали проводиться лишь благодаря активному вмешательству правительства. В середине XIX в. они носили характер культурно-массовых мероприятий сугубо просветительского характера и использовались для публичной демонстрации достижений. Во второй половине XIX в. выставки являлись важным элементом материальной и духовной жизни российского общества, но по мере развития экономики выставки приобрели ярко выраженную коммерческую направленность. В конце XIX в. подобные культурно-массовые мероприятия демонстрировали достижения тех или иных отраслей экономики, и тем самым являлись отличной формой рекламы

различных видов производства, сбыта и приобретения. Золотые, серебряные, бронзовые медали, полученные на выставках, включались в товарный знак, изображались на этикетках и долгое время использовались производителями в целях продвижения своей продукции на внутреннем и внешнем рынках.

Список литературы

1. Выставка сельских произведений при Горегоретском земледельческом институте в Горках Могилевской губернии в 1850 г. // Государственное учреждение «Государственный архив Тульской области» (ГУ ГАТО). Ф. 79. Оп. 1. Д. 5. Л. 71.
2. Дело по отношению Департамента сельского хозяйства об открытии выставки сельских произведений // ГУ ГАТО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 2. Л. 8.
3. Дело по отношению Екатеринославского училища садоводства о предоставлении вещей (экспонатов) на Тульскую выставку сельских произведений с приложением свидетельств на них (10 августа – 28 августа 1851 г.) // ГУ ГАТО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 3. Л. 7.
4. Дело о поставке изделий тульских заводов для Всероссийской выставки мануфактурных произведений 1870 г., проходившей в г. Санкт-Петербурге // ГУ ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Т. 37. Д. 30523. Л. 143.
5. Журнал заседаний комитета выставки сельских производителей // ГУ ГАТО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1. Л. 18.
6. Зимина Т.В. Выставочно-ярмарочная деятельность на Урале: традиции и современность // Маркетинг в России и за рубежом. 2015. № 2(106). С. 20–31.
7. Нормальные правила для губернских выставок сельских производителей // Тульские губернские ведомости. 1851. № 24. С. 30–33.
8. О выставке сельских произведений в городе Туле в 1851 г. // Тульские губернские ведомости. 1851. № 45. С. 226–228.

9. О выставке сельских произведений в городе Туле в 1851 г. // Тульские губернские ведомости. 1851. № 46. С. 232–235.
10. О выставке сельских произведений в городе Туле в 1851 г. // Тульские губернские ведомости. 1851. № 47. С. 237–239.
11. Об учреждении по губерниям выставок произведений земли, скота и произведений сельских ремесел // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Т. 17. № 1607. С. 196–204.
12. О Концепции развития выставочно-ярмарочной и конгрессной деятельности в Российской Федерации [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства РФ от 10.07.2014 N 1273-р (ред. от 10.07.2014). Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
13. Первая сельскохозяйственная выставка в г. Туле // Тульские губернские ведомости. 1851. № 24. С. 5–17.
14. Приглашение императорского Московского общества сельского хозяйства к участию в Московской выставке сельских произведений в 1852 г. // ГУ ГАТО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 6. Л. 2.
15. Свидетельства на экспонаты, предоставленные на сельскохозяйственную выставку 1851 г. // ГУ ГАТО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 4. Л. 79.
16. Список лиц, которым присуждены награды на Тульской губернской выставке сельских произведений // Тульские губернские ведомости. 1851. № 48. С. 241–243.
17. Федоровская М.Д. Первая сельскохозяйственная выставка в г. Туле в 1851г. // Тульский край. 1928. № 1–2. С. 48–54.
18. Шелкоплясова Н.И. Становление и развитие рекламной деятельности в Тульской губернии в XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2013. 262 с.

References

1. *Gosudarstvennoe uchrezhdenie «Gosudarstvennyy arkhiv Tul'skoy oblasti» (GU GATO)* [Brochure of «Exhibition of agricultural works

- Gorigoretskiy Institute in Gorki of the Mogilev province in 1850, the State office «State archive of the Tula region» [GU GATO]. F. 79. Op. 1. D. 5. L. 71.
2. The case against the Department of agriculture about the opening of the exhibition of rural products. *Gosudarstvennoe uchrezhdenie «Gosudarstvennyy arkhiv Tul'skoy oblasti» (GU GATO)* [State archive of the Tula region] [GU GATO]. F. 79. Op. 1. D. 2. L. 8.
 3. The case against Ekaterinoslav School of gardening on the provision of items (exhibits) in Tula for the exhibition of rural paintings, with the application of evidence (August 10–August 28, 1851). *Gosudarstvennoe uchrezhdenie «Gosudarstvennyy arkhiv Tul'skoy oblasti» (GU GATO)* [State archive of the Tula region] [GU GATO]. F. 79. Op. 1. D. 3. L. 7.
 4. The case of the supply of products from Tula factories 1870 for the Russian exhibition of manufactured works, held in St. Petersburg. *Gosudarstvennoe uchrezhdenie «Gosudarstvennyy arkhiv Tul'skoy oblasti» (GU GATO)* [State archive of the Tula region] [GU GATO]. F. 90. Op. 1. 37. D. 30523. L. 143.
 5. Journal of the meetings of the Committee of the exhibition of rural producers. *Gosudarstvennoe uchrezhdenie «Gosudarstvennyy arkhiv Tul'skoy oblasti» (GU GATO)* [State archive of the Tula region] [GU GATO]. F. 79. Op. 1. D. 1. L. 18.
 6. Zimina T. V. Vystavochno-yarmarochnaya deyatel'nost' na Urale: traditsii i sovremennost' [Exhibition and fair activity in the Urals: tradition and modernity]. *Marketing v Rossii i za rubezhom* [Marketing in Russia and abroad]. 2015. №. 2 (106), pp. 20–31.
 7. Normal'nye pravila dlya gubernskikh vystavok sel'skikh proizvoditeley [Normal rules apply to provincial exhibitions, agricultural producers]. *Tul'ski Provincial Gazette*. 1851. №. 24, pp. 30–33.
 8. O vystavke sel'skikh proizvedeniy v gorode Tule v 1851 g [About the exhibition of rural works in the city of Tula in 1851]. *Tul'ski Provincial Gazette*. 1851. №. 45, pp. 226–228.

9. O vystavke sel'skikh proizvedeniy v gorode Tule v 1851 g [About the exhibition of rural works in the city of Tula in 1851]. *Tulski provincial Gazette*. 1851. №. 46, pp. 232–235.
10. O vystavke sel'skikh proizvedeniy v gorode Tule v 1851 g [About the exhibition of rural works in the city of Tula in 1851]. *Tulski provincial Gazette*. 1851. №. 47, pp. 237–239.
11. Ob uchrezhdenii po guberniyam vystavok proizvedeniy zemli, skota i proizvedeniy sel'skikh remesel [About the institution of the exhibitions of works of land, livestock, and rural crafts in the provinces]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii (PSZ)* [Complete collection of laws of the Russian Empire (CCL)]. T. 17. №. 1607, pp. 196–204.
12. O Kontseptsii razvitiya vystavochno-yarmarochnoy i kongressnoy deyatel'nosti v Rossiyskoy Federatsii [On the Concept of development of exhibition and Congress activities in the Russian Federation]: decree of the RF Government dated 10.07.2014 1273 N-R (as amended on 10.07.2014): <http://www.consultant.ru>.
13. Pervaya sel'skokhozyaystvennaya vystavka v g. Tule [The first agricultural exhibition in Tula]. *Tulski provincial Gazette*. 1851. №. 24, pp. 5–17.
14. The invitation of the Imperial Moscow society of agriculture to participate in the Moscow exhibition of rural works in 1852 [Priglasenie imperatorskogo Moskovskogo obshchestva sel'skogo khozyaystva k uchastiyu v Moskovskoy vystavke sel'skikh proizvedeniy v 1852 g]. *Gosudarstvennoe uchrezhdenie «Gosudarstvennyy arkhiv Tul'skoy oblasti» (GU GATO)* [State archive of the Tula region] [GU GATO]. F. 79. Op. 1. D. 6. L. 2.
15. Evidence of the exhibits provided at the agricultural exhibition of 1851 [Svidetel'stva na eksponaty, predostavlennye na sel'skokhozyaystvennyu vystavku 1851 g]. *Gosudarstvennoe uchrezhdenie «Gosudarstvennyy arkhiv Tul'skoy oblasti» (GU GATO)* [State archive of the Tula region] [GU GATO]. F. 79. Op. 1. D. 4. L. 79.

16. Spisok lits, kotorym prisuzhdeny nagrady na Tul'skoy gubernskoy vystavke sel'skikh proizvedeniy [A list of persons awarded prizes at Tula province exhibition of rural works]. *Tul'skie gubernskie vedomosti* [Tula province news]. 1851. №. 48, pp. 241–243.
17. Fedorovskaya M.D. Pervaya sel'skokhozyaystvennaya vystavka v g. Tule v 1851g [First agricultural exhibition in the city of Tula in 1851]. *Tul'skiy kray* [Tula region]. 1928. №. 1–2, pp. 48–54.
18. Shelkoplyasova N. I. *Stanovlenie i razvitie reklamnoy deyatel'nosti v Tul'skoy gubernii v XIX – nachale XX vv.* [The formation and development of advertising activity in the Tula province in the XIX – early XX centuries]: the dissertation ... candidate of IP-toric Sciences. Bryansk, 2013. 262 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Шелкоплясова Надежда Ивановна, старший преподаватель кафедры «Философия, история и право», кандидат исторических наук

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Тульский филиал Финуниверситета

ул. Оружейная, 1А, г. Тула, Тульская область, 300012, Российская Федерация

Schelkopliasova2015@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Shelkoplyasova Nadezhda Ivanovna, Senior Teacher of the Department «Philosophy, History and Law», PhD in History

Financial University under the Government of the Russian Federation Tula branch of the Financial University

1A, Oruzheinaya St., Tula, Tula region, 300012, Russian Federation

Schelkopliasova2015@yandex.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-3-2-85-104

УДК 94+261.7+ 322

**ОРГАНИЗАЦИИ СОЮЗА ВОИНСТВУЮЩИХ
БЕЗБОЖНИКОВ САРАТОВСКОГО ПОВОЛЖЬЯ
В АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ КАМПАНИИ 1930-х гг.**

Яковлева Ж.В.

Целью работы является рассмотрение на основе архивных материалов деятельности Союза воинствующих безбожников в 1930-е гг. в Саратовском Поволжье и оценка ее результатов.

Общий методологический подход к проведению исследования заключается в опоре на базовые принципы и методы исторического исследования с использованием элементов междисциплинарного подхода (опора на отдельные методы смежных наук: социологии, статистики и др.).

Результаты работы представлены в сформулированных автором выводах, которые аргументируются примерами и статистическими данными из местных архивов и могут применяться в научных и педагогических целях.

Ключевые слова: *Союз воинствующих безбожников; антирелигиозная кампания; агитация; пропаганда; Саратовское Поволжье; власть; религия; церковь; 1930-е гг.*

**THE SARATOV VOLGA REGION MILITANT
ATHEISTS' LEAGUE ORGANIZATIONS ACTED
IN THE ANTIRELIGIOUS CAMPAIGN IN THE 1930-es**

Yakovleva Zh.V.

The purpose of the work is to examine the Militant Atheists' league works and its results in the Saratov Volga region in the 1930-es based on archival sources.

The research general methodological approach is based on the historical research chief principles and methods together with interdisciplinary approach elements (usage of related sciences techniques: sociology, statistics, etc.).

The results are presented in the conclusions formulated by the author, which are argued by numerous examples and statistics from the local archives. The research results can be used for scientific and educational works.

Keywords: *Militant Atheists' League; antireligious campaign; agitation; propaganda; Saratov Volga region; power; religion; church.*

В начале XX века население России было в подавляющем большинстве религиозным. Традиции и верования насчитывали многие столетия. Конечно, церковь, особенно православная, к этому времени испытывала определенный кризис, в результате которого верующие часто переходили из конфессий и деноминаций в секты, но лишь совсем малая часть становилась атеистами. Атеизм различных оттенков в России тоже развивался, но численность атеистов и их влияние на население в сравнении с религией было ничтожно. Основная масса верующего российского крестьянства оставалось главным источником прочности позиций религиозных конфессий, особенно православия.

Пришедшие в октябре 1917 г. к власти в России большевики понимали, что для изменения ситуации нужна широко развернутая атеистическая работа на многие годы, однако революционное нетерпение и жажда быстрее построения нового общества толкали их к произволу и насилию в отношении церкви. Поэтому с первых дней существования советского государства в политике его партийно-советского руководства прослеживается две параллельные линии в отношении церкви и верующих: одна линия – ан-

тирелигиозная пропаганда и агитация, атеистическое воспитание населения, другая – насилие и произвол в отношении церкви, репрессии против религиозного духовенства и активных верующих [2; 21; 23; 24; 25; 26; 27; 30; 31; 33; 35; 36 и др.].

Антирелигиозным воспитанием населения в Советском государстве занимались многие структуры: сама коммунистическая партия, комсомол, профсоюзы. Эта работа должна была проводиться на производстве, в школе и вузах. Однако главная роль отводилась специальной антирелигиозной организации – Союзу безбожников.

Как известно, Союз безбожников оформился в 1925 г. на основе общества друзей газеты «Безбожник», основанной в 1922 г. ». Во второй половине 1920-х гг. происходит его становление, образуются структуры в регионах, создаются первичные организации. В это время особой активности организации не наблюдается, что связано как с периодом ее внутреннего становления и укрепления, так и общей обстановкой в нэповском СССР [29].

Деятельностью Союза безбожников постепенно было охвачено и Саратовское Поволжье – территория, где исторически сложился уникальный поликонфессиональный социум, в котором сосуществовали представленные многими тысячами верующих православие, протестантизм (лютеранство, меннонитство и др), католицизм, ислам, а также в меньшем количестве иудаизм и другие вероисповедания [39, л. 95–100]. Поэтому исследование антирелигиозной кампании организаций Союза воинствующих безбожников (далее – СВБ) в таком регионе представляет особый интерес и позволяет получить достаточно целостное представление об антирелигиозной деятельности этой организации в 1930-е гг. по отношению ко всем основным конфессиям, имевшимся в СССР.

В рамках общего «развернутого наступления социализма по всему фронту» весной 1929 г. власть начала наступление и на цер-

ковь. 8 апреля 1929 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановление «О религиозных объединениях», которое резко ухудшило положение церкви в Советском государстве, поставило ее в полную зависимость от власти [33, с. 250–261].

Очередное наступление на церковь требовало усиления антирелигиозной пропаганды и агитации. Поэтому перед «Союзом безбожников» ставятся новые задачи. 11–15 июня 1929 г. в Москве был проведен II съезд Общества друзей газеты «Безбожник», который собрал 1200 делегатов. Съезд переименовал «Союз безбожников» в «Союз воинствующих безбожников», принял новую редакцию Устава СВБ СССР. Крупнейшими в его составе были организации Центрально-Черноземной области, Узбекистана и Нижневолжского края. Последняя, например, к маю 1932 г. насчитывала 240 тыс. членов [1, с. 4]. По данным, которые приводит Б.Н. Коновалов, процент женщин-членов СВБ по Нижневолжскому краю доходил до 30–32%. Он также отмечает, что в СВБ было представлено более 100 национальностей. На съезде произошло оформление детского безбожного движения в организацию Юных воинствующих безбожников (ЮВБ СССР). Руководителем СВБ СССР долгие годы был Емельян Ярославский [22, с. 63–93].

С этого момента СВБ существенно активизирует работу по пропаганде атеизма, по созданию антирелигиозных музеев и выставок, выпуску научной и научно-популярной литературы, а также ряда периодических изданий (газета «Безбожник», журналы «Безбожник», «Антирелигиозник», «Воинствующий атеизм», «Юные безбожники» и другие печатные издания на различных языках народов СССР). Издательство «Безбожник» (впоследствии – Государственное издательство антирелигиозной литературы (ГАИЗ)) выпускало большое количество пропагандистской антирелигиозной литературы [34].

СВБ ставил своей целью идейную борьбу с религией во всех ее проявлениях. Следует, однако, отметить, что как СВБ в целом, так и его организации в регионах и на местах в своих действиях не были самостоятельны, они подчинялись партийным организациям и директивам. Сам СВБ замыкался на ЦК ВКП(б), а его организации – на региональные и местные парторганизации соответствующего уровня. СВБ являлся лишь инструментом партийной политики.

Отмеченное выше полностью подтверждает *закрытое циркулярное письмо агитационно-пропагандистского отдела Нижневолжского крайкома ВКП(б) от 1929 г. «О постановке антирелигиозной пропаганды»*, направленное всем окружкомам, областкомам, райкомам партии и ячейкам ВКП(б) [4, л. 101–106]. В нем подводятся некоторые итоги антирелигиозной кампании, четко определяется роль краевой организации СВБ и ее задачи. В письме даются рекомендации о том, как необходимо правильно разворачивать антирелигиозную пропаганду, в силу сложившейся ситуации в стране, связанную с «наступлением на капиталистические элементы города и, особенно, деревни». В документе говорится об обострении борьбы с религией и церковью, в связи с «общим наступлением на кулака, частный капитал и буржуазную идеологию».

Особый нюанс документа: в нем говорится об организованной, систематической и последовательной антирелигиозной пропаганде и агитации, которые должны предшествовать административным мерам. Такая «подготовительная работа» нужна была, в том числе и для того, чтобы избежать недовольства верующих закрытием церквей, снятием колоколов и другими антирелигиозными мероприятиям [4, л. 101–106]. В этой работе важное место отводилось местным организациям и ячейкам Союза воинствующих безбожников.

Саратовская организация СВБ, как и многие другие, начала складываться из обществ безбожников, возникавших большей частью стихийно в городах и крупных селах Нижневолжского края, вошедших позднее в Саратовский край (1934), а затем и Саратовскую область (1936). К концу 1920-х гг. они начали объединяться в ячейки СВБ.

В январе 1929 г. в целях повышения эффективности деятельности СВБ в Нижневолжском крае Центральный совет СВБ (ЦС СВБ) создал краевой совет СВБ (КС СВБ), который выполнял функции промежуточного руководящего органа. В Саратове действовал также городской совет СВБ (ГС СВБ) [6, л. 65].

20 мая 1929 г. в Саратове прошел I краевой съезд союза безбожников. В нем участвовали делегаты от всех округов Нижневолжского края, а также от входивших в край Республики немцев Поволжья и Калмыцкой области. Съезд определил методы «вовлечения масс трудящихся в антирелигиозное движение». На съезде делегация от антирелигиозных групп при школах ликбеза передала наказ об усилении издания популярной и антирелигиозной литературы и переходе на новый календарь с переносом дня отдыха с воскресенья на среду [28]. Последнее должно было помешать «церковникам» проводить воскресные службы, на которые ходило больше всего народа.

Очевидно, что инициаторами такого предложения были не только саратовцы. К «голосу масс» прислушались, вопрос о календарной реформе поднимался на всесоюзном съезде СВБ в июле 1929 г., а в конце сентября было принято Постановление ЦИК и Совнаркома СССР «О рабочем времени и времени отдыха в предприятиях и учреждениях, переходящих на непрерывную рабочую неделю» [32, л. 7; 12–13]. В стране вводилась шестидневная неделя с одним выходным, который таким образом достаточно редко выпадал на воскресенье.

За время существования СВБ его структуры в Саратовском регионе неоднократно реорганизовывались. 13 марта 1934 г. Саратовский ГС СВБ был упразднен, его полномочия перешли к краевому оргбюро СВБ. Причины ликвидации крылись как в материальных и кадровых проблемах, так и в неэффективности его работы [5, л. 115; 10, л. 17]. Некоторые организации СВБ просто прекращали свою работу. Об этом, например, красноречиво свидетельствует информация обкома ВКП(б) АССР немцев Поволжья о работе республиканского Союза воинствующих безбожников, подготовленная в конце 1934 г.: «Организации «Союза безбожников» по существу нет. Около 2-х лет существует Оргбюро. Причём в феврале 1934 г. один состав оргбюро был распущен за явную неработоспособность. Сколько существует ячеек СВБ по республике, Оргбюро не знает, связи с ними не имеет, какая работа ведётся, на местах по этому вопросу Оргбюро не знает» [3, л. 116].

В сентябре 1937 г. Саратовский обком ВКП(б) распустил состав областного оргбюро, отметив в качестве причины такой меры те же проблемы, что были связаны и с роспуском саратовской городской организации. Главным виновником «развала» организации безбожников в Саратове и области, «врагом народа» был признан бывший председатель Саратовского областного Оргбюро СВБ М. Зеленов, который «распространял контрреволюционную теорию о ненужности антирелигиозной работы» [19, л. 1–2].

В целом же, как показывают источники, в период 1933–1937 гг. антирелигиозная работа в городах и сельской местности была, была во многом формальной, отсутствовали даже учет первичных организаций СВБ и связь с ними более высоких руководящих органов Союза. Пропаганда и агитация активизировались только перед религиозными праздниками; изучение состояния религиозных организаций проводилось слабо. В тоже время власти на местах

активно закрывали храмы, преследовали священнослужителей, допускали репрессивные «перегибы» по отношению к верующим [37, с. 99–102].

Неудивительно, что в 1935 г. Президиум ЦС СВБ отметил крайне неудовлетворительное состояние антирелигиозной работы организации СВБ в Саратовском Крае (1934–1936 гг.). Об этом свидетельствует телеграмма, присланная «с коммунистическим приветом» от председателя ЦС СВБ СССР Е.М. Ярославского секретарю Саратовского крайкома ВКП(б) Е. Фрешеру, в которой ЦС СВБ просит обратить внимание на состояние антирелигиозной работы в Крае и просит обеспечить краевое оргбюро СВБ работниками из краевого партактива [11, л. 17, 115].

По данным Саратовского обкома КПСС на 1936 г. в Саратове было зарегистрировано только 27 ячеек СВБ с 985 членами и 7 кружков юного безбожника в школах, что считалось абсолютно неприемлемым для 350-тысячного города, стремившегося к 1937 г. достигнуть «полного обезбоживания» [8, л. 4–5, 12, 15–25].

После разгона старого состава областного оргбюро и ареста М. Зеленова новый состав областного оргбюро СВБ, который возглавил А.Я. Пашин, сразу же «принялся за работу». Для более отлаженного взаимодействия было создано промежуточное звено между областным оргбюро и первичными организациями – организационные бюро СВБ при районных комитетах (в АССР немцев Поволжья – кантональных комитетах) ВКП(б). Они были подчинены как местным партийным организациям, так и областному оргбюро СВБ.

В октябре 1938 г. состоялась III Саратовская городская конференция СВБ, были отправлены приветственные телеграммы «дорогому вождю, учителю» И. Сталину и Ем. Ярославскому [7, л. 10, 12–15]. С докладом выступил А.Я. Пашин – председатель Саратовского областного совета СВБ, который отметил свертыва-

ние антирелигиозной пропаганды в области, заявил о самоустранении общественных, культурных и профсоюзных организаций от антирелигиозной пропаганды. По его словам, первичные ячейки СВБ, также отличались пассивностью и неорганизованностью [12, л. 1–4, 29].

Мероприятия, проводившиеся «безбожниками», часто были довольно примитивными, их качество оставляло желать лучшее. Во многом это происходило потому, что сами пропагандисты и агитаторы, за редким исключением, были малограмотны и очень плохо разбирались в вероучениях, оперируя в основном набившими оскомину пропагандистскими штампами и клише.

Даже в Саратове, где, казалось бы, имелись подготовленные кадры СВБ, многие планы не реализовывались. Так, например, антирелигиозный музей, который должен был открыться на базе отдела религии и атеизма Краеведческого музея еще в 1934 г., в 1939 г. все еще не работал [9, л. 4, 5, 12, 15–25].

Обращает на себя внимание плохой контакт и взаимодействие областной организации СВБ с партийными и советскими органами, со средствами массовой информации, с издательствами и другими учреждениями, которые могли бы помочь «безбожникам» улучшить их работу. Если печатный орган Саратовского обкома ВКП(б) газета «Коммунист» за 1938–1939 гг. не напечатала на своих страницах ни одного антирелигиозного материала, то это могло означать только одно: партийная организация области не считала атеистическую работу, а следовательно и деятельность СВБ в числе приоритетных задач. Аналогичная ситуация наблюдалась на радио, в работе Саратовского областного книжного издательства. Затянули оформление антирелигиозной экспозиции в краеведческом музее, не выдерживала критики уличная антирелигиозная агитация.

Представляется, что причиной такого отношения средств массовой информации и учреждений, как известно, в те годы всецело подчиненных партийному руководству области, было определенное «головокружение» от административных успехов. Большинство профессиональных организаций в области к тому времени было уже разгромлено, подавляющее большинство храмов закрыто, священнослужителей – репрессировано. Религиозная жизнь приняла полулегальный характер. Наиболее ярко об этом свидетельствует статистика. Если до 1917 г. на территории Саратовской области в границах 1938 г. действовало 1056 церквей, монастырей, мечетей и молельных домов, то в 1938 г. осталось всего около 60 действующих церквей. За это же время в Республике немцев Поволжья было закрыто около 200 церквей. Таким образом, на территории Саратовского Поволжья было закрыто почти 1200 храмов и других культовых учреждений различных конфессий, значительная часть из них была разрушена. В городе Саратове за эти годы было закрыты и разрушены свыше 80 монастырей, храмов, часовен, молельных домов и других культовых учреждений [15, л. 34; 20, с. 362; 39, с. 95–100; 37, с. 99–102].

Сделанное предположение подтверждается и высказываниями ряда «безбожников», ощущавших ослабление внимания власти к антирелигиозной пропаганде. Так, например, один из них – инструктор областного совета СВБ – отмечает, что на районном и местном уровнях «многие руководители партийных и советских органов всю свою антирелигиозную работу сводят, главным образом, к форсированному закрытию церквей без необходимой массово-политической и организационной работы, что в ряде случаев дает обратные результаты». Другой – рассказывает как в январе 1938 г. Ивантеевском районе бюро райкома ВКП(б) сорвало собственное решение о проведении районной конференции СВБ [12, л. 2; 14, л. 22об – 23об].

И все же, несмотря на описанную выше ситуацию, на обильную критику и самокритику, присутствующую в документах, связанных с деятельностью местных и региональных организаций «безбожников», нельзя недооценивать работу СВБ в Саратовском Поволжье. Наиболее успешно «безбожникам» удавалось осуществлять работу среди женщин, а также проводить антирелигиозные кампании в канун конфессиональных праздников христиан, мусульман, иудеев [10, л. 15, 16; 13, л. 4 – 5; 38, с. 261 – 266 и др.].

В работе с женщинами проводились громкие читки с использованием номеров «Безбожника», «Деревенского безбожника», статей по политическим и «женским» вопросам. «Громкочитки» должны были привести к идеологически правильным выводам. Так, в читавшемся женщинам антирелигиозном учебнике для крестьян были главы: «Религия учит, что женщина не человек», «Женщина участвует в советской работе». Перед женщинами выступали с темами: «Как религия благословляла угнетение женщин», «Положение женщин в прошлом и настоящем», «Почему женщина крепче мужчины держалась за религию», «Политически отсталая женщина – опора попов и сектантов», «Кто такие сектантские верховоды и куда они ведут женщину», «Женщина должна требовать антирелигиозного воспитания своих детей» и др. Читались женщинам художественные произведения атеистической направленности, а также «агитки» для детей начальных классов (Е. Перовского, Д. Бедного и др.), поскольку считалось, что «все они пригодны для женщин» [18, л. 1].

Как уже отмечалось, работа с верующими активизировалась в предпраздничные дни. Читались все те же лекции, устраивали вечера в клубах, школах, красных уголках, общежитиях, на которых демонстрировалась художественная самодеятельность, ставились сценки и спектакли на антирелигиозные темы.

К примеру, антирелигиозные мероприятия активно проходили среди достаточно многочисленного мусульманского населения (татар, башкир, казахов) в канун главных мусульманских праздников Уразы-байрама и Курбан-байрама. «Безбожники» разясняли «классовую сущность» ислама, его вред «по отношению к обороне страны и производству», опасность соблюдения постов для здоровья людей. Усиливалась индивидуальная и групповая обработка производственников – мусульман и членов из семей. В своих внутренних документах члены СВБ отмечали высокую религиозность мусульман [18, л. 11].

Практически те же мотивы агитации и пропаганды «безбожников» звучали в преддверии праздников и других конфессиональных групп региона [10, л. 15,16; 13, л. 4–5; 38, с. 261 – 266 и др.].

Нередко, чтобы отвлечь верующих от религиозных праздников, региональные организации СВБ устраивали в такие дни свои оригинальные мероприятия. Например, 6 января 1930 г. в сочельник перед Рождеством в Саратове прошел карнавал, организованный Нижневолжским краевым СВБ. Шествие с зажженными факелами двигалось по центральным улицам г. Саратова. Зевак было немало, однако и в церквях пустоты не ощущалось [18, л. 1]. В Пасху «безбожники» проводили общественные работы: объявив воскресник, возили навоз, чинили технику, пахали, сеяли, занимались благоустройством [16, л. 40, 41, 45; 17, л. 3, 41; 18, Д. 191. Л. 1, 11].

Не последнюю роль местные организации СВБ играли в агитации за закрытие церквей и молитвенных домов всех вероисповеданий. Так, в плане работы Саратовского краевого совета безбожников на 1935 г. был пункт «добиться в связи с перевыборами Саргорсовета закрытия Свято-Троицкого собора под антирелигиозный музей. Развернуть в связи с перевыборами в Советы массовую подготовительную работу по закрытию ряда церквей и молит-

венных домов» [10, л. 5.]. Подготовительная работа заключалась в непосредственной агитации верующих и сборе на этой основе подписных листов трудящихся за закрытие храмов и молельных домов. Это была первая ступень в многоходовой процедуре закрытия молитвенных зданий [10, л. 15,16; 13, л. 4–5; 38, с. 261–266 и др.].

Интерес для понимания внутреннего мира организаций СВБ представляют некоторые рассуждения членов СВБ, которые сохранились в целом ряде архивных документов. Одно из них, например, сводится к тому, что религии необходимо изучать внимательнейшим образом и дифференцировано, поскольку Саратовский край насыщен разными конфессиями: православной, католической, лютеранской, мусульманской, иудейской. Здесь есть молокане, старообрядцы, меннониты, адвентисты, скопцы, хлысты и др. Они находятся в подполье, но их влияние остается по сию пору, особенно на молодежь. Знания особенностей каждой религии нужны для того, чтобы знать, «с чем имеешь дело, с чем придется бороться» [12, л. 8, 22].

Сектантство вызывало особую тревогу. Признавалась необходимость развенчивать мифы о его, «якобы революционных заслугах в борьбе с самодержавием, его лицемерное заявление о поддержке советской власти в борьбе против войны» [16, л. 40, 41, 45].

Ячейки СВБ боролись с религией не только в рамках прикрепленных к ним предприятий и учреждений, но и вторгались в личную жизнь верующих работников, проводя беседы также с членами их семей. Часто индивидуальные беседы проходили по такому сценарию: на квартиры стахановцев и «знатных людей» приглашались «трудящиеся», которые «не преодолели религиозных предрассудков». За чашкой чая в непринужденной обстановке с «трудящимися» велись антирелигиозные беседы, «предлагалось послушать как тот или иной человек покончил с религиозностью» [12, л. 8, 22].

Подводя итог исследованию деятельности Союза воинствующих безбожников в Саратовском Поволжье, можно отметить, что его структуры в регионе в 1930-е гг. не смогли стать эффективным орудием партийных и государственных органов в борьбе с религией, большей частью не по своей вине. Как показывают источники, региональная и особенно местная власть предпочитали делать акцент не столько на пропаганду и агитацию, сколько на администрирование и принуждение.

Деятельность саратовской региональной организации СВБ в немалой степени носила формальный характер и достаточно примитивный уровень, на ее эффективность влияла слабость теоретической подготовки основной массы пропагандистов и агитаторов. В значительной мере это было следствие уже отмеченной недооценки деятельности «безбожников» на разных уровнях власти.

Вместе с тем, «безбожники» все же внесли ощутимый вклад в партийно-государственную политику по борьбе с религией. С одной стороны, это агитация и сбор подписей за закрытие церквей, с другой – постепенное разрушение религиозного мировоззрения значительной части населения, особенно в городах. В рядах Саратовской организации СВБ было немало людей, искренне веривших в свою миссию и размышлявших о путях повышения эффективности своей работы. К административным действиям местных и региональных властей такие люди, как правило, относились неодобрительно.

Список литературы

1. Антирелигиозник. 1931. № 1. С. 4.
2. Батунский М.А. Россия и ислам. В 3 кн. М., 2003.
3. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2281. Л. 116.
4. ГАНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 113. Л. 101–106.

5. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 140. Л. 115.
6. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 421. Л. 65.
7. ГАНИСО. Ф. 6159. Оп. 1. Д. 1. Л. 10, 12–15.
8. ГАНИСО. Ф. 6159. Оп. 1. Д. 9. Л. 4–5, 12, 15–25.
9. ГАНИСО. Ф. 6160. Оп. 1. Д. 2. Л. 4, 5, 12, 15–25.
10. ГАНИСО. Ф. 6160. Оп. 1. Д. 3. Л. 5; Л. 15; Л. 16; Л. 17.
11. ГАНИСО. Ф. 6160. Оп. 1. Д. 4. Л. 17, 115.
12. ГАНИСО. Ф. 6160. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–4, 2, 8, 22, 29.
13. ГАНИСО. Ф. 6160. Оп. 1. Д. 9. Л. 4–5 и др.
14. ГАНИСО. Ф. 6160. Оп. 1. Д. 33. Л. 22об – 23об.
15. ГАНИСО. Ф. 6160. Оп. 1. Д. 42. Л. 34.
16. Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО).
Ф. Р-522. Оп. 3. Д. 147. Л. 40, 41, 45.
17. ГАСО. Ф. Р-522. Оп. 3. Д. 166. Л. 3, 41.
18. ГАСО. Ф. Р-522. Оп. 3. Д. 191. Л. 1, 11.
19. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5263.
Оп. 2. Д. 7. Л. 1–2.
20. Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. М.: МСНК-пресс, 2007. С. 362.
21. Из истории церкви адвентистов седьмого дня в России. Калининград, 1993.
22. Коновалов Б.Н. Союз воинствующих безбожников // Вопросы научного атеизма. Вып. 4. М., 1967. С. 63–93.
23. Корзун М.С. Русская православная церковь. 1917–1945 годы. Минск: Беларусь, 1987.
24. Курганова У. Ислам. Харьков: Фолио, 2013.
25. Лиценбергер О.А. Евангелическо-лютеранская церковь и советское государство. М., 1999.
26. Лиценбергер О.А. Римско-католическая церковь в России: история и правовое положение. Саратов, 2001.

27. Никольский Н.М. История русской церкви. 3-е изд. М.: Политиздат, 1985.
28. Поволжская правда. 1929. № 111. С. 4; № 113. С. 3.
29. Покровская С.В. Союз воинствующих безбожников СССР: организация и деятельность (1925–1947): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2007.
30. Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995.
31. Религия, общество, государство в XX веке. М., 1999.
32. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.17. Оп.3. Д. 758. Л.7, 12–13.
33. Русская православная церковь и коммунистическое государство: Документы и фотоматериалы. М., 1996.
34. Союз воинствующих безбожников // Атеистический словарь / Под общ. ред. М.П. Новикова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Политиздат, 1985. 512 с.
35. Урушев Д.А. История русского старообрядчества. М.: Вече, 2015.
36. Цыпин В, протоирей. История Русской православной церкви 1917–1990. М., 1994.
37. Яковлева Ж.В. Борьба с церковью на местах в 1930-е годы. К вопросу о поведении партийно-советских функционеров низового звена и рядовых верующих. Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. Т. 14. Выпуск 1. Саратов, 2016 . С. 99–102.
38. Яковлева Ж.В. Деятельность Союза воинствующих безбожников г. Саратова и Саратовской области в 1930-е гг. // Туризм и культурное наследие: Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 10. Саратов: Изд-во Сар. гос. ун-та, 2015. С. 261–266; ГАНИСО. Ф. 6160. Оп. 1. Д. 3. Л. 15, 16; Д. 9. Л. 4–5 и др.
39. Яковлева Ж.В. Религиозная жизнь в Саратовском Поволжье в 1930-е гг. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Се-

рия История. Международные отношения. Саратов, 2015. Т. 15. Выпуск 3. С. 95–100.

References

1. *Antireligioznik* [Antireligious magazine]. 1931, №. 1. P. 4.
2. Batunski M.A. *Rossija i islam* [Russia and Islam]. Moscow, 2003. Vol 3.
3. *Gosudarstvennyj arhiv novejshej istorii Saratovskoj oblasti (next GANISO)* [The State Archive of the Contemporary Russian History of the Saratov Region]. F. 1. Op.1. D. 2281. L. 116.
4. GANISO. F. 55. Op.1. D. 113. L. 101–106.
5. GANISO. F. 594. Op.1. D. 140. L. 115.
6. GANISO. F. 594. Op.1. D. 421. L. 65.
7. GANISO. F. 6159. Op.1. D. 1. L. 10, 12–15.
8. GANISO. F. 6159. Op.1. D. 9. L. 4–5, 12, 15–25.
9. GANISO. F. 6160. Op.1. D. 2. L. 4, 5, 12, 15–25.
10. GANISO. F. 6160. Op.1. D. 3. L. 5, 15, 16, 17.
11. GANISO. F. 6160. Op.1. D. 4. L. 17, 115.
12. GANISO. F. 6160. Op.1. D. 6. L. 1–4, 2, 8, 22, 29.
13. GANISO. F. 6160. Op.1. D. 9. L. 4–5, etc.
14. GANISO. F. 6160. Op.1. D. 33. L. 22 vol.-23 vol.
15. GANISO. F. 6160. Op.1. D. 42. L. 34.
16. *Gosudarstvennyj arhiv Saratovskoj oblasti (next GASO)* [The State Archive of the Saratov Region]. F. R-522. Op.3. D. 147. L. 40, 41, 45.
17. GASO. F. R-522. Op.1. D. 166. L. 3, 41.
18. GASO. F. R-522. Op.3. D. 191. L. 1, 11.
19. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF)* [The State Archive of the Russian Federation]. F. R-5263. Op.2. D. 7. L. 1–2.
20. German A.A. *Nemeckaja avtonomija na Volge. 1918–1941* [The German autonomy in the Volga region. 1918–1941]. Moscow, ICSU Press, 2007. P. 362.

21. *Iz istorii cerkvi adventistov sed'mogo dnja v Rossii* [From the Church history of the Seventh-Day Adventists in Russia.]. Kaliningrad, 1993.
22. Konovalov B. N. Sojuz voinstvujushhh bezbozhnikov [Militant atheists' league]. *Questions of the scientific atheism magazine*, № 4. Moscow, 1967, pp. 63–93.
23. Korzun M.S. *Russkaja pravoslavnaja cerkov'. 1917–1945 gody* [The Russian Orthodox Church. 1917–1945]. Minsk: Belarus, 1987.
24. Kurganova U. *Islam* [Islam]. Kharkov: Folio, 2013.
25. Litzenberger O.A. *Evangelicheskio-ljuteranskaja cerkov' i sovetskoe gosudarstvo* [The Evangelical Lutheran Church and the Soviet state]. Moscow, 1999.
26. Litzenberger O.A. *Rimsko-katolicheskaja cerkov' v Rossii: istorija i pravovoe polozenie* [The Roman Catholic Church in Russia. Its history and legal status]. Saratov, 2001.
27. Nikol'skiy N.M. *Istorija russkoj cerkvi* [The history of the Russian Church]. Moscow: Politizdat, 1985. 3rd ed.
28. *Povolzhskaja Pravda* [The Volga region's truth newspaper]. 1929. № 111. p. 4; № 113. P. 3.
29. Pokrovskaya S.V. *Sojuz voinstvujushhh bezbozhnikov SSSR: organizacija i dejatel'nost' (1925–1947)* [Militant atheists' league of the USSR: organization and work in 1925–1947]: Dissertation of PhD degree in history. Moscow, 2007.
30. Pospelovskiy D.V. *Russkaja pravoslavnaja cerkov' v 20 veke* [The Russian Orthodox Church in the twentieth century]. Moscow: Republic, 1995.
31. *Religija, obshhestvo, gosudarstvo v 20 veke* [Religion, society and state in the twentieth century]. Moscow, 1999.
32. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoi istorii (RGASPI)* [The Russian state archive of socio-political history]. F.17. Op.3. D.758. L.7, 12–13.

33. *Russkaja pravoslavnaia cerkov' i kommunisticheskoe gosudarstvo: Dokumenty i fotomaterialy* [The Russian Orthodox Church and the Communist State. Documents and photo materials]. Moscow, 1996.
34. *Sojuz Voinstvujushhikh bezbozhnikov. Ateisticheskij slovar'* [Militant Atheists' league. Atheistic Dictionary]. Under total. Ed. M. Novikov. 2nd ed., Rev. and add. Moscow: Politizdat, 1985. 512 p.
35. Urushev D.A. *Istorija russkogo staroobriadchestva* [The History of the Russian old believers]. Moscow: Veche, 2015.
36. Tsypin V., the archpriest. *Istorija Russkoj pravoslavnoj cerkvi 1917–1990* [The history of the Russian Orthodox Church in 1917–1990]. Moscow, 1994.
37. Yakovleva Z. V. Bor'ba s cerkov'ju na mestah v 1930-e gody. K voprosu o povedenii partijno-sovetskih funkcionerov nizovogo zvena i rjadovykh verujushhikh [The fight against Church in the 1930-es. The question about the behavior of local level party and Soviet functionaries and ordinary believers]. *The Saratov University news. New series. The series History and Foreign affairs*. Vol. 14. Issue № 1. Saratov, 2016, pp. 99–102.
38. Yakovleva Z.V. Dejatel'nost' Sojuza voinstvujushhikh bezbozhnikov goroda Saratova i Saratovskoj oblasti v 1930-e gody [Militant Atheists' league works in Saratov city and Saratov region in 1930-es]. *The Tourism and cultural heritage: interuniversity collection of scientific works*. Issue 10. Saratov: Publishing house of the Saratov state University, 2015, pp. 261–266.
39. Yakovleva Z. V. Religioznaja zhizn' v Saratovskom Povolzh'e v 1930-e gody [The Religious life in the Saratov Volga region in the 1930-es]. *The Saratov University news. New series. The series History and Foreign affairs*. Vol. 15 Issue № 3. Saratov, 2015. pp. 95–100.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Яковлева Жанна Владимировна, аспирант кафедры отечественной истории и историографии

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского

*ул. Астраханская, д. 83, г. Саратов, Саратовская область,
410012, Российская Федерация*

JGV1972@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Yakovleva Zhanna Vladimirovna, Postgraduate Student, Chair of
Russian History and Historiography

N.G. Chernyshevsky Saratov State University

*83, Astrahanskaja Str., Saratov, Saratov region, 410012, Russian
Federation*

JGV1972@yandex.ru

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

STUDIES IN PHILOLOGY

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-3-2-105-119

УДК 82-14

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ГИМНЫ КАК ФОРМА АКТУАЛИЗАЦИИ ОСНОВНЫХ МАРКЕРОВ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЛОКАЛЬНОМ ТЕКСТЕ

Бахор Т.А., Зырянова О.Н., Мазурова Н.А.

Цель. Статья посвящена характеристике процесса региональной самоидентификации, отраженной в лирических произведениях, созданных самодельными поэтами и музыкантами. Объектом рассмотрения стали гимны малых городов, районов, учреждений и организаций Приенисейской Сибири, предметом – важнейшие маркеры региональной идентичности.

Методология и методы проведения работы. Поэтические тексты рассматриваются в контексте региональной литературы и культуры, используются методы дискурсивного, контекстуального и семантического анализа.

Результаты. В статье показано, как в гимнах воплощается осмысление их авторами маркеров региональной идентичности, актуализирующих географические, экономические, исторические, культурные и др. особенности региона.

Область применения результатов. Материалы статьи могут быть использованы при чтении спецкурсов, посвященных проблемам регионалистики, а также при разработке механизмов урегули-

рования процесса региональной идентификации и самоидентификации, созданию привлекательного имиджа Приенисейского региона.

Ключевые слова: гимн; дискурс; идентичность; имидж; региональная самоидентификация автора.

REGIONAL ANTHEMS AS A FORM OF ACTUALIZATION OF MAIN IDENTITY MARKER IN LOCAL TEXT

Bakhor T.A., Zyryanova O.N., Mazurova N.A.

Purpose. The article is devoted to characteristic of the regional self-identification process, reflected in the lyrical works by local poets and musicians. Anthems of small towns, districts, institutions and organizations of Prieniseyskaya Siberia are the object of consideration, whereas the subject being important markers of regional identity.

Methodology. Poetic texts are considered in the context of regional literature and culture; techniques of discourse, contextual and semantic analysis are used.

Results. The article shows the way the anthems embody their authors' understanding of the regional identity markers that actualize geographical, economical, historical, cultural and other characteristics of the region.

Practical implications. The article may be used for special courses on regionalism issues, as well as for development of regional mechanisms for the settlement of the identification process and self-identification, creation of an attractive image of the Prieniseysky region.

Keywords: anthem; discourse; identity; image; author's regional self-identification.

Региональная идентичность как результат осмысления человеком своей соотнесенности с определенной местностью, с существующи-

ми в регионе традициями и укладом жизни, системой культурных ценностей и др., отражает два направления процесса региональной идентификации: внешняя идентификация является «процессом распознавания и атрибутирования региональной идентичности извне» [2], тогда как внутренняя идентификация или самоидентификация «заключается в самостоятельном рефлексивном установлении и присвоении субъектом (жителями региона) <...> особенностей региона (исторических, политических, экономических, культурных и т.д.)» [2].

Таким образом, понятия «идентификация» и «идентичность» взаимосвязаны: «идентификация – это процесс, в котором проявляет себя идентичность – состояние» [5, с. 151].

С. Хантингтон неоднократно указывал, что большинство людей считает самой важной культурную идентичность [14]. Размышляя о структуре национальной идентичности, ученый акцентировал внимание на том, что в ней преобладают общечеловеческие ценности [15, с. 75–85]. Эти положения были и для нас основополагающими при решении вопроса о гимне как форме региональной самоидентификации.

Как известно, первые шаги в осмыслении проблем идентичности были сделаны общепризнанными классиками зарубежной философии, психологии, социологии (Джеймс У., Фрейд З., Юнг К., Пиаж Ж., Фромм Э., Дж. Мид, Кули Ч. и др.). Выделяя личностный аспект региональной идентичности, исследователи (З. Бауман, С. Хантингтон, Э. Эрикссон, З. Жаде, Н.Н. Исмагилов, Б.М. Ишмуратов, Т. Гурова, И.С. Семененко, Н.В. Сверкунова, Р.Ф. Туровский, Д.С. Докучаев и др.) определяют его как «соотнесение смыслов жизненного мира человека с *genius loci* региона – интеллектуальными, духовными, эмоциональными явлениями и их материальной средой» [2, с. 10]. Современные ученые (Ален де Бенуа и др.) исходят из того, что идентичность не является одномерной, включает в себя многообразную основу [12], для определения которой используют различные маркеры.

Так как самоидентификация предполагает «смыслонаполнение территории», ее «человеческое измерение», то наиболее яркими формами ее творческого освоения становятся малые жанры, к которым относятся государственные гимны, гимны регионов и входящих в их состав территорий. Известно, что гимн – торжественная песнь, которая «служит для выражения национальных патриотических чувств и исполняется при проведении торжественных официальных мероприятий», спортивных соревнований, национальных праздников и т.п.» [4, с. 133]. Генетически этот жанр восходит к древним гимнам, воспевающим богов и героев, и изначально связан с их культурами. Исследователи считают, что в современных гимнах «память жанра» способствует актуализации ритуального дискурса, проявляющегося в тексте констатацией участниками самого события, определения его особой ценности, интеграции и консолидации участников в единый коллектив, мобилизации их для совершения определенных действий или формирования соответствующего отношения к событию [6, с. 399]. Существенной характеристикой гимнов является их направленность на утверждение региональной идентичности, утверждение ее основных маркеров, способствующих совокупной интерпретации смыслов локального текста – «квинтэссенции региональной уникальности, при которой каждый житель соотносит себя и свою позицию с целостным образом региона» [1, с. 231].

Материалом исследования стали гимны, посвященные г. Лесосибирску, Енисейску, Северо-Енисейскому, Казачинскому районам Красноярского края и отражающие основные компоненты сибирского локального текста. Рассматриваемые произведения созданы непрофессиональными поэтами гимны, городов и районов Приенисейской Сибири: городов Лесосибирска и Енисейска, а также Енисейского, Северо-Енисейского, Мотыгинского, Казачинского, Пировского районов Красноярского края, и организаций и учреждений, расположенных на их территориях. Тексты 19 гимнов были собраны

в результате просмотрювого обследования сайтов городских и районных администраций названных городов и районов, школ, кадетских корпусов, производственных организаций и др. Составляя необходимый для исследования корпус гимнографии, мы обратились к сайтам, поэтическим сборникам, альманахам и т.п. самодеятельных поэтических клубов и творческих объединений, действующих на указанных территориях: литературное объединение «Зарница» и литературный клуб «Радуга» (г. Лесосибирск), поэтический клуб «Автограф» (г. Енисейск), творческий клуб «Ли́ра» (Северо-Енисейский район) и др. Для анализа были отобраны написанные в последние 10 лет гимны разного художественного достоинства, из которых наиболее известные жителям региона следующие: «Гимн Енисейска» (сл. О. Курушиной), «Гимн Енисейского речного пароходства» (сл. Н. Скобло), «Гимн Лесосибирска» (сл. Л. Проскуряковой), «Гимн Лесосибирского кадетского корпуса им. А.Б. Йордана» (сл. В. Чехонадских), «Гимн Северо-Енисейского района» (сл. С. Коробкова), «Город в зелени лесной» (сл. В. Ивченко), «Город моей надежды» (сл. Н. Бирюк), «Город молодости» (сл. Н. Бирюк), «Город на Енисее» (сл. Н. Бирюк), «Лесосибирский порт» (сл. В. Муханова), «Любимый город» (сл. В. Морозов), «Марш Енисейского казачьего войска» (сл. В. Чехонадских), «Моя Сибирь» (сл. Н. Бирюк), «Наш город» (сл. В. Морозов), «Песня о волшебном полотне» (сл. В. Безцветных), «Песня о Лесосибирске» (сл. В. Муханова) и др.

Авторы анализируемых тестов проживают на указанной территории, т.е. в данном случае речь идет об отражении в художественных произведениях процесса самоидентификации. «Образ мира, созданный в художественном произведении той или иной эпохи, отображает как реалии своего времени, так и отношение к миру в целом» [8, с. 133]. Выявление картины мира, воплощенной в региональных гимнах, определение основных аспектов конструирования авторами

этих текстов позитивного регионального имиджа позволяет выявить наиболее значимые маркеры региональной уникальности.

Как известно, гимн, герб и флаг относятся к важнейшей региональной символике, в основе которой – природный ландшафт. Справедливо мнение ученых, считающих, что «введение в региональную символику леса и снега, равно как и степи, не может индивидуализировать регион, оно лишь подчеркивает специфику, которая в общем-то свойственна и для соседних территорий» [10]. Авторы указанных выше гимнов важнейшим маркером идентичности считают Енисей (он указан в 30% заглавий текстов), что соответствует основному положению регионалистики: река является «ключевым элементом в региональной символике» [10]. Енисей – постоянный географический маркер региона, известный далеко за его пределами, указывающий на место расположения крупных населенных пунктов: «На крутом берегу Енисея // Город юности нашей живет» («Любимый город», сл. В. Морозова), «Лесосибирск, родной наш город // На реке Енисее стоит» («Наш город», сл. В. Морозова), «Вдоль снежных Енисея берегов // Живет и он, для многих став судьбою...» (сл. В. Бесцветного), «Средь лесов и болот старый город живет // На могучей и славной реке» («Марш Енисейского казачьего войска», сл. В. Чехонадских), «Енисейск – это маленький город // Над великой могучей рекой» («Енисейск мой родной», сл. В. Ивченко) и др. Образ «великого, «могучего», «величавого», «быстрого» Енисея с берегами «крутыми», «просторными», «широкими», с «порогами» и «огромными камнями» соответствует древнейшим представлениям о реке как «важном мифологическом символе», «стержне Вселенной», «мировом пути, пронизывающем верхний, средний и нижний миры» [9, с. 374]. В корпусе рассматриваемых стихотворений это объединяющее символическое значение воплощается в указаниях на то, что Енисей протекает по большой территории: «от могучих Саян до Таймыра» («Город

на Енисее», сл. Н. Бирюк), «Енисей свои воды несет // До угрюмых полярных широт» («Лесосибирский вальс», сл. В. Морозов).

Это центральное положение великой сибирской реки в «сакральной топографии» региона актуализируется образами церковей, расположенных в городах и поселках по берегам Енисея: «Лесосибирск, родной наш город, // На реке Енисее стоит. // Красотою своею нам дорог, // Куполами собора блеснит» («Наш город», сл. В. Морозова), «... знаменитейшей иконы созерцали люди плач» («Казачинскому району посвящается», сл. Н. Розбицкой), «Средь таежных морей бьет волной Енисей // И горят над рекой купола. // Через тысячи лет будет знать белый свет // Енисейские колокола» («Гимн Енисейска», сл. О. Курушиной). Как видим, в образе Енисея воплощается мотив соединения прошедшего, настоящего, и будущего. Являясь значимым пространственным маркером региональной идентичности, этот образ определяет контекст, в котором происходит актуализация социальных, исторических, культурных, духовных и др. особенностей Приенисейской Сибири.

Среди маркеров, воплощающих в поэтических текстах природу региона, необходимо, прежде всего, указать тайгу, которая в отличие от образа леса, встречающегося гораздо реже, выполняет более идентифицирующую функцию: «Наш северный город таежный» («Любимый город», В. Морозов); «Раздвигает мой город тайгу» («Лесосибирский вальс», В. Морозов), «Любимый край, таежные просторы» («Песня о Лесосибирске», В. Муханов), «...город, тайгою рожденный» («Город на Енисее», Н. Бирюк), «Люблю тебя, таежный мой приют» («Город в зелени лесной», В. Безцветных), «Поселок мой тайгою окружен. // Ему отдали сопки свои склоны» («Гимн о Северо-Енисейском», сл. В.С. Коробкова). Образ тайги актуализирует в общей картине мира положительный имидж региона, акцентируя природность, естественность окружающей среды как экологически значимые свойства.

Авторы анализируемых поэтических текстов акцентируют такие важнейшие маркеры региональной идентичности, как естественность, природосообразность ландшафта (см. приведенные выше примеры), а также традиционные для сибирского характера качества: «В этом городе все настоящее: // И мечты, и любовь, и друзья. // И сердца у людей здесь горячие – // Их теплом не согреться нельзя! // Не богат красотой искусственной, // Но пред нами он честен и чист, Город молодости, город музыки, // Город песен – Лесосибирск» («Город молодости», сл. Н. Бирюк); «Здесь живут и работают люди – // Настоящие сибиряки» («Наш город», сл. В. Морозова). Как видим, в текстах наличествует утверждающий образ сибиряка.

В анализируемых стихотворениях, представляющих результат художественного осмысления процесса самоидентификации, важное место принадлежит определению поселений Приенисейской Сибири как своей, домашней территории. А это значит, что у населения, проживающего на преимущественно переселенческих территориях Красноярского края (города Лесосибирск и Енисейск, а также Енисейский, Северо-Енисейский, Казачинский, Пировский районы), актуализируется самоидентификация с данным регионом Сибири: «Суров наш край, но все ж сказать нам нужно, // Что он наш хлеб, отец наш и наш дом, // Что славятся здесь люди крепкой дружбой // И честным человеческим трудом!» («Песня о Лесосибирске», сл. В. Муханова), «Только я повторяю без устали: // «Ты – мой берег, мой дом, моя жизнь, // Город молодости, город музыки, // Город песен – Лесосибирск!» («Город молодости», сл. Н. Бирюк), «Енисейск – это сон, Енисейск – это дом» («Гимн Енисейска», сл. О. Курушиной). Сравнение с домом позволяет говорить о том, что идеи отъезда из региона (переселение в центральные районы России) в Приенисейской Сибири не популярны, т.к. используемый в текстах образ дома имеет чрезвычайно многослойное символическое значение. Известно, что в культуре многих народов дом выступает в качестве «символа космоса как упорядоченного пространства» [7,

с. 96]. Дом отождествляется с родом, с храмом, с человеком. Все это свидетельствует о том, что региональная идентичность как результат самоидентификации в основе своей позитивная, жизнеутверждающая.

В анализируемых текстах мы видим активное обращение авторов к историческим и экономическим реалиям региона, способствующим актуализации широкого контекста самоидентификации. Уже в 1990 г. Поль Рикер в своей книге «*Soi-memecommeunautre*» подчеркивал: «... идентичность истории образует идентичность действующего лица» [16, с. 175]. Это же мы видим в отражении в анализируемых стихотворениях исторических фактов, связанных с городом Енисейском, основанным в 1619 году, бывшим центром Сибирской губернии (с этим городом связаны многие страницы утверждения христианства в Сибири, а также истории Енисейского казачьего войска и др.), с поселком Северо-Енисейский, возникшим на месте Авенировского рудника и получившим уже в 1840-е гг. неофициальный статус центр золотодобычи, и др. В текстах, посвященных Енисейску и Северо-Енисейскому активно утверждается историческая составляющая их имиджа (столичный статус, православный храм, золотопромышленность и т.д.): «Был столицей Сибири когда-то: // Все пути – в Енисейск, словно в Рим. // В небеса устремленные храмы...// Над рекой звон малиновый плыл. // Казакам, нашим дедам, спасибо...» («Енисейск мой родной», сл. В. Ивченко), «Не так уж и обширен наш район, // Но мускулам страны и он дал силу, // Ведь с самого рождения был он // Основан как валютный цех России» («О Северо-Енисейском районе», сл. С. Коробкова). Правда, следует иметь в виду, что история региона может восприниматься противоречиво, в зависимости от изменение официального взгляда на нее, что в целом характерно для восприятия национальной истории во многих странах мира [13].

Что же касается сравнительно молодых поселений, то основное внимание авторы поэтических текстов уделяют образам, связанным с современными достижениями этих географических объектов в экономической и культурной жизни страны. Так Лесосибирск, по-

явившийся на карте страны в 1976 г., известен деревоперерабатывающими предприятиями, портом, вузами и ссузами, учреждениями культуры и искусства. Неслучайно в гимнах Лесосибирск называют городом молодости, юности: «В школах учатся наши дети, // В институты спешит молодежь. // Счастья большего нет на свете. // Лучше жизни нигде не найдешь» («Наш город» (сл. В. Морозова); «Вот закончился день трудовой, // Отдыхает мой город родной. // Запах свежей ангарской сосны // Навевает спокойные сны» («Лесосибирский вальс» (сл. В. Морозова); «В бескрайней тайге нелегко отыскать // Наш город – лесную столицу» («Лесосибирск», А. Иванов).

Таким образом, несмотря на то, что жанр регионального гимна в XXI в. не стал продуктивным, в малых городах Приенисейской Сибири (Лесосибирске и Енисейске) за последние 10 лет появилось большое количество произведений этой жанровой разновидности, т.е. процесс самоидентификации активно проявляет себя в сфере художественного творчества, претендуя на самое внимательное отношение общества к поднимаемым проблемам.

Анализ гимнов малых городов и районов Приенисейской Сибири позволяет сделать вывод о том, важнейшими маркерами региональной идентичности являются природно-географические образы (Енисей, река, тайга, сосна). Но смыслонаполнение регионального ландшафта в гимнах, воплощающих художественный результат процесса самоидентификации, происходит за счет утверждения и постепенного доминирования традиционных для этого жанра концептов: родина, народ, вера.

Статья выполнена в рамках грантового проекта РГНФ № 16-14-24005 «Региональная идентификация и самоидентификация жителей Приенисейской Сибири: фольклорный, этнографический, лингвокультурологический, литературный дискурсы и их актуализация посредством интерактивной карты».

Список литературы

1. Белкова Т.В. О полидискурсивных схождениях жанровых характеристик гимна // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 10-2. С. 229–232.
2. Докучаев Д.С. Региональная идентичность российского человека в современных условиях: социально-философский анализ: Дис. ... канд. филос. наук: Иваново, 2011. 181 с.
3. Еремина Е.В. Региональная идентичность в контексте социологического анализа// Регионология. 2011. №3. С. 216–222. URL: <http://regionsar.ru/node/781?page=0,0> (дата обращения 15.08.2016).
4. Зотеева Т.С. Государственный гимн как жанр политического дискурса// Политическая лингвистика. 2013. № 1 (43). С. 133–143.
5. Ибрагимов М.И. Идентичность в литературе (на материале татарской поэзии XX века) // Филология и культура. 2013. № 1(31). С. 151–154.
6. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
7. Рогалевич Н.Н. Дом // Словарь символов и знаков / Авт.-сост. Н.Н. Рогалевич. Мн.: Харвест, 2004. 512 с.
8. Суворова П.Е. Культурный код стихотворной речи в социокультурном пространстве // Вестник Самарского муниципального института управления. 2012. №1. С. 233–139.
9. Топоров В.Н. Река // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. / Гл. ред. С.А. Токарев. М.: Рос. энциклопедия. Т.2., 2008. С. 374–376.
10. Туровский Р.Ф. Соотношение культурных ландшафтов и региональной идентичности в современной России// Идентичность и география в современной России. СПб.: Геликон Плюс, 2003. С. 139–173.
11. Умярова Л.Н., Шевченко В.Д. Лингвокультурные особенности гимнов англоязычных и франкоязычных стран // Основы экономики, управления и права. 2012. № 4. С. 32–35.

12. Benoist A. Identité, Égalité, Différence // «VOXNR».com. 12 Décembre 2013. URL: http://www.voxnr.com/cc/dt_autres/EFlyllklEulkGvwQTC.shtml (дата обращения 15.08.2016).
13. Citron S. Le mythe national: L'histoire de France en question. Paris: Ed. ouvrières: Etudes et doc. intern., 1987. URL: http://www.persee.fr/doc/homig_1142-852x_1988_num_1112_1_1169_t1_0084_0000_2 (дата обращения 15.08.2016).
14. Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N.Y.: Simon and Schuster, 1996. URL: <https://journals.lib.byu.edu/spc/index.php/CCR/article/viewFile/12758/12628> (дата обращения 15.08.2016).
15. Huntington S. Who are we? The challenges America's National identity. N.Y.: Simon and Shuster, 2004. 448 p.
16. Ricoeur P. Soi-meme comme un autre. Paris: Ed:du Seuil, 1990/430 p. URL: <http://www.olimon.org/uan/ricoeur-soi-meme.pdf> (дата обращения 15.08.2016).

References

1. Belkova T.V. Opolidiskursivnyihskhozheniyahzhanrovnyihkarakteristikgimna [Concerning polydiscursive similarities of genre characteristics of the anthem]. *Gumanitarnyie, sotsialno-ekonomicheskie i obshchestvennyie nauki*, no 10-2 (2015): 229–232.
2. Dokuchaev D.S. *Regionalnaya identichnost rossiyskogo cheloveka v so-vremennyih usloviyah: sotsialno-filosofskiy analiz* [Regional Identity of the Russian in modern conditions: the social-philosophical analysis]. Ivanovo, 2011. 181 p.
3. Eremina E.V. Regionalnaya identichnost v kontekste sotsiologicheskogo analiza [Regional identity in the context of sociological analysis] *.Regionologiya*, no 3 (2011): 216–222. URL: <http://regionsar.ru/node/781?page=0,0> (date of the application 15.08.2016).

4. Zoteeva T.S. Gosudarstvennyiy gimn kak zhanr politicheskogo diskursa [National Anthemas a political discourse genre]. *Politicheskaya lingvistika*, no1(43) (2013): 133–143.
5. Ibragimov M.I. Identichnost v literature (na materiale tatarskoy poezii XX veka) [Identity in the literature (based on the Tatar poetry of the XX century)]. *Filologiya i kultura*, no 1(31) (2013): 151–154.
6. Karasik V.I. *Yazykovoy krug: lichnost, kontseptyi, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena, 2002. 477 p.
7. Rogalevich N.N. Dom [House/Home]. *Slovar simvolov i znakov* [Dictionary of symbols and signs] / Avt.-sost. N.N. Rogalevich. Mn.: Harvest, 2004. 512 p.
8. Suvorova P.E. Kulturnyy kod stihotvornoy rechi v sotsiokulturnom prostanstve [Cultural code of the poetic speech in social and cultural space]. *Vestnik Samarskogo munitsipalnogo instituta upravleniya*, no 1 (2012): 233–139.
9. Toporov V.N. Reka [River]. *Mifyi narodov mira. Entsiklopediya* [Myths of nations of the world. Encyclopedia]: v 2-h t. / Gl. red. S.A. Tokarev. M.: Ros. entsiklopediya. T.2, pp. 374–376.
10. Turovskiy R.F. Sootnoshenie kulturnykh landshaftov i regionalnoy identichnosti v sovremennoy Rossii [Ratio of cultural landscapes and regional identity in modern Russia]. *Identichnost i geografiya v sovremennoy Rossii* [Identity and geography in with Russia-time]. SPb.: Gelikon Plyus, 2003, pp. 139–173.
11. Umyarova L.N., Shevchenko V.D. Lingvokulturnyie osobennosti gimnov angloyazyichnykh i frankoyazyichnykh stran [Linguocultural characteristics of national anthems of English-speaking and French-speaking states]. *Osnovni ekonomiki, upravleniya i prava*, no 4 (2012): 32–35.
12. Benoist A. Identité, Égalité, Différence. "VOXNR".com.12 Décembre 2013. URL: http://www.voxnr.com/cc/dt_autres/EFlyllklEulkGvwQTC.shtml (date of the application 15.08.2016).
13. Citron S. Le mythe national: L'histoire de France en question. Paris: Ed. ouvrières: Etudes et doc. intern., 1987. <http://www.persee.fr/doc/>

- homig_1142-852x_1988_num_1112_1_1169_t1_0084_0000_2 (date of the application 15.08. 2016).
14. Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N.Y.: Simon and Schuster, 1996. <https://journals.lib.byu.edu/spc/index.php/CCR/article/viewFile/12758/12628> (date of the application 15.08.2016).
15. Huntington S. Who are we? The challenges America's National identity. N.Y.: Simon and Shuster, 2004. 448 p.
16. Ricoeur P. Soi-meme comme un autre. Paris: Ed:du Seuil, 1990. 430 p. <http://www.olimon.org/uan/ricoeur-soi-meme.pdf> (date of the application 15.08.2016).

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Бахор Тамара Андреевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и литературы
Лесосибирский педагогический институт – филиал Сибирского федерального университета
ул. Победы, 42, г. Лесосибирск, Красноярский край, 662543,
Российская Федерация
tamarales@mail.ru

Зырянова Ольга Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и литературы
Лесосибирский педагогический институт – филиал Сибирского федерального университета
ул. Победы, 42, г. Лесосибирск, Красноярский край, 662543,
Российская Федерация
onzyryanova@mail.ru

Мазурова Надежда Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы

*Лесосибирский педагогический институт – филиал Сибирского федерального университета
ул. Победы, 42, г. Лесосибирск, Красноярский край, 662543,
Российская Федерация
nadezhda.mazurova.59@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Bakhor Tamara Andreevna, Ph.D.in Philology, Associate Professor at the Department of Russian Language and Literature
*Lesosibirsk Pedagogical University – Affiliated Branch of Siberian Federal University
42, Pobedy St., Lesosibirsk City, Krasnoyarsky kray, 662544,
Russian Federation
tamarales@mail.ru*

Zyryanova Ol'ga Nikolaevna, Ph.D.in Philology, Associate Professor at the Department of Russian Language and Literature
*Lesosibirsk Pedagogical University – Affiliated Branch of Siberian Federal University
42, Pobedy St., Lesosibirsk City, Krasnoyarsky kray, 662544,
Russian Federation
onzyryanova@mail.ru*

Mazurova Nadezhda Alekseevna, Ph.D.in Philology, Associate Professor at the Department of Russian Language and Literature
*Lesosibirsk Pedagogical University – Affiliated Branch of Siberian Federal University
42, Pobedy St., Lesosibirsk City, Krasnoyarsky kray, 662544,
Russian Federation
nadezhda.mazurova.59@mail.ru*

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-3-2-120-134

УДК 81'42

ПРОЯВЛЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ САМОИНДЕТИФИКАЦИИ АВТОРА В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

*Веккессер М.В., Мамаева С.В.,
Славкина И.А., Шмульская Л.С.*

Цель. Статья посвящена актуальной проблеме сохранения региональной идентичности в условиях лингвокультурологической глобализации современного общества. Объектом рассмотрения выступает региональный поэтический дискурс, предметом – способы проявления региональной самоидентификации авторов в поэтическом дискурсе в контексте процессов, связанных с лингвокультурологической глобализацией современного общества.

Методология и методы проведения работы. Обращение к поэтическим текстам при выявлении лингвистических способов региональной самоидентификации авторов рассматривается в контексте региональной лингвистики с позиций коммуникативно-дискурсивного подхода; используются методы дискурсивного, контекстуального и семантического анализа.

Результаты. В статье показано, что авторы поэтического дискурса через отбор и актуализацию языковых средств соотносят себя со своим регионом, в результате происходит региональная самоидентификация. В эпоху языковой глобализации важно проводить исследования, которые посвящены региональной самоидентификации авторов на уровне поэтического дискурса.

Область применения результатов. Материалы статьи могут быть использованы в образовательном процессе при чтении спецкурсов, связанных с проблемами региональной лингвистики.

Ключевые слова: дискурс; региональный дискурс; текст; языковая глобализация; региональная самоидентификация автора.

DEMONSTRATION OF AUTHOR'S REGIONAL SELF-IDENTITY IN POETIC DISCOURSE

*Vekkesser M.V., Mamaeva S.V.,
Slavkina I.A., Shmul'skaya L.S.*

Purpose. The article is devoted to the pressing issue of regional identity preservation under conditions of linguoculturological globalization in modern society. The object of consideration is a regional poetic discourse, the subject matter being methods of demonstration of the author's regional self-identity in poetic discourse in a context of processes, related to linguoculturological globalization of modern society.

Methodology. The article considers appeal to the poetic texts in search for linguistic methods of the author's regional self-identity in a context of regional linguistic from the perspective of communicative discourse approach. The basis of the research is formed by the discursive, semantic methods as well as contextual analysis.

Results. The results of the study show that the poetic discourse authors identify themselves with their region through the foregrounding and selection of linguistic means, the result being formation of the regional self-identity. It is important at the time of linguistic globalization to do research aimed to reveal the author's self-identity in poetic discourse.

Practical implications. The materials of the article can be applied in the educational process, i.e. for reading special courses on regional linguistic studies.

Keywords: discourse; regional discourse; text; linguistic globalization; author's self-identity.

В современной лингвистике активно развивается область региональных исследований. Это отчасти обусловлено социально-политическими процессами глобализации и трансформации национальной идентичности. В лингвистической науке активно обсуждается вопрос о глобализации, в том числе и языковой глобализации.

Н.М. Мамедов пишет, что процессы глобализации могут существенно изменить как культурные связи и отношения в современном обществе, трансформировать социальное устройство общества, так и коммуникативные особенности локального общества. В этом смысле данный процесс можно определить как предвестник новой эры в развитии человечества: происходит постепенный переход от дезинтегрированного мира к глобальному. По этому поводу автор указывает: «Трансформации в обществе при этом настолько значительны, что дают основания считать данный переход становлением мегаобщества», в котором стирается национально-культурная идентичность [10, с. 16].

Е.Л. Кабахидзе, анализируя процессы глобализации в культурной и социальных сферах, пишет, что это неизбежный процесс, возникший в результате интеграции народов не только на уровне международных отношений, ведущих к определённой «унификации» межличностного общения, стирающей национально-культурную идентичность, но и в результате федерального влияния СМИ на региональное сознание народа в границах одной страны [6].

По определению Д. Данна, это явление характеризуется преимущественно влиянием английского языка на русский язык. Например, к частным проявлениям такого влияния относит лексические заимствования, некоторые изменения в грамматической сфере, расширенное употребление латинского шрифта, т.е. в данном случае имеется в виду некоторая языковая конвергенция, которая обогащает русский язык [4].

Д. Кристал под языковой глобализацией понимает признание международного статуса одного из языков мира. Свидетельством такого статуса являются следующие факторы: на этом языке говорит большое количество людей, он является государственным языком во многих странах мира, преподавание этого языка является приоритетным для большинства зарубежных стран мира [9].

Другие же лингвисты по-иному относятся к языковой конвергенции: видят в этом экспансию английского языка, которая представляет угрозу национально-культурным традициям русских [1].

Следует отметить, что всеми учёными в различных научных областях признаётся тот факт, что наблюдается процесс глобализации, так как происходит взаимообмен взглядами, культурными идеями, продукцией, технологиями и пр. В результате возникают макросоциальные структуры, включающие в культуру, религию, политику, что приводит к нивелировке национальной идентичности, отражающейся и на уровне языка и речевой коммуникации. Это неизбежной тенденция в развитии современного общества, которая может разрушать, приводить к универсальности всех характеристик и сфер деятельности локального сообщества.

Стоит признать, к числу противоборствующих тенденций определённых лингвокультур можно отнести языковую глобализацию и национально-языковую идентичность (см. работы В.М. Алпатова, О.Н. Астафьевой, В.И. Добренкова, А.Н. Масловой, А.С. Панарина, С.Г. Тер-Минасовой, А.И. Уткина, И. Валлерстайна, Э. Гидденса, Р. Робертсона).

Однако понятия «глобальное» и «локальное» нельзя рассматривать как взаимоисключающие: глобализация оказывает влияние на определённые локальные лингвокультуры, формирующие при этом конвергентные взаимоотношения друг с другом [11, с. 148]. Но социолог Л.Б. Шнайдер пишет, что в современный период важно со-

хранить свою идентичность, так как человек становится «вполне человеком» в том случае, если им осознаётся своя идентичность [18, с. 141]. А.В. Микляева в составе национальной идентичности выделяет региональную идентичность, которая в то же время является частью социальной идентичности человека [12, с. 10].

Наличие таких общих картин мира, как научная, философская, религиозная предполагают наличие и локализованных картин мира: информационной, социологической, физической, художественной). В русском языке наблюдаются территориальные различия. Это даёт возможность утверждать, что имеет место и наличие региональной картины мира, проявляющейся в результате использования авторами определённого текста литературного языка для реализации региональной самоидентификации. Региональная картина мира, воссоздаваемая в художественном тексте поэтического дискурса, нами понимается как некая локальная картина мира, которая ограничена территориальным единством авторов, принадлежащим определённые поэтические тексты, и набором описываемых объектов. Следует отметить, что поэтический дискурс предстает собой образное единство. Это единство представляет собой определённое суждение о мире, которое отражает и накопленный опыт, и знания, имеющиеся у поэта, в том числе репрезентирующие его региональное сознание. В.П. Баскакова отмечает, что региональный язык должен анализироваться «как система всех языковых и речевых механизмов, обеспечивающих региональную идентичность авторов художественных текстов» [2, с. 120].

В.И. Карасик дискурс определяет так: «дискурс представляет собой интерактивную деятельность участников общения, установление и поддержание контакта, эмоциональный и информационный обмен, оказание воздействия друг на друга, переплетение моментально меняющихся коммуникативных стратегий и их вербальных

и невербальных воплощений в практике общения, определение коммуникативных ходов в единстве их эксплицитного и имплицитного содержания» [7, с. 6]. Автором выделяются персональный (личностно-ориентированный) и институциональный типы дискурса. «В первом случае говорящий выступает как личность во всем богатстве своего внутреннего мира, во втором случае – как представитель определенного социального института», при этом персональный дискурс реализуется в двух разновидностях – бытовом и бытийном общении [7, с. 13].

С позиций данной трактовки поэтический дискурс мы понимаем как персональный тип в его бытийной разновидности при опосредованном характере выражения. Бытийный дискурс представляет тексты, в том числе и поэтические, в которых автором раскрывается глубины своего внутреннего мира во всем многообразии и богатстве. Опосредованное общение имеет предельную насыщенность смыслами, реализуется во всех формах речи в контексте литературного языка. Бытийная разновидность общения по большей мере монологично. Она представлена текстами художественной литературы, сюда же относятся философские, психологические и нек. др тексты.

В лингвистике происходит становление теоретической базы, позволяющей определить объект регионального дискурса.

Область региональных исследований значительно расширилась в последние десятилетия (см., например, [5, 13, 14, 19]).

В спектре рассматриваемых объектов находятся не только диалектные языковые и речевые единицы, городская просторечная лексика городов, но и художественно-поэтические тексты, обладающие региональными чертами и воспринимающиеся жителями Красноярского края как часть культуры этого края. Последний аспект изучен в меньшей степени (см. указание на это [3, с. 120]). В связи с этим актуальным становится рассмотрение произведений писателей

Красноярского края в контексте проявления в них черт региональной самоидентификации авторов. Целью нашего исследования является выявление вербальных средств выражения региональной самоидентификации автора в тексте. Объектом выступает самоидентификация автора в региональном поэтическом тексте, а предметом – вербальные способы выражения региональной самоидентификации.

«В настоящее время данная область исследований энергично развивается. Наряду с понятием национальной идентичности, исследуется региональная идентичность, которую рассматривают как часть социальной идентичности личности, однако в лингвистике данный объект находится на начальной стадии изучения. Региональный язык рассматривается как система всех языковых и речевых механизмов, обеспечивающих региональную идентичность авторов поэтических текстов» [2, с. 169].

В результате рассмотрения поэтических текстов авторов Красноярского края мы установили способы, представляющие собой творческое выражение региональной идентичности. К числу таких способов мы относим:

1) локализацию пространства через вербальные средства литературного языка; 2) выражение принадлежности к определённому региону; 3) использование единиц региональной прецедентности; 4) реализация лингво-культурологической оппозиции «свой – чужой» средствами языка и речи. Рассмотрим каждый из выше указанных способов.

1. **Пространственная локализация.** Данный способ основывается на процессе семантического «сужения». Семантическое «сужение» языковых единиц, которые актуализируют значимые и важные смысловые акценты в структуре поэтического текста, позволяют нам говорить о пространственной локализации. Ю.Н. Караулов под семантическим сужением понимает процесс, в результате которого проис-

ходит уменьшение «семантического объема понятия в процессе исторического развития или в контексте речевого употребления» [17].

В проанализированных поэтических текстах такое сужение реализуется за счет описания природы Красноярского края. Примеры: *Не знает, что здесь Ангара круглый год в одних берегах с Енисеем течет / Когда-то давно здесь деревня была, река Маклаковка спокойно текла* (В.Ф. Серков); *Он построен в сосновом бору* (В.В. Морозов); *И встречаются сосны на опушке / Кедры прозвенели свои мотивы* (В.В. Лендель); *В краю черемухи душистой* (Е.И. Левента) [15].

2. **Выражение принадлежности к данному региону.** В рассмотренных стихотворениях сужение достигается посредством использования дейктических знаков-указателей, которые конкретизируют семантику определённых слов и целых выражений. Зачастую с этой целью используют местоименные дейктики – указательные, относительные, притяжательные местоимения. Например: *Мой город любимый, мой Лесосибирск / Мой город любимый живет и растет / Наш край – от могучих Саян до Таймыра / Отмечен мой город, тайгою рожденный / Город заснеженный мой... / В этом городе все настоящее / «Ты – мой берег, мой дом, моя жизнь / Моя Сибирь, моя земля* (Н. Бирюк); *Мой новый город зародился* (В.Н. Соловецкая); *Те берега, где мы встречались / И та река, где мы купались* (В.В. Лендель) [15].

3. **Использование единиц региональной прецедентности.** Мы вслед за Ю.Н. Карауловым под прецедентными текстами понимаем тексты, важные для человека в познавательном и эмоциональном отношениях, несущие сверхличностный характер[8]. К прецедентным единицам можно отнести названия для обозначения святынь, исторических объектов, а также названия городов нашего региона. Например: *Енисейск – это маленький город* (В.И. Ивченко); *У города все впереди, а пока повсюду известны его ЛДК / Но планы есть, и есть надежда: вновь возродиться Енисейск* (В.Ф. Серков); *Лесосибирск, родной наш город, на реке Енисее*

стоит / Есть у нас златоглавый собор – величавый и строгий собою (В.В. Морозов) [15, с. 205–300].

4. **Лингво-культурологическая оппозиция «свой – чужой».** Данная оппозиция – реализация способа, основанного на противопоставлении универсальных концептов «свой» и «чужой». Отметим, что в исследованных текстах явно доминирует компонента «свой». Например: *Из родной сторонки / Земли родной. Да свет родного дома* (В.В. Лендель); *Но сердце не покинет никогда тепло родного нам Лесосибирска* (В.И. Ивченко); *Приеду в родные края* (Н. Бирюк); *Пряный запах чужбины и моря* (Д. Глухов) [16, с. 158–256].

Таким образом, через отбор и актуализацию языковых средств авторы поэтического дискурса соотносят себя со своим регионом, в результате происходит региональная самоидентификация: демонстрируют знание наименований объектов, образов, которые известны жителям Красноярского края. Читающий по этим «знакам» сможет воссоздать специфические черты упоминаемого региона. Данный анализ позволяет сделать вывод, что целью употребления авторами средств «регионального языка» в поэтических текстах является стремление показать принадлежность к географическому или культурному пространству Красноярского края, желание выразить свое отношение к этой земле, к жителям этого края и местности. Система языковых средств, которая обеспечивает региональную идентичность автора поэтического текста, рассматривается нами как некий вербальный код. Он является своего рода активизирующим фактором при выражении региональной картины мира.

Статья выполнена в рамках гранта РГНФ № 16-14-24005 «Региональная идентификация и самоидентификация жителей Приенисейской Сибири: фольклорный, этнографический, лингвокультурологический, литературный дискурсы и их актуализация посредством интерактивной карты».

Список литературы

1. Алпатов В.М. Глобализация и развитие языков. URL: <http://anti-glob.narod.ru/st/alpatov.htm>(дата обращения: 29.07.2016).
2. Баскакова В.П. Лингвистические средства выражения региональной самоидентификации автора в тексте // Вестник государственного университета. Сер. Языкознание. Волгоград. 2012. №1 (15). С. 169–172.
3. Голикова Т.А. Сущность регионального языка (этнопсихолингвистический аспект) // Наука, культура, образование. Горно-Алтайск. 2000. № 4 / 5. С. 117–120.
4. Данн Д. Языковая глобализация и русский язык // Троицкий вариант: электронный журнал, 2015. №19(188). URL:http://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/432771/Yazykovaya_globalizatsiya_i_russkiy_yazyk (дата обращения: 29.07.2016).
5. Дементьева К.В. Формирование дискурса региональных массмедиа // Гуманитарные научные исследования: электронный журнал, 2014. № 10. URL: <http://human.snauka.ru/2014/10/8050> (дата обр.: 30.07.2016).
6. Кабахидзе Е. Л. Глобализация и языковая картина мира // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: сб. ст. по матер. XXXIV междунар. науч.-практ. конф. № 2(34). Новосибирск: СибАК, 2014. С. 40–45.
7. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. научных трудов. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–24.
8. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 264 с.
9. Кристал Д. Английский как глобальный. М.: Весь мир, 2001. 237 с.
10. Мамедов Н.М. Концепция устойчивого развития и исторический процесс // Век глобализации. 2010. № 2. С. 55–68.
11. Маслова А.Н. Процессы глобализации с социологической точки зрения: определения и концепции // Актуальные проблемы экономической социологии: сб. науч. тр. студентов, аспирантов и преподавателей. Волгоград: Перемена, 2010. С. 10–14.

- давателей / Под общ. ред. Н.Р. Исправниковой, М.С. Халикова. М.: Унив. кн., 2008. Вып. 9. С. 146–153.
12. Микляева А.В., Румянцева В.П. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования: монография. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2008. С. 8–47.
 13. Митров М.А. Социальные факторы культуры потребления в современном российском обществе: региональный дискурс: на материале Республики Адыгея: автореферат дис. ... кандидата социологических наук. Майкоп, 2012. 23 с.
 14. Проблемы общей и региональной ономастики: материалы IX Международ. науч. конф. Майкоп: Ред.-изд. отдел АГУ, 2014. 230 с.
 15. Радуга. Художественно-публицистический альманах Лесосибирского городского литературного клуба. Лесосибирск. 2011. №1. 328 с.
 16. Радуга. Художественно-публицистический альманах Лесосибирского городского народного литературного клуба. Лесосибирск. 2015. №3. 330 с.
 17. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции / Ю.Н. Караулов и др. М.: Астрель, 2002. 1776 с.
 18. Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность: монография. М.: МОСУ, 2001. 272 с.
 19. Щербак А.С. Когнитивные основы региональной ономастики. Тамбов, 2012. 145 с.

References

1. Alpatov V.M. *Globalizatsiya i razvitie yazykov* [Globalization and the development of languages]. <http://anti-glob.narod.ru/st/alpatov.htm> (date of the application: 29.07.2016).
2. Baskakova V.P. *Lingvisticheskie sredstva vyrazheniya regional'noy samoidentifikatsii avtora v tekste*[Linguistic means of expression of the author's regional identity in the text]. *Vestnik gosudarstvennogo universiteta. Ser. Yazykoznanie*. Volgograd, no1 (2012), pp. 169–172.

3. Golikova T.A. Sushchnost' regional'nogo yazyka (etnopsikholingvisticheskiy aspekt) [The essence of the regional language]. *Nauka, kul'tura, obrazovanie*. Gorno-Altaysk, no 4 / 5 (2000), pp. 117–120.
4. Dann D. Yazykovaya globalizatsiya i russkiy yazyk [Language and globalization of the Russian language]. *Troitskiy variant*. URL: http://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/432771/Yazykovaya_globali (date of the application: 29.07.2016).
5. Dement'eva K.V. Formirovanie diskursa regional'nykh massmedia [Formation of regional mass media discourse]. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya*, no 10 (2014). URL: <http://human.snauka.ru/2014/10/8050> (date of the application: 30.07.2016).
6. Kabakhidze E.L. Globalizatsiya i yazykovaya kartina mira [Globalization and language picture of the world]. *Aktual'nye voprosy obshchestvennykh nauk: sotsiologiya, politologiya, filosofiya, istoriya: sb. st. po mater. XXXIV mezhdunar. nauch.-prakt. konf.*, no 2(34). Novosibirsk: SibAK Publ., 2014, pp. 40–45.
7. Karasik V.I. O tipakh diskursa [Concerning the types of discourse]. *Yazykovaya lichnost': institutsional'nyy i personal'nyy diskurs: sb. nauchnykh trudov*. Volgograd: Peremena Publ., 2000, pp. 5–24.
8. Karaulov Yu.N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [The Russian language and linguistic identity]. Moscow: Nauka Publ., 1987. 264 p.
9. Kristal D. *Angliyskiy kak global'nyy* [English as a global one]. Moscow: Ves' mir Publ., 2001. 237 p.
10. Mamedov N.M. Kontseptsiya ustoychivogo razvitiya i istoricheskiy protsess [The concept of sustainable development and the historical process]. *Vek globalizatsii*, no 2 (2010): 55–68.
11. Maslova A.N. Protsessy globalizatsii s sotsiologicheskoy tochki zreniya: opredeleniya i kontseptsii [The processes of globalization from the sociological point of view definitions and concepts]. *Aktual'nye problemy ekonomicheskoy sotsiologii*. Moscow: Univ. kn. Publ., no 9 (2008), pp. 146–153.

12. Miklyaeva A.V., Rumyantseva V.P. *Sotsial'naya identichnost' lichnosti: sodержanie, struktura, mekhanizmy formirovaniya* [Social identity of the person: content, structure, mechanisms of formation]. Saint-Petersburg: RGPU im. A.I. Gertsena Publ., 2008, pp. 8–47.
13. Mitrov M.A. *Sotsial'nye faktory kul'tury potrebleniya v sovremen-nom rossiyskom obshchestve: regional'nyy diskurs: na materiale Respubliki Adygeya* [Social consumption culture factors in modern Russian society: regional discourse: on the Republic of Adygea materials]. Maykop, 2012. 23 p.
14. *Problemy obshchey i regional'noy onomastiki* [Issues of general and regional onomastics]. Maykop: AGU Publ., 2014. 230 p.
15. Raduga [Rainbow]. *Khudozhestvenno-publitsisticheskii al'manakh Lesosibirskogo gorodskogo narodnogo literaturnogo kluba. Lesosibirsk, no 1 (2015)*. 328 p.
16. Raduga [Rainbow]. *Khudozhestvenno-publitsisticheskii al'manakh Lesosibirskogo gorodskogo narodnogo literaturnogo kluba. Lesosibirsk, no 3 (2015)*. 330 p.
17. *Russkiy assotsiativnyy slovar'. Ot stimula k reaksii* [Russian associative dictionary. From stimulus to response]. In 2 vol. Vol. 1. Moscow: Astrel' Publ., 2002. 1776 p.
18. Shneyder L.B. *Professional'naya identichnost'* [Professional identity]. Moscow: MOSU Publ., 2001. 272 p.
19. Shcherbak A.S. *Kognitivnye osnovy regional'noy onomastiki* [Cognitive foundations of regional onomastics]. Tambov, 2012. 145 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Веккесер Мария Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и литературы
Лесосибирский педагогический институт – филиал Сибирского федерального университета

*ул. Победы, 42, г. Лесосибирск, Красноярский край, 662543,
Российская Федерация
vekkesser2012@yandex.ru*

Мамаева Светлана Викторовна, кандидат филологических наук,
доцент, доцент кафедры русского языка и литературы
*Лесосибирский педагогический институт – филиал Сибирского
федерального университета*
*ул. Победы, 42, г. Лесосибирск, Красноярский край, 662543,
Российская Федерация
svmataeva@mail.ru*

Славкина Инга Анатольевна, кандидат филологических наук,
доцент, доцент кафедры русского языка и литературы
*Лесосибирский педагогический институт – филиал Сибирского
федерального университета*
*ул. Победы, 42, г. Лесосибирск, Красноярский край, 662543,
Российская Федерация
ingaslavkina@yandex.ru*

Шмульская Лариса Степановна, кандидат филологических наук,
доцент, доцент кафедры русского языка и литературы
*Лесосибирский педагогический институт – филиал Сибирского
федерального университета*
*ул. Победы, 42, г. Лесосибирск, Красноярский край, 662543,
Российская Федерация
lara_sh1973@rambler.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Vekkeser Mariya Victorovna, Ph.D.in Philology, Associate Professor at the Department of Russian Language and Literature

Lesosibirsk Pedagogical University – Affiliated Branch of Siberian Federal University

*42, Pobedy St., Lesosibirsk City, Krasnoyarsky kray, 662544,
Russian Federation
vekkesser2012@yandex.ru*

Mamaeva Svetlana Victorovna, Ph.D.in Philology, Associate Professor at the Department of Russian Language and Literature

Lesosibirsk Pedagogical University – Affiliated Branch of Siberian Federal University

*42, Pobedy St., Lesosibirsk City, Krasnoyarsky kray, 662544,
Russian Federation
svmamaeva@mail.ru*

Slavkina Inga Anatol'evna, Ph.D.in Philology, Associate Professor at the Department of Russian Language and Literature

Lesosibirsk Pedagogical University – Affiliated Branch of Siberian Federal University

*42, Pobedy St., Lesosibirsk City, Krasnoyarsky kray, 662544,
Russian Federation
ingaslavkina@yandex.ru*

Shmul'skaya Larisa Stepanovna, Ph.D.in Philology, Associate Professor at the Department of Russian Language and Literature

Lesosibirsk Pedagogical University – Affiliated Branch of Siberian Federal University

*42, Pobedy St., Lesosibirsk City, Krasnoyarsky kray, 662544,
Russian Federation
lara_sh1973@rambler.ru*

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-3-2-135-163

УДК 80/81

ВИРТУАЛЬНЫЙ ОБРАЗ ГОРОДА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЛЕКСИКИ МЕДИЙНОГО И ПОВСЕДНЕВНОГО ДИСКУРСОВ

Волкова Н.А.

Цель. В работе рассмотрена проблема исследования речевого образа города в Интернете на примере корпусов текстов медийного и локального дискурсов, а также значимость Интернет-образа города в развитии человеческого потенциала города¹.

Метод или методология проведения работы. Анализ был проведен для 7 городов (Новосибирска, Екатеринбурга, Краснодар, Томска, Тюмени, Белгорода и Воронежа) с различным уровнем развития человеческого потенциала согласно исследованию «Борьба за горожанина: человеческий потенциал и городская среда» [1], подготовленному в рамках IV Московского урбанистического форума. Для этого методом ассоциативного эксперимента были сформированы корпуса текстов на основе публикаций, размещенных в СМИ и социальных сетях в Интернете, причем словами-стимулами выступали ойконымы – названия рассматриваемых городов. Далее на основе методов автоматизированного выявления коллокаций и заданных контекстных диапазонов, с которыми они были связаны, в общедоступной системе статистического анализа корпусов текстов Sketch Engine

¹ В исследовании «Борьба за горожанина: человеческий потенциал и городская среда», подготовленном в рамках IV Московского урбанистического форума, развитие человеческого капитала города связывалось с «расширением возможностей человека, большей свободой выбора среди максимально разнообразного числа вариантов» [1, с. 15].

(SkE) были выделены наиболее частотные слова-реакции на названия городов, образ которых рассматривается в данной статье.

Результаты. В результате были выделены наиболее частные «темы» и «сюжеты» для образов каждого города, нашедших отражение в медийном и локальном дискурсе. Полученная тематическая и сюжетная структура сопоставлены с результатами анализа уровня развития человеческого потенциала в данных городах, что позволило показать, что жителям с развитым человеческим потенциалом соответствуют города с более разнообразной сюжетно-тематической структурой, где темы и сюжеты медийного и локального дискурсов оказываются взаимосвязаны.

Область применения результатов. Полученные результаты позволяют выстраивать медийную политику города и региональных СМИ с целью создания привлекательного образа города для людей с высоким человеческим потенциалом².

Ключевые слова: *медийный дискурс; локальный дискурс; образ города; метод ассоциативного эксперимента; человеческий потенциал; Интернет СМИ; социальные сети.*

THE ONLINE IMAGE OF THE RUSSIAN CITY IN BOTH MEDIA AND LOCAL DISCOURSES

Volkova N.A.

Purpose. In order to define the online discourse image of the city this paper analyses media and local text corpora that allows to un-

² В исследовании «Борьба за горожанина: человеческий потенциал и городская среда», подготовленном в рамках IV Московского урбанистического форума, в расчет индекса человеческого капитала входили показатели образования, развития здравоохранения и уровня здоровья, а также экономический и социальный уровень жизни населения. [1, с. 19–20].

derstand the impact of the online image of the city for attracting new citizens with high human development³ in the city.

Methodology. For the purposes of the study seven cities with the different level of human potential development are examined. Their level is determined according to the study on Russian cities called "Enhancing Capabilities: Human Development in Russian Cities Today" ["Enhancing Capabilities...", 2014] which was prepared for the IV Moscow Urban Forum. The text corpora construction is based on the method of associative experiment; the corpora include online media and social networks publications. The names of the cities are used as the verbal stimuli for the purposes of the experiment. Further, on the basis of the computer methods of Sketch Engine (SkE) the most frequent word reactions are revealed.

Results. As a result, the main themes of media and local discourse are educed for each city, the ones that form the online image of the city. Comparing the thematic structures of the of media and local discourse to the level of the human potential development for every city allows to conclude that the city will be attractive for people with high human potential only if the thematic structure of the online discourse image for the city is diverse and the same themes are developed both in media and local discourse.

Practical implications. The results of the study allow to develop media discourse of the municipal administration and regional media

³ According to the Study on Russian Cities "Enhancing Capabilities: Human Development in Russian Cities Today", which was produced for the IV Moscow Urban Forum, human development was associated with «the expansion of capabilities as well as the way people use them – with emphasis on participation and freedom of choice in managing their own affairs» [1, p. 12–13]. (страницы в русскоязычной и англоязычной версии исследования отличаются из-за разницы в верстке изданий).

*according to the goals of constructing inviting city image for the people with high human potential development*⁴.

Keywords: *media discourse; local discourse; image of the city; method of associative experiment; human potential; Internet media; online social networks.*

Введение

Развитие человеческого потенциала городов зависит не только от развития социальной, культурной и предпринимательской городской среды, но также от того, насколько привлекателен город для жизни и работы людей, обладающих значительным человеческим потенциалом, которые могут способствовать развитию существующих ресурсов и новых сфер деятельности. Согласно современным концепциям территориального маркетинга и брендинга [2; 8; 10], ключевую роль в привлечении новых активных жителей города могут играть не только объективные факты, характеризующие городские практики, но и тот образ городской повседневности, который складывается у жителей других городов и стран на основе доступной им информации о городе, его жителях и их обычаях.

Как справедливо отмечал Д.Н. Замятин, ссылаясь на «Образ Галлии» Ф. Броделя, понятие географического образа города является сложной и неоднородной совокупностью противоречивых и разнохарактерных уровней восприятия [4]. Чтобы понять механизмы создания образа города и понять природу его восприятия теми или иными социальными группами, необходимо развернуть

⁴ According to the Study on Russian Cities “Enhancing Capabilities: Human Development in Russian Cities Today”, which was produced for the IV Moscow Urban Forum, the index of human development include the indicators of education level, the development of the healthcare systems and level of public health as well as the economic and social indicators of the prosperity [1, с. 17–18].

обобщенное понятие «образ города» в частные образы в соответствии с различными способами их возникновения и развития. При этом для анализа привлекательности образа города для людей, обладающих значительным человеческим потенциалом, необходимо ограничить поле исследования виртуальной средой, так как восприятие и потребление информации, в особенности представителями данной социальной группы, все больше перемещается в сферу быстрых, цифровых коммуникаций.

Примером частного образа города может быть назван образ города, сформированный в медиа дискурсе или дискурсе СМИ. Медиаобраз города рассчитан на восприятие как его жителями, так и людьми, живущими в других городах, и менее знакомых с его повседневными практиками. Поскольку образ города, складывающийся в дискурсе СМИ, в большей степени является отражением различных идеологических концепций и результатом его осознанного конструирования, он может чаще всего использоваться для привлечения жителей. Тем не менее, будучи искусственно созданным, медиаобраз города не связан напрямую с повседневной жизнью города и развитием его человеческого потенциала города. В отличие от медиа-образа города «локальный текст города» или «образ места», согласно определению М.Д. Алексеевского, является «меняющейся во времени системой ментальных, речевых, фольклорных, публицистических, иконографических и проч. стереотипов, воспроизводимых в контексте местной культурной традиции в устной, книжной и других формах» [7, с. 420].

Система представлений и стереотипов о городе, сформированная в «локальном тексте», не является сознательно структурированным концептом, но выявляется в процессе исследования как отражение повседневной городской жизни и коммуникации горожан. Связь локального образа города с повседневными городскими

практиками позволяет предположить, что локальный образ города может отражать уровень и характер развития человеческого потенциала данного города и, соответственно, привлекать в город организации и людей, которые будут способствовать развитию его человеческого потенциала. Однако локальный образ города воспроизводится только в «местной культурной традиции». Поэтому на привлекательность образа города в целом будет влиять не только уровень развития человеческого потенциала города и отражение его в «локальном тексте», но и степень укорененности и взаимосвязи публичного медиаобраза города и локального образа.

Для того чтобы выяснить как в языке представлены два частных образа города, медийный и локальный, в рамках данного раздела будут сформированы два корпуса текстов первого порядка, один для языка СМИ, другой для повседневного языка. Из корпусов первого порядка будут выделены 14 подкорпусов текстов, связанных с медиа-дискурсом и локальным текстом для каждого из семи городов – региональных центров РФ. Выборка городов, образы которых исследуются в данном разделе, включает в себя, кроме 5 городов-лидеров по развитию человеческого потенциала (Екатеринбург, Краснодар, Томск, Тюмень и Белгород), 1 город со средним уровнем человеческого потенциала (Новосибирск) и 1 город-аутсайдер (Воронеж)⁵.

На основе лингвистического ассоциативного эксперимента в 14 подкорпусах текстов языка СМИ и повседневного языка будут выделены ассоциации, на основе которых можно будет описать тематическую структуру медийного и локального образа для каждого

⁵ Разделение городов по уровню развития человеческого потенциала принято в соответствии Исследованием «Борьба за горожанина: человеческий потенциал и городская среда» [1], а также последующими авторскими корректировками индекса (данные личной переписки с Е. Дыбой, сентябрь 2015 г.)

из городов. Чтобы показать взаимосвязь уровня развития человеческого потенциала города и укорененности публичного образа города в локальном городском тексте, полученная структура образа города будет сопоставлена с данными по уровню развития человеческого потенциала в рассматриваемых городах.

Раздел 1.

Общие принципы выделения корпуса текстов для анализа образа города

Два рассматриваемых в данном разделе частных образа города, медийный и локальный, могут быть выявлены в двух различных типах дискурсов – дискурсе СМИ и повседневном дискурсе [5]. Для анализа этих дискурсов необходимо было определить источники для формирования двух корпусов текстов первого порядка в виртуальном пространстве Интернета. Из этих корпусов первого порядка в дальнейшем будут выделены подкорпуса текстов, связанные с каждым из рассматриваемых городов. При выборе источников для корпусов первого порядка было использовано определение корпуса текстов как информации, хранящейся на Интернет-порталах или агрегируемой сервисами.

Источником текстов для корпуса первого порядка языка СМИ стал наиболее объемный тематический раздел сервиса Яндекс.Новости «Общество», который агрегирует тексты и ссылки на публикации в федеральных, региональных и местных электронных СМИ. Источникам текстов, связанных с повседневной речью в виртуальной среде, может стать неформальная коммуникация в социальных сетях, на форумах и в блогах, поэтому отбора текстов в корпус первого порядка повседневного языка был использован сервис Яндекс.Блоги, индексирующий и собирающий публикации из личных блогов и различных социальных сетей. Корпус первого порядка локаль-

ного дискурса был ограничен текстами из наиболее распространенной в русскоязычном интернете социальной сети – ВКонтакте.

Для выделения подкорпусов текстов для каждого из городов и формирования по ним медийного и локального образа города на двух следующих этапах исследования был использован ассоциативный эксперимент. В классическом варианте ассоциативный эксперимент или словесно-ассоциативный тест Кент-Розанофф предполагает составление респондентами в соответствии с выданным им списком слов-стимулов набора свободных ассоциаций для выделения психолингвистического стандарта (ассоциативной нормы) по принципу частотности [3; 15; 11]. Метод ассоциативного эксперимента используется преимущественно для составления словарей (например, «Русский ассоциативный словарь» [9], «Эдинбургский ассоциативный тезаурус» под редакцией Г. Кисса [12], «The University of South Florida word association, rhyme, and word fragment norms» под редакцией Д. Нельсона [13]). Данные ассоциативных словарей определяют культурные концепты, описываемые словами-стимулами. Такие концепты в рамках данного исследования позволят выявить тематическую структуру медийного и локального образа города. Для выделения подкорпусов текстов в качестве слов-стимулов использовались ойконимы – названия рассматриваемых городов. И в медийном, и в повседневном дискурсе символы-ойконимы собирают вокруг себя пучок ассоциаций, связанных с городом, характерных для каждого дискурса. Подчеркнем, что ойконимы действительно являются лишь стимулом для разворачивания тематических ассоциативных полей, поскольку согласно работам Ю.А. Карпенко, К.А. Левковской, А.А. Реформатского названия городов относятся к асемантическому классу слов, значения которых определяются в зависимости от контекста [14].

На первом этапе ассоциативного анализа из медийного и локального корпусов первого порядка были выделены отдельные подкорпуса медийных публикаций и публикаций в социальных сетях, где встречались слова-стимулы – ойконимы (Новосибирск, Екатеринбург, Краснодар, Воронеж, Томск, Тюмень и Белгород). Таким образом, было получено 14 подкорпусов текстов, подкорпус медийного текста и подкорпус локального повседневного текста социальных сетей для каждого из 7 городов, опубликованных в 2013 г.

Полученные подкорпуса текстов были в первую очередь проанализированы по частотности публикаций в неделю в течение всего исследуемого периода, что дало возможность составить представление о наличии или отсутствии взаимной зависимости публикационной активности в СМИ и в социальных сетях. Для всех городов в рассматриваемой выборке динамика публикационной активности СМИ для разных городов была одинакова. Динамика активности публикаций в социальных сетях также не зависела от рассматриваемого города.

Город, с которым был связан каждый из рассматриваемых подкорпусов локального дискурса, лишь определял большее или меньшее количество публикаций текстов медийного или повседневного дискурса. Поскольку выборка рассматриваемых городов включает в себя и лидеров, и аутсайдеров по развитию человеческого потенциала, одинаковый характер динамики публикаций как медийного, так и локального дискурса для различных городов позволяет утверждать, что уровень развития человеческого потенциала не влияет на динамику активности публикаций в течение года.

Активность публикаций с использованием ойконимов в электронных СМИ оказалась независимой не только от того, о каком городе шла речь, но также она была достаточно равномерно распределена в течении всего календарного года. Поскольку

равномерная активность публикаций в СМИ выделена для ойконимов, используемых как слова-стимулы при выстраивании ассоциативного ряда, можно утверждать, что в медийном дискурсе СМИ образ города дополняется и трансформируется непрерывно за счет постоянного использования его названия. Таким образом, медийный дискурс образует сплошной фон городского восприятия и конструирования его образа, как в сознании его жителей, так и для жителей других мест и городов [1, с. 82–83, рис. 23, 24].

В отличие от медийного дискурса активность публикаций в социальных сетях, где встречаются те же ойконимы, зависит от социальной досуговой и деловой активности – ее пики приходятся на май и октябрь-ноябрь, а в осенне-летние месяцы активность выше, чем весной. Неравномерность использования ойконима в повседневном, локальном дискурсе социальных сетей позволяет связать его употребление в данном случае с конкретными социальными и культурными практиками, что выражается в пиках активности по количеству публикаций в неделю. Также можно предположить, что именно через пики активности в повседневном дискурсе повседневность города осмысливается и трансформируется в элементы его образа и символы, которые могут найти отражение в его медийном дискурсе.

Таким образом, одинаковый характер динамики активности публикаций и СМИ и социальных сетей для городов аутсайдеров, так и для городов-лидеров по человеческому потенциалу, указывает на то, что искать различия в формировании образов этих городов необходимо не в форме сложившихся практик, а в появлении нерегулярных событий и всплесков социальной и культурной активности. В то же время, можно предположить, что влияние этих событий будет ярче отражаться в публикациях локального дискурса, а в дискурсе СМИ они будут встраиваться в ряд других менее значимых с точки зрения повседневной жизни, но значимых в глобальном контексте событий.

Раздел 2.

Структурный анализ корпусов текстов медийного и локального дискурсов

На первом этапе исследования было высказано предположение, что взаимное влияние медийного и локального образов будет иметь наиболее явный характер в периоды пиковой активности публикаций в социальных сетях. Поэтому для детального анализа на втором этапе были отобраны микрокорпуса текстов за 7 недель календарного года, связанных с пиками активности публикаций в социальных сетях. Пять из семи недель пиковой активности распределены равномерно в течении года с периодичностью в 9–10 недель, а два периода, в мае и в декабре, были взяты дополнительно в периоды повышения среднего уровня активности. Это ограничение не позволит говорить в целом о медийном или локальном образе города в результате данного анализа, однако такая выборка позволяет достаточно детально рассмотреть вопрос взаимного влияния частных образов города, медийного и локального, друг на друга за счет выявления наиболее значимого круга тем, характерных для медийного и локального дискурсов.

Чтобы выявить ассоциативный образ города на основе медийного и локального микрокорпуса текстов за 7 недель на втором этапе анализа были использованы возможности автоматизированного выявления коллокаций и заданных контекстных диапазонов, с которыми они были связаны, в общедоступной системе статистического анализа корпусов текстов *Sketch Engine (SkE)* ([URL: https://www.sketchengine.co.uk/](https://www.sketchengine.co.uk/)). Анализ проводился по двум основным направлениям. С одной стороны, чтобы более явно проанализировать степень влияния друг на друга различных дискурсов о городе, необходимо было выделить тематические поля ассоциаций и тех контекстов, в которых они употреблялись. Сопоставив тематическую структуру медийного и локального об-

разов, можно было определить характер и степень принципиального расхождения этих образов. С другой стороны, было показано, в каких языковых формах реализовывались отдельные темы, определяющие образ каждого города, учитывая различные типы реакций на слова-стимулы – парадигматические (ассоциации по сходству), синтагматические (ассоциации по смежности) и различные тематические реакции (подробнее см. [3], [6]).

Общая схема дальнейшего анализа выглядела следующим образом. Исходными текстами были микрокорпуса текстов медийного и локального дискурса для каждого города, выделенные с одной стороны на основе исходных слов-стимулов (ойконимов), а с другой – исключительно для периодов повышенной публикационной активности. Для каждого из этих микрокорпусов, благодаря методу выделения наиболее частотной терминологии *SkE*, был составлен список из 100 наиболее частотных слов и словосочетаний (*terms*) и контекстных диапазонов, в которых они употреблялись. В дальнейшем данные контексты рассматривались как контексты первого порядка, а слова-стимулы, по которым они выделялись – как набор слов-стимулов первого порядка.

Для выделения наиболее устойчивых стигматических связей или ассоциаций, связанных функциональной смежностью, описанная операция была повторена уже на базе корпус контекстов 1-го порядка. В результате этой операции был получен наиболее частотный ряд слов и словосочетаний 2-го порядка и получен корпус контекстов 2-го порядка. На последнем этапе для корпуса контекстов второго порядка также были выделены наиболее частотные слова-реакции – частотный ряд слов и словосочетаний 3-го порядка. Таким образом, было получено два типа языкового материала для медийного и локального образа каждого

города – корпуса контекстов 1-го и 2-го порядка и наиболее частотные слова и словосочетания для этих корпусов 1-го, 2-го и 3-го порядков.

Целью анализ корпуса контекстов 1-го и 2-го порядка было выявление тематических концептов, характерных для медийного и локального образов каждого города. При этом концепты 1-го порядка описывали явления социальной жизни города более общего порядка и обозначались в дальнейшем как «темы». Концептуализация тематики корпусов 2-го порядка была связана с более частными процессами и событиями, а концепты 2-го порядка назывались «сюжетами». Тематически концепты этих двух уровней пересекаются, так что каждая тема может иметь как центральный сюжет, связанный с ее тематикой, так и дополнительные сюжеты. Для данного исследования была важна именно тематическая структура образов, выявленная на основе двух уровней концептуализации, поэтому анализ был ограничен структурными компонентами и их отношениями внутри образа каждого города.

Раздел 3.

Анализ тематической и сюжетной структуры текстов

В результате первичной концептуализации были выделены 5 крупных тем, наиболее значимых для описания рассматриваемого корпуса текстов: управление, экономика, спорт, городская событийность и происшествия. При этом тема управления была доминантной (84–64% общего количества контекстов) и для медийного, и для локального дискурса в большинстве городов (Новосибирск, Белгород, Томск, Тюмень и Воронеж). Для Екатеринбурга тема городского управления является основной в ме-

дийном корпусе контекстов 1-го порядка (84%), но в локальном корпусе доминантной оказалась тема спорта. Корпус контекстов 1-го порядка, связанный с ойконимом Краснодара, оказывается еще более разнообразным по тематике. Кроме основной темы городской событийности в медийном корпусе (39%) и в локальном корпусе (30%), для Краснодара также можно выделить темы городского управления (26%) и экономики (25%) в медийном корпусе и спорта (61%) в корпусе локальных контекстов. Таким образом, анализ тематической структуры корпуса контекстов 1-го порядка медийного и локального дискурса позволяет лишь обозначить общие контуры возможных связей между разнообразием тем, затрагиваемых в публикациях, и привлекательностью города с точки зрения людей с высоким человеческим потенциалом. Однако в отдельных публикациях, их содержание может отклоняться от основной темы публикации и развиваться через связь с другими темами. Чтобы выделить такие случаи, а также показать связь тематик локальных и медийных корпусов текстов, необходимо более детальный сюжетный анализ тематической структуры [1, с. 84 (см. рис. 25, 26)].

Анализ сюжетной структуры выделенных для корпуса контекстов 2-го порядка тем позволил обозначить направление исследования, в котором могут быть найдены более точные ответы на вопрос, как складывается взаимное влияние тематических концептов медийного и локального образа города. Для каждой из пяти тем, определенных на основе корпуса контекстов 1-го порядка для медийного и локального образа города, были определены 5 сюжетов, которые тематически относились к основным темам, а также еще 8 дополнительных сюжетов: инфраструктура, культура, общественная самоорганизация, достижения, интернет-дискуссии, безопасность, теневая экономика, преступность.

Таким образом, была получена двухуровневая тематическая структура наиболее частотных тем и сюжетов для корпуса текстов, демонстрирующих ассоциативные связи с медийным и локальным образом каждого города. В рамках этой структуры можно было наблюдать два типа тематических и сюжетных связей медийного и локального дискурса. С одной стороны, на уровне сюжетной структуры в рамках одной или различных тем, можно было наблюдать доминирование одного и того же сюжета как для медийного, так и для локального дискурса, что дает возможность предположить, что данные сюжеты могут быть связаны и отражать взаимное влияние на тематику обсуждений различных дискурсов. Такие сюжетные связи можно обозначить как *прямые*, поскольку они реализовывались на одном уровне тематической структуры – сюжетном. С другой стороны, каждая из тем часто была представлена одним или несколькими сюжетами, некоторые из которых, относились к основным 5 темам, выявленным на основе корпуса контекстов 1-го порядка. Наличие таких тематических связей, также может быть рассмотрено как взаимное влияние тематики различных дискурсов, однако, поскольку в данном случае тематические связи между основной темой и сюжетом имеют менее явный характер, они рассматривались как *косвенные*. В результате на основе данного разделения типов тематических связей была проанализирована полученная тематическая структура текстов для каждого из рассматриваемых городов.

Дискуссия

Как было отмечено выше, первым принципом, по которому могут быть разделены рассматриваемые города, выступает степень разнообразия тем в их дискурсах и отсутствие темы управления в качестве основной. По этому принципу выше были выделены кор-

пуса текстов медийного и локального дискурса, связанные с Екатеринбургом и Краснодаром. Вторым принципом выделения корпусов текстов стало разнообразие связей в соответствии с введенным различием между прямыми и косвенными тематическими связями локального и медийного дискурсов, для чего будет оцениваться их количество для каждого из рассматриваемых городов. Также немаловажно, к каким сюжетам – пяти основным или 8 дополнительным – будут относиться прямые и косвенные тематические связи, поскольку развитие дополнительных сюжетов способствует созданию более качественного и привлекательного образа города для разных социальных и культурных групп.

В соответствии со вторым принципом можно разделить все рассматриваемые города в зависимости от тематической структуры их образов на несколько групп. К первой группе будут относиться уже упоминавшиеся Екатеринбург и Краснодар, а также Белгород. В данной группе количество и разнообразие прямых и косвенных тематических связей наиболее развито. Для корпуса текстов, связанных с образом Краснодара, можно выделить 5 прямых тематических связей, из которых две определяются основными темами (управление и городская событийность), а еще три – дополнительными (культура, инфраструктура и преступность). Для корпуса текстов Белгорода прямых тематических связей четыре – две основных (управление, городская событийность) и две дополнительных (инфраструктура, преступность). К прямым тематическим связям медийного и локального образов Екатеринбурга относятся городская событийность из основных тем, а также политика и преступность из набора дополнительных тем. При этом не прямые связи для медийного и локального образа данных городов тематически взаимно пересекаются, при этом затрагивая 4 основные темы (за исключением темы происшествий) (Табл. 1, 2, 3).

Таблица 1.

**Тематическая и сюжетная структура образа Екатеринбурга
в локальном и медийном дискурсе**

Доля сообщений на тему в тематической структуре, %		Тема	Сюжет	Доля сообщений, связанных с сюжетом, в тематической структуре, %	
Медийный дискурс	Локальный дискурс			Медийный дискурс	Локальный дискурс
84%	16.9%	управление, градорегулирование	интернет-обсуждения	0%	22%
			криминал	0%	16%
			культура	24.9%	0%
			политика	23.4%	27%
			события	25.3%	12%
7%	61.1%	спорт	спорт	25.3%	0%
			события	100%	80%
3%	17.0%	экономика	экономика	0%	17%
			интернет-обсуждения	0%	28%
			инфраструктура	26%	0%
			криминал	26%	0%
			события	36%	34%
4%	0.0%	события	управление	24%	0%
			экономика	0%	39%
			достижения	16%	0%
			инфраструктура	26%	0%
5.0%	0.1%	происшествия	обществ. самоорганизация	20%	0%
			события	39%	0%
			безопасность	100%	0%

Таблица 2.

**Тематическая и сюжетная структура образа Краснодара
в локальном и медийном дискурсе**

Доля сообщений на тему в тематической структуре, %		Тема	Сюжет	Доля сообщений, связанных с сюжетом, в тематической структуре, %	
Медийный дискурс	Локальный дискурс			Медийный дискурс	Локальный дискурс
26%	2.5%	управление, градорегулирование	управление	100%	0%
			события	0%	100%

Окончание табл. 2.

7%	61.1%	спорт	события	23%	77%
			экономика	77%	0%
			инфраструктура	0%	22%
25%	5.8%	экономика	инфраструктура	33%	0%
			криминал	0%	16%
			теневые структуры	0%	49%
			экономика	67%	0%
			субкультура	0%	24%
			управление	0%	11%
39%	30.5%	события	инфраструктура	25%	0%
			криминал	26%	0%
			события	26%	61%
			спорт	0%	31%
			культура	17%	0%

Таблица 3.

**Тематическая и сюжетная структура образа Белгорода
в локальном и медийном дискурсе**

Доля сообщений на тему в тематической структуре, %		Тема	Сюжет	Доля сообщений, связанных с сюжетом, в тематической структуре, %	
Медийный дискурс	Локальный дискурс			Медийный дискурс	Локальный дискурс
77%	68.3%	управление, градорегулирование	инфраструктура	12.6%	5.0%
			события	59.9%	0.0%
			управление	22.3%	3.0%
			экономика	0%	64%
			спорт	2.8%	15%
0.1%	1.9%	спорт	интернет-обсуждения	0.0%	18%
			события	0.0%	36%
			спорт	0.0%	45%
10%	6.8%	экономика	инфраструктура	39%	15%
			теневые структуры	48%	10%
			управление	12%	45%
			безопасность	0%	25%
2%	22.9%	события	интернет-обсуждения	0%	50%
			события	43%	0%
			управление	57%	50%
2.0%	0.1%	происшествия	криминал	100%	0%

Ко второй группе городов в соответствии с тематической структурой их образов относятся Новосибирск, Томск и Тюмень. Для этих городов характерно 2–3 прямых связи и максимум две косвенных связи, как правило между темами управления, спорта и экономики, из которых к дополнительным сюжетам (общественная самоорганизация, преступность) будет относиться только максимум одна тема, а две или три остальных – к основным темам (управление, спорт, экономика, события). При этом по общее количество затрагиваемых сюжетов у Новосибирска меньше, чем у Томска и Новосибирска и близко к Воронежу (Табл. 4, 5, 6).

Таблица 4.

**Тематическая и сюжетная структура образа Томска
в локальном и медийном дискурсе**

Доля сообщений на тему в тематической структуре, %		Тема	Сюжет	Доля сообщений, связанных с сюжетом, в тематической структуре, %	
Медийный дискурс	Локальный дискурс			Медийный дискурс	Локальный дискурс
84%	32%	управление, градорегулирование	события	42%	22%
			инфраструктура	43.8%	0%
			управление	0%	13%
			самоорганизация	0%	18%
			достижения	0%	10%
			экономика	0%	10%
1%	23.4%	спорт	события	100%	0%
			достижения	0%	83%
7%	10%	экономика	самоорганизация	78%	0%
			управление	0%	67%
			судебные разбирательства	23%	0%
			интернет-обсуждения	33%	0%
1%	0.1%	происшествия	безопасность	100%	0%

Таблица 5.

**Тематическая и сюжетная структура образа Тюмени
в локальном и медийном дискурсе**

Доля сообщений на тему в тематической структуре, %		Тема	Сюжет	Доля сообщений, связанных с сюжетом, в тематической структуре, %	
Медийный дискурс	Локальный дискурс			Медийный дискурс	Локальный дискурс
37.0%	72.6%	управление, градорегулирование	управление	70.2%	43%
			теневые структуры	29.8%	0%
			культура	0%	24%
			спорт	0%	23%
18.0%	19.7%	спорт	достижения	48%	0%
			спорт	48%	0%
			интернет-обсуждения	0%	13%
			теневые структуры	0%	77%
			события	0%	10%
30.0%	7.6%	экономика	управление	64%	14%
			экономика	36%	0%
			инфраструктура	0%	10%
			криминал	0%	76%
12.0%	0.1%	происшествия	безопасность	15%	0%
			криминал	85%	0%

Таблица 6.

**Тематическая и сюжетная структура образа Тюмени
в локальном и медийном дискурсе**

Доля сообщений на тему в тематической структуре, %		Тема	Сюжет	Доля сообщений, связанных с сюжетом, в тематической структуре, %	
Медийный дискурс	Локальный дискурс			Медийный дискурс	Локальный дискурс
73%	37.6%	управление, градорегулирование	управление	100%	0%
			события	0%	100%
5%	24.6%	спорт	события	100%	32%
			спорт	0%	32%
			достижения	0%	30%

Окончание табл. 6.

4%	4.2%	экономика	самоорганизация	55%	0%
			теневые структуры	45%	0%
			управление	0%	25%
			экономика	0%	75%
10%	14.3%	происшествия	безопасность	79%	80%
			политика	21%	0%
			экономика	0%	20%

Отдельно, по принципу разнообразия, необходимо рассматривать Воронеж, поскольку он обладает только одной прямой тематической связью (управление), которая является доминантной для его тематической структуры. Из-за отсутствия в тематической структуре связей доминантной темы с другими темами, образ Воронежа оказывается предельно однообразным, как в локальном, так и в медийном дискурсе. В то же время дополнительные темы, которые возникают в рамках локального или медийного дискурсов, тематически и сюжетно не пересекаются и поэтому не становятся значимыми для формирования образа города (Табл. 7).

Таблица 7.

**Тематическая и сюжетная структура образа Воронежа
в локальном и медийном дискурсе**

Доля сообщений на тему в тематической структуре, %		Тема	Сюжет	Доля сообщений, связанных с сюжетом, в тематической структуре, %	
Медийный дискурс	Локальный дискурс			Медийный дискурс	Локальный дискурс
64%	33.90%	управление, градорегулирование	управление	89.4%	62%
			интернет-обсуждения	0%	21%
11%	1%	спорт	спорт	31%	0%
			теневые структуры	39%	0%
			управление	19%	0%
			безопасность	0%	100%

Окончание табл. 7.

6%	36%	события	культура	56%	40%
			обществ. само- организация	44%	18%
			субкультура	0%	21%
			события	0%	19%
16%	15.4%	пронсшествия	судебные разби- рательства	84%	0%
			безопасность	0%	50%
			управление	0%	50%

Таким образом, можно сформулировать гипотезу о наличии определенных закономерностей в формировании образа города. Города первой группы можно определить как города, находящиеся в границе культурных и географических ареалов, при этом все они расположены на периферии европейской части России. Воронеж является исключением из этого правила, поскольку в отличие от остальных городов, расположенных на Урале или в Центральной России, обладает достаточно бедной тематической структурой образа в периоды наибольшей публикационной активности в медийном и локальном дискурсе. С другой стороны, можно говорить о менее разнообразном образе сибирских городов – Новосибирска, Томска и Тюмени. При этом определение причин данного разделения, их зависимость от географического положения, политических или иных факторов требует более отдельного детального исследования.

В результате проведенного анализа исходные корпуса текстов медийного и локального дискурса 1-го порядка были структурированы сначала по тематике и периоду выхода публикации, затем по периодам наибольшей частоты выхода публикаций, а на последнем этапе был сделан двух этапный сюжетно-тематический анализ для контекстов 1-го и 2-го порядков, в которых встречались слова-стимулы ассоциаций. Таким образом, с одной стороны, была предложена процедура структурирования крупного корпуса текстов. С другой – на основе получившихся в ходе исследования набора слов-стимулов

и ассоциаций с ними связанных был сформирован словарь ассоциаций для каждого города. На основе данного словаря были выявлены тематические ассоциативные поля и концепты, что позволило в дальнейшем описать тематическую структуру наиболее важных тем, из которых складывается образ каждого города.

На основе динамики публикационной медийной и повседневной активности каждого города было показано, что в медийном дискурсе не выделяются отдельные темы, характерные для города, они активно проявляются только в локальном дискурсе в виде пиков публикационной активности. Таким образом, подтверждается тезис, выдвинутый в начале статьи, что реальные процессы в городе и его уровень развития человеческого потенциала будет отражать, прежде всего, взаимосвязь тематической структуры медийного дискурса с дискурсом повседневным.

С точки зрения изучения человеческого потенциала выборка городов, для которых проводилось исследования, позволяла обозначить возможные особенности городов в зависимости от уровня развития человеческого потенциала. Таким образом, анализ тематической структуры корпуса текстов, выявленных для данных городов, было возможно сопоставить с уровнем развития человеческого потенциала в них. При этом основным критерием оказалось разнообразие тематической структуры корпусов текстов в зависимости от количества тематических полей на тематическом и сюжетном уровне, а также от количества тем, которые присутствовали не только в медийном, но и в локальном дискурсе и общего количества затронутых тем. В результате были выделены три группы городов по количеству основных тематик, хотя позиция Новосибирска неоднозначна – по общему количеству затрагиваемых – по общему количеству затрагиваемых сюжетов он ближе к Воронежу, чем к Томску и Тюмени:

- к группе городов с наиболее разнообразной тематической структурой корпусов текстов относятся Екатеринбург, Краснодар и Белгород;
- к городам с менее разнообразной тематической структурой следует отнести Новосибирск, Тюмень и Томск;
- городом с наиболее бедной структурой, тяготеющей к одной тематике, оказался Воронеж.

Выводы

Таким образом, только те города будут привлекательны для жизни и работы людей с высоким уровнем развития человеческого потенциала, в которых их медийный дискурс убедительно отражает развитие человеческого потенциала рассматриваемого города, и темы, поднимаемые в медийном дискурсе, существуют также и на локальном уровне. Также оказывается важной более сложная структура соотношения тем и сюжетов. Сочетание разных тем и сюжетов позволяет рассматривать эти структуры как более взаимосвязанные и привлекательные с точки зрения городского образа.

Развитие данного исследования может быть проведено по двум основным линиям. С одной стороны, представляется возможным проанализировать, с какими другими частными образами города взаимодействует по тематике и сюжетам медийный дискурс СМИ, чтобы определить другие аспекты городской жизни, влияющие на формирование образа города. С другой стороны, может быть продолжена работа с ассоциативным словарем, и по результатам анализа слов-стимулов 1-го и 2-го порядком могут быть выявлены элементы города и его социальной жизни, чей частный образ оказывает влияние на образ города в целом.

Также, полученные результаты позволяют утверждать, что развитие и брендинг территорий должен строиться, прежде всего, на развитии тем и образов уже существующих на локальном уровне, а

не создавать новые медийные концепты. Таким образом, образ города может отражать более стереотипные и устойчивые представления городской жизни, развитие которых не требует серьезных культурных и социальных изменений.

Исследование выполнено в рамках подготовки раздела «Виртуальная среда городов: Интернет и социальные сети» Исследования городов РФ «Борьба за горожанина: человеческий потенциал и городская среда» под научным руководством проф., к. арх. А.А. Высоковского Высшей школой урбанистики НИУ-ВШЭ совместно с компанией «Новая земля» по заказу Программной дирекции Московского урбанистического форума в 2014г. при участии О. Самоволик. Краткий отчет в электронном виде размещен на сайте Форума по адресу: http://mosurbanforum.ru/archive/forum2014/analitika/issledovanie_gorodov_rf_bor_ba_za_gorozhanina_chelovecheskij_potencial_i_gorodskaya_sreda/

Список литературы

1. Борьба за горожанина: человеческий потенциал и городская среда // Высшая школа урбанистики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», компания «Новая земля» // И.М. Курячий, Е.А. Дыба, Е.А. Котов, П.В. Иванов, Н.В. Мкртчян, С.Н. Маслова, Н.А. Волкова, Т.Е. Шварева, Л.Б. Карачурина, О.Д. Самоволик, А.В. Городничев, А.А. Миксюк, А.А. Волкова Под. научн. ред. А.А. Высоковского [Электронный ресурс]. URL.: <http://mosurbanforum.ru/online/> (дата обращения 29.05.2016).
2. Гор А.М., Палмер Р. Странствующая столица: роль культуры в развитии территории. [Пер. с англ.] М.: Институт культурной политики, 2007. 196 с.
3. Горошко Е.И. Описание механизмов ассоциирования и проблема классификации реакций // Интегративная модель свободного ассо-

- циативного эксперимента: Монография // Е.И. Горошко. URL: <http://www.textology.ru/article.aspx?aId=94> (дата обращения 29.05.2016).
4. Замятин Д.Н. Мета-география: Пространство образов и образы пространства. М.: Аграф, 2004. С. 51–53.
 5. Йоргенсен М.В., Филлипс Л.Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод. [Пер. с англ.] Харьков: Издательство «Гуманитарный центр», 2008. 352 с.
 6. Мартинович Г.А. Типы вербальных связей и отношений в ассоциативном поле // Вопросы психологии. 1990. № 2. С. 143–146.
 7. Материалы к «Словарю локального текста Могилева-Подольского» / Алексеевский М.Д., Жердева А.М., Лурье М.Л., Сенькина А.А. // Антропологический форум. 2008. №. 8. С. 419–442.
 8. Найденова Н.С. Межкультурные особенности рекламных слоганов. Функциональная семантика, семиотика знаковых систем и методы их изучения // II Новиковские чтения: Материалы Международной научной конференции (Москва, 16–17 апреля 2009 г.). М.: РУДН, 2009. С. 366–368. URL: http://web-local.rudn.ru/web-local/prep/rj/files.php?f=rf_9cb23e56cee9e4b1e5339251b238441b (дата обращения 29.05.2016).
 9. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. Т. I. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов. М.: АСТ-Астрель, 2002. 784 с. Т. II. От стимула к реакции: Более 100 000 реакций. М.: АСТ-Астрель, 2002. 992 с.
 10. Kavaratzis M., & Ashworth G.J. (2006). City branding: An effective assertion of identity or a transitory marketing trick? // *Journal of Economic and Social Geography*. 2005. № 96 (5), pp. 506–514.
 11. Gatkowska I. Word Associations as a Linguistic Data // P. Chruszczewski, J. Rickford, K. Buczek, A. Knapik, J. Mianowski (eds.), *Languages in Contact 2012*, Vol.1, Wrocław, pp. 79–92.
 12. Kiss G.R., Armstrong C., Milroy R., and Piper J. An associative thesaurus of English and its computer analysis // Aitken A.J., Bailey R.W. and

- Hamilton-Smith N. (Eds.), *The Computer and Literary Studies*, Edinburgh University Press, 1973, pp. 153–165.
13. Nelson D.L., McEvoy C.L., Schreiber T.A. The University of South Florida free association, rhyme, and word fragment norms // *Behavior Research Methods, Instruments, & Computers*. 2004. T. 36. №. 3, pp. 402–407.
14. Shokhenmayer E. *Semantika imen sobstvennykh i ikh assotsiativnyie polia* // *Théorie et pratique de l'enseignement professionnel supérieur: contenu, technologies, qualité*. Presses de l'Université Pédagogique d'Orenbourg, 2003. №. XXV, pp. 162–168.
15. Smith B., Mark D. Ontology with human subjects testing // *American Journal of Economics and Sociology*. 1998. T. 58. №. 2, pp. 245–312.

References

1. *Bor'ba za gorozhanina: chelovecheskij potencial i gorodskaja sreda* [Study on Russian Cities “Enhancing Capabilities: Human Development in Russian Cities Today”] / Graduate School of Urbanism, National Research University Higher School of Economics, «Novaya Zemlya» / I.M. Kuryachiy, E.A. Dyba, E.A. Kotov, P.V. Ivanov, N.V. Mkrtchyan, S.N. Maslova, N.A. Volkova, T.E. Shvarev, L.B. Karachurina, O.D. Samovolik, A.V. Gorodnichev, A.A. Miksyuk, A.A. Volkova Ed. A.A. Vysokovskogo, Moscow Urban Forum, 2014. http://mosurbanforum.com/archive/forum2014/analytical_reviews/study_on_russian_cities_fight_for_citizens_human_potential_and_the_urban_environment/ (accessed May 29, 2016).
2. Gor A.M., Palmer R. *Stranstvuyushchaya stolica: rol' kul'tury v razvitiiterritorii* [Wandering capital: the role of the culture in the territorial development]. M.: Institut kul'turnoj politiki, 2007. 196 p.
3. Goroshko E.I. *Opisanie mekhanizmov associirovaniya i problema klassifikacii reakcij* [The review of associative mechanisms and classification of the reactions]. *Integrativnaya model' svobodnogo associativnogo ehksper-*

- imenta* [The integrative model of the free associative experiment]. 2001. <http://www.textology.ru/article.aspx?aId=94> (accessed May 29, 2016).
4. Zamyatin D.N. *Meta-geografiya: Prostranstvo obrazov i obrazy prostranstva* [Metageography: The Space of Images and the Images of the Space]. M.: Agraf, 2004, pp. 51–53.
 5. Jørgensen M.W., Phillips L. J. *Discourse analysis as theory and method*. Sage, 2002. 352 p.
 6. Martinovich G.A. Tipy verbal'nyh svyazey i otnoshenij v associativnom pole [the types of verbal connections in associative field]. *Voprosy psichologii*. 1990. № 2, pp. 143–146.
 7. Materialy k «Slovaryu lokal'nogo teksta Mogileva-Podol'skogo» [Materials for «The Dictionary of Local Text of Mogilev-Podolsky»] / Alekseevskij M., Zherneva A., Lourie M., Senkina A. *Antropologicheskij forum* [Anthropological forum]. 2008. №. 8, pp. 419–442.
 8. Najdenova N.S. *Mezhkul'turnye osobennosti reklamnyh sloganov* [Cross-cultural qualities of the advertising tags] / *Funkcional'naya semantika, semiotika znakovykh sistem i metody ih izucheniya II Novikovskie chteniya: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Moskva, 16–17 aprelya 2009 g.)* [II Novikov read: Proceedings of the International scientific conference (Moscow, 16–17 April 2009)]. M.: RUDN, 2009, pp. 366–368 Available at: http://web-local.rudn.ru/web-local/prep/rj/files.php?f=p-f_9cb23e56cee9e4b1e5339251b238441b (accessed May 29, 2016).
 9. *Russkij associativnyj slovar'* [Russian associative dictionary]. V 2 t. / Yu.N. Karaulov, G.A. Cherkasova, N.V. Ufimceva, Yu.A. Sorokin, E.F. Tarasov. T.I. Ot stimula k reakcii: Ok. 7000 stimulov. M.: AST-Astrel', 2002. 784 p. T. II. Ot stimula k reakcii: Bolee 100 000 reakcij. M.: AST-Astrel', 2002. 992 p.
 10. Kavaratzis M., & Ashworth G.J. (2006). City branding: An effective assertion of identity or a transitory marketing trick? *Journal of Economic and Social Geography*. 2005. № 96 (5), pp. 506–514.

11. Gatkowska I. Word Associations as a Linguistic Data / P. Chruszczewski, J. Rickford, K. Buczek, A. Knapik, J. Mianowski (eds.), *Languages in Contact* 2012, Vol.1, Wrocław, 79–92.
12. Kiss G.R., Armstrong C., Milroy R., and Piper J. *An associative thesaurus of English and its computer analysis* /Aitken A.J., Bailey R.W. and Hamilton-Smith N. (Eds.), *The Computer and Literary Studies*, Edinburgh University Press, 1973, pp. 153–165.
13. Nelson D.L., McEvoy C.L., Schreiber T.A. The University of South Florida free association, rhyme, and word fragment norms. *Behavior Research Methods, Instruments, & Computers*. 2004. V. 36. №. 3, pp. 402–407.
14. Shokhenmayer E. *Théorie et pratique de l'enseignement professionnel supérieur: contenu, technologies, qualité*. Presses de l'Université Pédagogique d'Orenbourg, 2003. №. XXV, pp. 162–168.
15. Smith B., Mark D. Ontology with human subjects testing. *American Journal of Economics and Sociology*. 1998. V. 58. №. 2, pp. 245–312.

ДАНИЕ ОБ АВТОРЕ

Волкова Наталия Алексеевна, аспирант филологического факультета

Российский университет дружбы народов (РУДН)

ул. Миклухо-Маклая, 10/2, г. Москва, 117198, Российская Федерация

chestrek@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Volkova Nataliya Alexeevna, PhD Student at Department of Foreign Languages, Philological Faculty

Peoples' Friendship University of Russia

10/2, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russian Federation

chestrek@gmail.com

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-3-2-164-174

УДК 82-09

ТРАКТОВКИ ОБРАЗА ЛИРИЧЕСКОЙ ГЕРОИНИ Б. АХМАДУЛИНОЙ В ТРУДАХ 1985–2000-х гг.

Волкова Т.В.

В статье рассматриваются труды 1985–2000-х гг., посвященные поэзии второй половины XX века. Предмет исследования – подходы к истолкованию и оценке ключевых черт субъекта речи Б. Ахмадулиной на фоне творчества её современников. Цель работы заключается в систематизации существующих подходов к данному аспекту, а также в определении закономерностей и оснований для систематизации. Использование системно-целостного метода обусловлено спецификой творчества исследуемого поэта, а также особенностями литературного процесса. В результате проведенного исследования в ряду критериев для оценивания творчества поэта второй половины XX века выделены: соответствие/несоответствие лирического героя идеалу Поэта конкретной эпохи (особенно значимо для оттепельной и постоттепельной поэзии); обращённость к традиции как способу создания образа субъекта речи (в контексте ренессансного импульса для взлёта лирики 50–60 гг.); внимание к носителю авторского сознания: его характеру, специфическим чертам, способам создания образа и т.д.

Цель работы – систематизировать существующие подходы к истолкованию образа основного субъекта речи в поэзии Б. Ахмадулиной.

Метод или методология проведения работы. В основу методики исследования положен системно-целостный подход, включаю-

щий семиотический и культурно-исторический анализ, использование биографического, общественно-исторического метода.

Результаты. В результате автор приходит к выводу о том, что постперестроечные труды о поэзии Б. Ахмадулиной при всём разнообразии подходов имеют общую направленность, обусловленную тенденциями развития общественного и литературного процесса. Также в статье сделаны заключения о том, какие именно аспекты интересовали исследователей поэзии Ахмадулиной в 1985–2000-е гг.

Область применения результатов: исследования в области истории литературы второй половины XX века, теоретико-литературные и историко-литературные курсы в вузе и школе.

Ключевые слова: *неоакмеизм; лирическая героиня; субъект речи; рефлексия; образ; традиция; эстетические принципы.*

INTERPRETATION OF THE IMAGE OF B. AKHMADULLINA'S LYRICAL HERO IN THE RESEARCH WORKS OF 1985–2000

Volkova T.V.

The article deals with the research works of 1985–2000, which are devoted to the poetry of the second half of the twentieth century. The approaches to the interpretation and evaluation of the main features of the Akhmadullina's lyrical hero as compared to the works of her contemporaries constitute the subject of the research. The aim is to systematize the existing approaches considering this aspect, as well as to determine the patterns and reasons for the ordering. The system-holistic method was used due to the specificity of the Akhmadullina's creativity as well as the features of the literary process. As the result of the research the following criteria for evaluating the work of the poet of the second half of the

twentieth century were defined, the ones being matching or discrepancy of the lyrical hero and the poet's ideal of a particular period (which is especially significant for the poetry of the so-called "thaw" and "post-thaw" periods); focus on the tradition as a way of creating an image of the speech subject (in the context of the lyric poetry's Renaissance impulse; attention to the the author's consciousness medium: the author's personality, specific features, methods of image creation, etc.

Purpose – to systematize the existing approaches to the image interpretation of the main subject of the speech in B. Akhmadullina's poetry.

Methodology. The author uses the system-holistic approach, which includes semiotic and cultural-historical analysis, biographical, social and historical method.

Results: As a result, the author concludes that the "post-perestroika" research works on B. Akhmadullina's poetry contain a variety of approaches, but have a common focus due to particular trends in the development of social and literary process. The article contains conclusions about aspects of the researchers' interest in Akhmadullina's poetry in 1985–2000.

Practical implication: research into the history of literature in the second half of the XXth century, the theoretical literature courses and courses on the history of literature in high school and secondary school.

Keywords: *neoakmeizm; lyrical hero; speech subject; reflection; image; tradition; aesthetic principles.*

Б.А. Ахмадулина выходит «на литературную сцену» в середине 1950-х гг. XX в. Переломные события накладывают отпечаток на культуру и искусство, оказывают влияние на литературный процесс, способствуют формированию эстетических взглядов, сходство которых приводит к появлению общих тенденций в поэзии («эстрадная» поэзия, «тихая лирика», авторская песня, «фронтное поколение», «околоахматовский кружок», «неоакмеисты-шестидесятники», «задержанное поколение» и т.д.).

Доминирующие идеологические воззрения определяют выбор критериев для оценки творчества поэта, обозначается круг основных аспектов изучения его наследия.

Во второй половине 1980-х гг. обнаруживается изменение «настроений» в критике. В содержательном отношении исследователей интересуют «перестройка» тематики, мотивики, образа субъекта речи. В литературоведческих работах в центре внимания оказываются апелляция к классическим традициям медитативной лирики, индивидуально-авторская картина мира, специфика образа лирического субъекта. В трудах 1990–2000-х годов предметом исследования становятся творческая манера, идиостиль, поэтическое наследие во взаимосвязи с общественно-историческими событиями, отразившимися в мировоззрении автора, в его эстетических принципах.

В работах о творчестве Б. Ахмадулиной, написанных в 1985–2000-е гг., преобладает целостный анализ поэтического наследия. Изучается картина мира лирического субъекта или отдельные её составляющие, при этом ключевым аспектом становится образ Поэта.

Критиков и исследователей, в том числе поэтов и писателей, интересуют изменения в носителе авторского сознания, его специфические черты, способы создания образа и т.д. На продолжение идей русской народно-демократической поэзии, близость к Н.А. Некрасову указывает Вл. Леонович (1987) [9, с. 222]. Об эмоциональной чуткости, автобиографичности героини, её нежности по отношению к миру вокруг пишет критик С. Чупринин (1987) в статье «Я воспою любовь» [17]. «Постперестроечные» труды о наследии Ахмадулиной характеризуются вниманием к более зрелым этапам творчества, что отчасти связано с общеидеологическим стремлением к «отказу от прежнего», отчасти – со «временем творческой активности и подведения итогов» [3]. В этих работах

появляется взгляд на лирику Ахмадулиной как на явление, объединяющее в себе черты различных направлений поэзии второй половины XX века.

В конце 1990-х гг. защищены две диссертации по творчеству поэта. Т.В. Алешка рассматривает его в контексте традиций русской поэзии [2]. В центре внимания И.В. Аведовой – жанровая система [1]. Именно в это время предпринимаются первые попытки периодизации творчества, постулируется многоаспектность и синергетичность наследия Ахмадулиной: в работах исследователей освещаются неакмеистические черты, признаки «эстрадной» поэзии, особенности «тихой лирики» и т.д., нашедшие отражение в характере лирической героини.

Ряд критиков в 1990-е годы говорит о различных чертах субъекта речи Ахмадулиной (особенностях, преимущественно свойственных Художнику). В. Куллэ указывает на создание альтернативного мира, детское мировидение, о фактуре стиха [7]. Американский исследователь S. Ketchian уделяет внимание эстетической общности с Ахматовой, Цветаевой, Мандельштамом, Пастернаком [17], о преемственности традиций Пастернака размышляет поэт И. Бродский [5]; в 1 томе «Encyclopedia of Continental Women writers» отмечено «умение сплестать глубоко личное начало с погружением в общественную жизнь» [16, с. 11], подобная идея развивается в статье О.Н. Григорьевой и Т.В. Тевалинской о синестетической поэзии Ахмадулиной [5] и т.д.

Итак, в исследованиях 1990-х годов намечается логичная и обоснованная тенденция рассматривать эстетические принципы как сложившиеся, а творчество – как тяготеющее к подведению итогов. По словам В. Славецкого, «В начале 90-х годов в стихах стояли стон и плач, продолжают они и до сих пор, но уже по инерции» [12, с. 52].

С оценкой творчества Ахмадулиной в 1990–2000-е гг. сходна характеристика «постакмеистов», среди которых Д. Кузьмин называет Б. Кенжеева, и Е. Шварц [6, с. 3–38]. Первому, как Ахмадулиной, свойственны «ожидание праздника», принадлежность к «неспящему поколению» и «взгляд за пределы текста» [6]. Е. Шварц принадлежит рецензия на книгу Ахмадулиной «Ларец и ключ», где охарактеризован центральный образ поэзии, продолжающей акмеистическую традицию во второй половине XX века: «Поэт проходит путь мага, приобретая способность восхищаться миром, сопереживать всему живому» [15, с. 265]. Такая чуткость понимания заглавного образа в системе поэта обусловлена эстетической близостью двух художников.

Таким образом, можем говорить об усилении в 1990-е годы интереса литературоведов, критиков к творчеству Ахмадулиной. При этом основная тенденция – отсутствие стремления «уместить» её стиль, меру, мотивно-образную систему и т.д. в определённые рамки.

В начале 2000-х гг. появляется множество литературоведческих статей, диссертационные исследования, разного рода обзоры, в которых вслед за М.Н. Лейдерманом и Н.Л. Липовецким [8] «отправной точкой» для размышлений становится «принадлежность» поэта к продолжению акмеистических традиций (романтический вариант неоакмеизма). Е.Э. Фетисова понимает неоакмеизм (постакмеизм) как единую культурную парадигму [13], которой характерна концепция культуры как общего стержня смыслов, образ Поэта-Демиурга и т.д. Наследие Ахмадулиной оценивается как этап «жизни» акмеистических идей во второй половине XX века.

По мнению Е.Н. Афанасенковой, М.С. Михайловой и И.В. Остапенко, творчество поэта строится на синтезе черт «громкой», «тихой» лирики и поэзии неоакмеизма. Исследователи подчеркивают значимость исторического наследия для формирования образа

внутритекстового «Я». Лирическая героиня Б. Ахмадулиной погружена «в информационное поле духовной культуры народа», переживающей историю как собственную духовную биографию» [8, с. 168].

М.С. Михайлова в диссертации «Поэзия Беллы Ахмадулиной: динамика лирической книги» [10] пристально рассматривает эволюцию мотивно-образной системы, изменения в образе субъекта речи в рамках ключевых сборников. Учёный уделяет внимание «итоговой книге» «Влечёт меня старинный слог» (2001), отмечая черты завершенности в области тем, мотивов, ключевых образов и т.д. Авторы данных исследований сходятся в интерпретации образа мировой художественной культуры у Ахмадулиной: этот образ выдвигается на первый план, он многомерен и является «средоточием концепции мира и человека» [3].

К пониманию доминант в мировидении Поэта у Ахмадулиной И.В. Остапенко приходит через постижение пейзажного дискурса. Лирический субъект Ахмадулиной «в поисках собеседника создает свой собственный мир из природных номинаций, но выстраивает его не по законам физики, а в согласии с авторскими стратегиями. Природная номинация в авторском сознании претерпевает определенную редукцию и в виде самостоятельного «образа-знака» формирует художественный мир поэта» [11, с. 380–381].

Итак, в 2000-е годы интерес к изучению поэзии Ахмадулиной усиливается, предметом рассмотрения становится целостная картина мира и её связь с эстетическими принципами. При этом переосмыслению подвергается опыт советского литературоведения в интерпретации и анализе произведений поэта.

Таким образом, 1990-е годы рассматриваются современниками как период, характеризующийся укреплением сложившейся эстетической системы, в которой центральное место занимает образ

Культуры, выраженный Словом. Со второй половины 1980-х гг. подвергается пересмотру опыт советского литературоведения в оценке поэзии Ахмадулиной: «принадлежность» ко «громкой» (в 1960-е) и близость «тихой» лирике (в 1970-е) изучается в связи с особенностями общекультурного и литературного процесса.

Творчество 2000-х годов нельзя назвать самым плодотворным периодом, однако выходит ряд книг, объединяющих стихи прошлых лет и некоторые новые. В контексте поэзии рубежа XX–XXI вв. Белла Ахмадулина выступает как представитель «старшего поколения», верная принципу избирательности, отличающаяся особой манерой, мотивно-образной системой и т.д.

Выявление указанных черт в работах 1985–2000 гг. позволяет в качестве основополагающей идеи принять концепцию неоакмеизма как единой культурной парадигмы. Применение такого подхода для декодирования скрытого в мировидении лирической героини Б. Ахмадулиной возможно также ввиду согласованности с идеей о подчинении Художника мировой культуре. Носитель речи в неоакмеистической лирике – одаренный субъект, неоромантик. Самоопределение данной субъектной формы организуется в тексте через воссоздание напряженных раздумий, рефлексии.

Список литературы

1. Аведова И.В. Жанровая система поэзии Б. Ахмадулиной: дис. ... к.ф.н. Тверь, 1999. 189 с.
2. Алешка Т.В. Творчество Б. Ахмадулиной в контексте традиций русской поэзии. Минск: БГУ, 2001. 124 с.
3. Афанасенкова Е.Н. Особенности творческой манеры Б.А. Ахмадулиной (поэзия, проза): дис. ... к.ф.н. Ростов-на-Дону, 2005. 174 с.
4. Бродский И.А. Лучшее в русском языке // В кн.: Ахмадулина Б. Миг бытия. М.: Аграф, 1997. С. 258–269.

5. Григорьева О.Н., Тевалинская, Т.В. «Синестетическая» поэзия Б. Ахмадулиной // Вестник МУ, Сер. 9. Филология. 1990. № 4. С. 12–19.
6. Кузьмин Д. Русская поэзия в нач. XXI века // РЕЦ. № 48, 2008. С. 3–38.
7. Куллэ В. Ушедшая в гобелен. // Литературное обозрение. 1997. №3. С. 17–20.
8. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Русская литература XX в.: 1950–1990-е годы. Т. 2. 1968-1990. М.: Academia, 2008. 688 с.
9. Леонович Вл. Голос, «равный душе» // Лит. Грузия. 1987. №5. С. 222.
10. Михайлова М.С. Поэзия Беллы Ахмадулиной: динамика лирической книги: дис. ... к.ф.н. Барнаул, 2008. 181 с.
11. Остапенко И.В. Природа в русской лирике 1960–1980-х годов: от пейзажа к картине мира: монография. Симферополь: ИТ «АРИ-АЛ», 2012. 432 с.
12. Славецкий В.И. Русская поэзия 80–90-х годов XX века: тенденции развития, поэтика. М.: Лит. ин-т им. А.М. Горького, 1998. 174 с.
13. Фетисова Е.Э. Неоакмеизм как «культурная парадигма» XX века // Философия и культура. 2013. №2(62). С. 210–218.
14. Чупринин С. Способ совести: О поэзии Б. Ахмадулиной // Лит. обозрение. 1978. №10. С. 49–53.
15. Шварц Е. «Ларец и ключ» // Ахмадулина Б.А. Миг бытия. М.: Аграф, 1997. С. 265–269.
16. Encyclopedia of Continental Women Writers, Part 1. Ed. by Katharina M. Wilson. Chicago and London: St James Press, 1991. 1389 p.
17. Ketchian S.I. The poetic craft of Bella Akhmadulina. New-York: University Park, 1993. 248 p.

References

1. Avedova I.V. *Zhanrovaja sistema poezii B. Ahmadulinoj: dis. ... k.f.n.* [Genre system of B. Akhmadullina's poetry: Ph.D. dissertation]. Tver, 1999. 189 p.

2. Aleshka T.V. *Tvorchestvo B. Ahmadulinoj v kontekste tradicij ruskoj poezii* [B. Akhmadullina's creativity in the context of Russian poetry's tradition]. Minsk: BGU, 2001. 124 p.
3. Afanasenkova E.N. *Osobennosti tvorcheskoj manery B.A. Ahmadulinoj (poezija, proza): dis. ... k.f.n.* [Features of B.A. Akhmadullina's creative manner (poetry, prose): Ph.D. dissertation]. Rostov-na-Donu, 2005. 174 p.
4. Brodskiy I.A. *Luchshee v russkom jazyke*. V kn.: Ahmadulina B. *Mig bytija* [The best in Russian language. Moment of life]. Moscow: Agraf, 1997, pp. 258–269.
5. Grigorieva O.N., Tevalinskaya T.V. «Sinesteticheskaja» poezija B. Ahmadulinoj [“Synesthetic” poetry of B. Akhmadullina]. *Vestnik MU, Serija 9. Filologiya*, no. 4. (1990), pp. 12–19.
6. Kuzmin D. Russkaja poezija v nachale XXI veka [Russian poetry at the beginning of the XXI century]. *REC*. No. 48 (2008), pp. 3–38.
7. Kulle V. *Literaturnoe obozrenie* [Literature Review]. No.3 (1997), pp. 17–20.
8. Leyderman N.L., Lipoveckiy M.N. *Russkaja literatura XX v.: 1950–1990. T. 2. 1968–1990*. [Russian literature of XX century 1950–1990 Vol. 2. 1968–1990]. Moscow: Academia, 2008. 688 p.
9. Leonovich Vl. *Golos, «ravnyj dushe» Lit. Gruzija* [The Voice, “equal to the soul”. Lit. Georgia]. no. 5. (1987). 222 pp.
10. Mikhailova M.S. *Poezija Belly Ahmadulinoj: dinamika liricheskoj knigi: dis.... k.f.n.* [Poetry Bella Akhmadulina: dynamic lyric book: Ph.D dissertation]. Barnaul, 2008. 181 p.
11. Ostapenko I.V. *Priroda v ruskoj lirike 1960–1980-h godov: ot pejzazha k kartine mira: monografija* [Nature in the Russian lyrics of 1960–1980, from the landscape to the picture of the world: a monograph]. Simferopol: IT ‘ARIAL’, 2012. 432 p.

12. Slovetzky V.I. *Russkaja poezija 80–90-h godov XX veka: tendencii razvitija, pojetika* [Russian poetry of 80–90 years of the XX century: trends, poetics]. Moscow: Lit. in-t im. A.M. Gorkogo, 1998. 174 p.
13. Fetisova E.E. Neoakmeizm kak «kulʹturnaja paradigma» XX veka [Neoakmeizm as “cultural paradigm” of the twentieth century]. *Filosofija i kulʹtura* [Philosophy and culture]. no. 2(62). (2013), pp. 210–218.
14. Chuprinin C. Sposob sovesti: O poezii B. Akhmadulinoy [The way of consciousness: Concerning the poetry by B. Ahmadulina]. *Literaturnoje obozrenije*. 1978 No 10, pp. 49–53.
15. Shvarc E. «Larec i ključ» / *Ahmadulina B.A. Mig bytija* [“Casket and key”. Moment of life]. Moscow: Agraf, 1997, pp. 265–269.
16. Encyclopedia of Continental Women Writers, Part 1. Ed. by Katharina M. Wilson. Chicago and London: St James Press, 1991. 1389 p.
17. Ketchian S.I. The poetic craft of Bella Akhmadulina. New-York: University Park, 1993. 248 p.

ДАНИЕ ОБ АВТОРЕ

Волкова Татьяна Вячеславовна, старший преподаватель

*Дальневосточный федеральный университет, филиал ДВФУ
в г. Уссурйске*

ул. Некрасова, 35, г. Уссурйск, Приморский край, 692508,

Российская Федерация

volkova.tv@list.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Volkova Tatyana Vyacheslavovna, Senior Lecturer

Far Eastern Federal University, Branch FEFU in Ussurisk

35, Nekrasova Str., Ussurisk, Primorye Territory, 692508, Rus-

sian Federation

volkova.tv@list.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-3-2-175-194

УДК 81

**СОВРЕМЕННЫЙ ОБРАЗ
«БРИТАНСКИХ» ШОТЛАНДЦЕВ В АНГЛИЙСКИХ
ЭТНИЧЕСКИХ ШУТКАХ И АНЕКДОТАХ В КОНТЕКСТЕ
ПРОТИВОСТОЯНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ
ИДЕНТИЧНОСТЕЙ**

Жерновая О.Р.

В данной статье рассматривается этнокультурный имидж шотландцев, созданный англичанами на материале этнических анекдотов и шуток. Проанализированный языковой материал показывает, что в современном британском обществе англо-шотландское противостояние – это внутренний конфликт национально-культурных идентичностей, основанный как на исторических, так и современных социально-политических трансформаций британского общества.

Ключевые слова: культурная система; политическое объединение; этническая шутка; национальные взаимоотношения; стереотипы; внутренний конфликт идентичностей.

**MODERN IMAGE OF “BRITISH” SCOTS IN ENGLISH
JOKES AND ANECDOTES IN THE CONTEXT OF NATIONAL
AND CULTURAL IDENTITIES’ OPPOSITION**

Zhernovaya O.R.

The article is devoted to an ethnic and cultural image of the Scots, created by the English and it is done on the examples of ethnic jokes

and anecdotes. The analyzed material reveals that the English-Scottish opposition represents an internal conflict of national and cultural identities based on both historical and contemporary social and political transformations of the British society.

Keywords: *cultural system; political union; ethnic joke; national interrelations; stereotypes; internal conflict of identities.*

Британцы – это сложный конгломерат, вобравший в себя черты исконного кельтского населения, затем норманнских и скандинавских завоевателей, а позже англосаксов. Они представляют собой любопытную, так никогда и не достигшую однородности расовую смесь и являются результатом смешения народов, изначально очень далеких друг от друга по происхождению и языку. В 1701 г. Д. Дефо в своем памфлете «*Чистокровный англичанин*» так охарактеризовал британца: «а потому чрезвычайно странен мне этот Чистокровный англичанин; скакун *арабский* мог бы дать скорей отчет о чистоте своих кровей» [1, с. 39]. В свою очередь, Х. Офф подчеркивает: «Уже в силу своего происхождения британец отличается исключительной сложностью. И в то же время он проще, чем немцы, с двумя душами в груди, как говорил Гете. У англичанина их как минимум четыре» [5, с. 174].

Исторически сложилось, что Британские острова были заселены несколькими различными культурными группами людей. Четыре части Соединенного Королевства представляют четыре национальности, которые разнятся между собой практически во всех аспектах жизни.

Эта разница отразилась на языке, на котором они разговаривали, в различии их экономических, социальных и правовых систем. Безусловно, за века эти четыре нации в какой-то мере перемешались между собой, чему способствовали группы эмигрантов, прибывающие весьма неравномерными волнами. Были созданы единая политическая, общественная и государственная системы, в результате

чего жители Британских островов стали ощущать себя единым народом. Однако британцев (включая англичан, шотландцев, уэльсцев и северных ирландцев) часто называют англичанами отчасти потому, что, прежде всего, англичане – самый многочисленный из народов на территории Великобритании. Во-вторых, Англия – это отдельная страна, следовательно, она имеет свою отличительную культуру и свой характер, в то время как Великобритания – это исключительно политическое объединение, состоящее из нескольких стран, каждая из которых обладает собственной культурой. В-третьих, объединение более малочисленных уэльсцев, шотландцев и ирландцев произошло именно под английской короной. И в-четвертых, потому, что вся государственная власть сконцентрирована именно в Англии.

Таким образом, в Великобритании господствует национализм англичан, да и сами они не видят особой разницы в определении себя британцами или англичанами. У американского писателя-юмориста Огдена Нэша есть такое стихотворение про англичан:

“Let us pause to consider the English
Who when they pause to consider themselves
they get all reticently thrilled and tringlish,
Because every Englishman is convinced of one thing, viz:
That to be an Englishman is to belong
to the most exclusive club there is”. [8, с. 183].

При переводе на русский язык вместо англичан переводчик употребляет «британцы»:

*Давайте подумаем о британцах,
Которые, думая о себе, втайне собою гордятся;
Быть британцем, им верится, – это великая честь:
Это значит быть частью сообщества, наилучшего
из всех, что есть.*

(«Знакомое лицо» – перевод С. Антонова) [8, с. 183].

Как уже упоминалось выше, Британию можно назвать политическим изобретением, союзом отдельных территорий, куда необходимо было вовлечь особенности составных частей Соединенного Королевства. Отсюда прозвища: шотландцы – джони, валлийцы – таффи, а ирландцы – пэдди или микки. Заметим, что и это еще один показатель преобладания англичан, – ведь подобного прозвища для них не существует. Следующий этнический анекдот хорошо иллюстрирует преобладание англичан над остальными народами Соединенного Королевства:

There are four kinds of people in the UK –

First, there were the Scots who kept the Sabbath – and everything else they could lay their hands on;

Then there were the Welsh – who prayed on their knees and their neighbours;

Thirdly there were the Irish who never knew what they wanted – but were willing to fight for it anyway.

Lastly there were the English who considered themselves self-made men, – thus relieving the Almighty of a terrible responsibility [14].

Перевод:

Соединенное королевство населяют четыре народа.

Во-первых, это шотландцы, которые сберегли традицию священного субботнего отдыха – и все прочее, до чего дотянулись их руки.

Во-вторых, это валлийцы, которые в своих молитвах преклоняют колени и поклоняются соседям.

В-третьих, это ирландцы, никогда не знавшие, чего они хотят – но все равно готовые за это бороться.

Наконец, это англичане, которые решили, будто создали себя сами – и таким образом избавили Всевышнего от столь неприятной ответственности (Перевод наш).

У современных англичан, в свою очередь, есть интересное мнение, отражающее отношение к родственным народам: «It is no longer acceptable to make jokes at the intelligence of Irish people, the sexual preferences of Welsh men or the attitudes of Scots men to money; it is acceptable to mock every region of England. So you can maintain the Luderpuddians are thieves, the Cornish are inbred and Southerners are rude and condescending» [13].

Перевод: *«Больше не уместно подшучивать над умственными способностями ирландцев, сексуальными предпочтениями валлийцев или особым отношением шотландцев к деньгам – уместно высмеивать каждый регион Британии. Так что можно и дальше утверждать, что ливерпульцы воруют, корнуолльцы заключают кровосмесительные браки, а южане грубы и заносчивы»* (Перевод автора).

Знаменитая песня, написанная Д. Сванном и М. Фландерсом «A Song of Patriotic Prejudice» может служить гимном о превосходстве англичан не только над шотландцами, уэльсцами и ирландцами, но и над другими национальностями и культурами в мире: «... The English, the English, the English are the best! I wouldn't give tuppence for all the rest!» («Англичане, англичане, англичане – самые лучшие! Я бы не дал и двух пенсов за всех остальных!»).

«The English, the English, the English so up with the English and down with the rest!» Перевод: *«Лишь мы, англичане, – вот лучший народ! Ура англичанам! Долой прочий сброд!»* [8, с. 308].

Авторы юмористического учебника истории «1066 год и все такое» признают, что история Соединенного Королевства – это история достижений Англии. «The Roman Conquest was, however, a Good Thing, since the Britons were only natives at the time».

Перевод: *«Норманнское завоевание – дело хорошее, потому что с тех пор больше никто Англию не завоевывал, и она, таким образом, смогла стать ведущей нацией»* [6, с. 76].

В рамках данной статьи мы рассмотрим культурные взаимоотношения между англичанами и шотландцами, которые менялись, как пишет Дж. Паксман, «от враждебности – из-за «предательства» во время Гражданской войны, а также при якобитских восстаниях 1715 и 1745 годов – до равнодушия». Самое известное выражение английского презрения по отношению к шотландцам это то, что «*глядя на Шотландию, видишь ту же Англию, но только похуже*» [6, с. 77].

Шотландской национальной идентичности принадлежит особое место так как на протяжении 300 лет «нация, хотя и лишенная государственности, постоянно торжествует, воспевая свое место в рамках Соединенного Королевства, что именно англо-шотландская парламентская уния 1707 г. заложила основу первой политической и полирелигиозной европейской нации» [2, с. 3].

«Scottishness» («шотландскость») – «качества шотландского», «черты, по которым можно обозначить шотландское». Термин употребляется с начала 60-х гг. XIX века, когда в Шотландии завершился промышленный переворот, сформировавший индустриальные слои населения, и новые группы общества уже не довольствовались культурной автономией Шотландии, инициируя политическое движение за ее независимость. Одновременно в середине XIX века существовало и другое написание данного понятия – «Scotchiness» – «характерные черты шотландского». Различия в написании связаны прежде всего с особенностями социально-политической и культурной ситуации, сложившейся в Шотландии с начала XVIII в. [4, с. 206].

Шотландия в отличие от Уэльса и Северной Ирландии всегда сохраняла некий социальный и политический статус через связи с монархией и аристократией. Тот факт, что со времени восшествия на престол Георга III Шотландия дала 12 из 51 премьер-министров,

включая лейбористов – Тони Блэра и Гордона Брауна, свидетельствует об исключительных качествах шотландцев. Д. Паксман отмечает, что когда лейбористу Нилу Кинноку не удалось привести лейбористскую партию к победе на парламентских выборах 1992 года, партия решила, что отчасти это результат недоверия англичан к валлийцам, и заменила его шотландцем Джоном Смитом, так как он обладал теми скучными шотландскими достоинствами, которые нравятся англичанам. Эти качества, присущие равнинным шотландцам, перечисляет историк Р. Фабер – «усердие, расчетливость, упрямство, осторожность, педантичность, аргументативность, недостаток юмора» [6, с. 79].

В газете «Times» (март 2007 г.) автор статьи «Will auld acquaintance be forgot as Scots go it alone?» М. Флетчер опубликовал результаты социологического опроса, который он провел среди коллег-англичан и шотландцев: «Как бы вы охарактеризовали англичан/шотландцев одним словом? С какими прилагательными ассоциируются они у друг друга (англичане и шотландцы)?»

Итак, шотландцы характеризуются как «difficult» – *трудные*, «aggressive» – *агрессивные*, «ungrateful» – *неблагодарные*, «angry» – *сердитые*, «brooding» – *угрюмые*; англичане характеризуются как «pompous» – *напыщенные*, «egotistical» – *эгоцентрические*, «smug» – *самодовольные*, «arrogant» – *высокомерные*, «loud» – *громкие*, «pig-headed» – *упрямые* [11].

Безусловно лингвокультурные стереотипы англичан о народах, населяющих Соединенное Королевство, до сих пор очень сильны и это не могло не отразиться в устойчивых шутках, речевых оборотах и этнических шутках и анекдотах на эту тему, а такие шотландские реалии как kilt (*шотландская юбка*), bagpipe (*волынка*), huggis (*национальное блюдо*), whisky (*виски*) и черты характера как *усердие, расчетливость, упрямство, осторожность, недостаток*

юмора, высокомерие, медлительность в поступках и речи, скарденность всегда были и остаются объектом насмешек англичан.

Как известно, этнические анекдоты полностью базируются на стереотипных представлениях о том или ином народе. Эти стереотипы, по мнению С.Г. Тер-Минасовой, «не столько отражают некие наиболее существенные и типичные черты народа, сколько формируют их и в глазах других народов, и в собственных глазах» [7, с. 47].

В Шотландии очень популярен старый анекдот, его тиражируют на открытках, помещают на сувенирные полотенца и фартуки, часто вспоминают в путеводителях: «Когда Господь создавал Шотландию, он дал ей все самое лучшее: высокие горы, глубокие озера, чистые реки, жирные луга и сочные травы, на которые пустил овец, изобилие рыбы и птицы. Страна получилась столь прекрасной, что другие народы позавидовали и взмолились: «Господи! Неужели ты дал так много одному народу, это же несправедливо. Это просто рай на земле какой-то». На что Бог ответил: «Подождите, вы еще не видели, каких я дам им соседей».

Идею соперничества англичан и шотландцев и кто кого превосходит иллюстрирует и следующие этнические шутки шотландцев над англичанами:

1. An Englishman entered a bar and stood beside a Scotsman. After they had chatted for a while the Scot asked: «Where are you from»? The Englishman replied: «I'm from the finest country in the world». The Scot looked skeptical and replied: «Are you? You have a damn funny accent for a Scotsman» [14].

Перевод: *Англичанин заходит в бар и становится рядом с шотландцем. После краткого разговора шотландец спрашивает, откуда приехал его собеседник.*

– Из самой прекрасной на свете страны! – гордо отвечает англичанин.

Шотландец смотрит на него скептически и говорит:

Правда? Что-то твой акцент не похож на шотландский, приятель

(перевод автора)

2. A philosophical Scotland supporter on the train south to attend the match with England was heard to comment: «No matter if we win or lose this game, we will still be winners in the game of life, because when our opponents waken up tomorrow they'll still be English and we won't» [14].

Перевод: *Один философствующий шотландский болельщик, ехавший на матч с Англией, заметил: «Неважно, выиграем мы или проиграем, за нами останется победа в матче жизни, потому что, когда наши соперники завтра проснутся, они будут англичанами, а мы – нет»* (Перевод автора).

3. The Scottish bus driver was giving a tour of Scotland to a group of tourists. The tour went through the countryside and the driver would point out sights of interest. He drove by this one area and said: «Over there is where the Scottish PULVERIZED the English». They drove on a little further and the driver pointed to another area along the roadway and said: «This is the place where the Scottish MASSACRED the English». Not much further down the road the driver told his passengers that on the right was the great battlefield where the Scottish WHIPPED the English. About that time a man on the bus, with a stiff English accent, said: «My good man, didn't the English win any battles around here»? «Not when I'm driving the bus» – was the response [14].

Перевод: *Водитель-шотландец проводит для группы туристов экскурсию по Шотландии. Маршрут пролегает за городом, и водитель обращает внимание пассажиров на достопримечательности. Проезжая мимо какой-то местности, он говорит: «Здесь шотландцы РАЗГРОМИЛИ англичан». Автобус едет дальше, водитель объясняет: «Впереди – место, где шотландцы УНИЧТОЖИЛИ*

англичан». Автобус проезжает еще немного по шоссе, и водитель сообщает пассажирам, что справа от них – знаменитое поле битвы, на котором шотландцы СОКРУШИЛИ англичан. Тут один из туристов, с сильным английским акцентом, возражает: «Уважательный, разве англичане не выиграли ни одной битвы в этих окрестностях?» На что водитель отвечает: «Ни одной, если я за рулем» (Перевод автора).

4. An Englishman, roused by a Scot's scorn of his race, protested that he was born an Englishman and hoped to die an Englishman. «Man», – scoffed the Scot, – «hiv ye nae ambeetion»? [14].

Перевод: Англичанин, возмущенный пренебрежительным отношением шотландца к его народу, заявил, что он родился англичанином и надеется англичанином же умереть. «Дружище, – усмехнулся шотландец, – неужели у тебя совсем нет амбиций?» (Перевод автора).

Из приведенных выше этнических шуток об англичанах, можно сделать вывод, что шотландцы четко разграничивают свой народ и Англию или Великобританию в общем, и, как правило, не терпят господства и влияния англичан, считают себя совершенно отличными от них и предпочитают сознавать себя именно шотландцами, а не британцами или англичанами. Недаром 4/5 шотландцев считают себя прежде всего шотландцами, а только потом британцами [9, с. 48].

Следует упомянуть и тот факт, что, несмотря на то, что 55% шотландских избирателей не поддержали идею независимости Шотландии 18 сентября 2014 г., остальные избиратели выразили свое желание полной политической самостоятельности для страны [3, с. 7]. Кроме того, референдум не поставил точку в дебатах о шотландской независимости, а итоги «BREXIT» от 23 июня 2016 г., где Шотландия поддержала членство Британии в Европейском союзе, лишь

усилили желание националистов Шотландии выйти из Соединенного Королевства.

Англичане, в свою очередь, обычно рисуют типичного шотландца на основе собственных наблюдений, либо пытаются найти единый образ шотландского характера, основанного на представлениях, традициях, устойчивых стереотипах, этнических шутках.

«The Scotsman is mean, as we're all well aware,
And bony and blotchy and covered with hair.
He eats salty porridge, he works all the day
And he hasn't got bishops to show him the way»

[8, с. 308].

Перевод:

*Шотландец – скупой, как известно нам с вами,
Худой и паршивый, покрыт волосами,
Привык он работать, овсянку солить –
Епископов нет, чтоб его отучить!*

[8, с. 308].

Рассмотрим несколько лингвокультурных стереотипов, которые сложились у англичан о шотландцах.

Во-первых, по мнению англичан, шотландцы – жадные и скупые. Действительно, афишировать свое богатство в Шотландии не принято. Шотландцы не хвастаются деньгами – они их берегут. Бережливость – их национальная черта. Например, следующее высказывание подтверждает данный тезис: «A MacTavish is never Lavish». Перевод: «Мактэвиш никогда не бывает расточительным» [10]. Шотландцы никогда не были зажиточными, и им всегда приходилось экономить. Ближайшие соседи шотландцев, конечно, не оставляют без внимания эту черту и постоянно над ней подтрунивают. Сами же шотландцы не видят тут ничего смешного. Деньги для них всегда были и остаются делом серьезным. Не случайно

основателем Английского банка тоже был шотландец, который учредил его для своих прихожан, а столица Шотландии – Эдинбург – сегодня является третьим по значимости финансовым центром в Европе (после Франкфурта и Лондона).

1. To an American, it is said, money is round that it may roll. To a Scot, it is flat, that it may lie still» [15].

Перевод: *Американец думает, монета сделана круглой, чтобы она могла катиться. Шотландец думает, она сделана плоской, чтобы могла лежать неподвижно* (Перевод автора).

2. You should be careful about stereotyping the Scots as mean. There was a recent letter to a newspaper from an Aberdonian which said «If you print any more jokes about mean Scotsmen I shall stop borrowing your paper» [15].

Перевод:

Следует быть осторожным, шутя о стереотипной скупости шотландцев. Например, недавно в редакцию одной газеты пришло письмо от жителя Абердона с угрозой: «Если вы напечатаете еще один анекдот о жадности шотландцев, я перестану одалживать вашу газету!» (Перевод автора).

3. A Scottish prayer – «Oh Lord, we do not ask you to give us wealth. But show us where it is!» [14].

Перевод: *Шотландская молитва: «О Господи, мы не просим тебя дать нам богатство. Просто покажи, где оно!»* (Перевод автора).

4. Have you heard the rumour that the Grand Canyon was started by a Scotsman who lost a coin in a ditch? [14].

Перевод: *Ходят слухи, что Гранд-Каньон появился благодаря шотландцу, потерявшему в канаве монету* (Перевод автора).

5. Did you hear what the English, the Irish and the Scots did when they heard the world was coming to an end? The English all went out and

got drunk. The Irish all went to church. And the Scots had a closing down sale [15]. Перевод: *А вы знаете, что сделали англичане, ирландцы и шотландцы, когда узнали, что скоро наступит конец света? Все англичане пошли гулять и напились. Ирландцы отправились в церковь. А шотландцы устроили тотальную распродажу* (Перевод автора).

6. McTavish: «A Scotsman decided to get married so one morning he sent messages to three of his girlfriends, proposing marriage. Two phoned immediately to say «yes» while the third phoned that night to say the same. He married the third girl saying, «The lass for me is the one who waits for the cheap rates» [15].

Перевод: *Шотландец решил жениться и однажды утром послал трем своим девушкам сообщения с предложением выйти за него замуж. Две немедленно позвонили ему и согласились, а третья позвонила, чтобы сказать «да», только ночью. Он женился на третьей, объяснив: «Мне больше подходит девушка, ждущая дешевых тарифов»* (Перевод автора).

Во-вторых, большая часть англичан полагает, что шотландцы колючие и угрюмые. Эти два прилагательных в шотландском варианте английского языка преследуют шотландцев повсюду. Первое – rawku, второе – doug. Обозначают они прямо противоположные качества. Первое – «хитрый, лукавый, насмешливый, ироничный». Шотландец, определяемый этим эпитетом, весело улыбается и часто шутит. Шотландец, определяемый эпитетом doug – «суровый, угрюмый, мрачный» – ходит с хмурым выражением лица, носит в себе хмурые мысли и выражает их хмурыми словами. Сочетать в себе две эти характеристики – особый шотландский талант.

Классический интернациональный анекдот про 4 народности, населяющие Соединенное Королевство:

An Englishman, Irishman, Welshman and Scotsman were captured while fighting in a far-off foreign land, and the leader of the captors

said, «We're going to line you up in front of a firing squad and shoot you all in turn. But first, you each can make a final wish».

The Englishman responds, «I'd like to hear «God Save The Queen» just one more time to remind me of the auld country, played by the London All Boys Choir. With Morris Dancers Dancing to the tune».

The Irishman replies, «I'd like to hear «Danny Boy» just one more time to remind me of the auld country, sung in the style of Daniel O'Donnell, with Riverdance dancers skipping gaily to the tune».

The Welshman answers, «I'd like to hear «Men Of Harlech» just one more time to remind me of the country, sung as if by the Treorchy Male Voice Choir».

The Scotsman says quickly, «I'd like to be shot first» [12].

Перевод: Англичанин, ирландец, шотландец и валлиец были захвачены в плен во время сражения в далекой стране, и лидер захватчиков сказал: «Мы поставим вас в ряд и расстреляем по очереди. Но сначала, мы исполним последнее желание каждого.

Англичанин ответил: «Я хочу услышать «Боже, храни Королеву, в исполнении Лондонского хора мальчиков. И чтобы под музыку танцевали в костюмах героев легенды о Робин Гуде. Это напоминает мне мою любимую страну».

Ирландец сказал: «Я хотел бы услышать песню Danny Boy, которая напоминает мне мою любимую страну. Я хочу, чтобы она была исполнена в стиле Даниэла О'Доннелла и чтобы танцоры степ-ансамбля Риверданс весело прыгали под музыку.

Валлиец сказал, что хотел бы услышать «Мужчина из Харлеха» в исполнении Мужского хора Треорчи, так как она напоминает ему любимую страну.

Услышав это, шотландец ответил: «Пристрелите меня первым» (Перевод наш).

Шотландия – небольшая страна, площадь которой 78,7 тыс. квадратных километров, где проживают около пяти миллионов человек, 98% которых являются этническим шотландцами. Шотландия всегда занимала особое положение в Соединенном Королевстве и связано это и с непростой историей страны и ее жителей, вынужденных противостоять завоевателям и бороться за свою независимость. Так же связана это и с объединением с Англией и с участием в работе общегосударственного парламента при сохранении своей административной и судебной систем. А так как административные и политические системы двух стран оставались отличными, то создавался надежный базис для сохранения национальных сил в Шотландии. В результате, в силу нескольких факторов, в последние десятилетия наблюдается как культурное, так и экономическое возрождение региона (Шотландии), где вопрос о национальной идентичности и независимости региона стал весьма актуальным.

И в-третьих, считается, что шотландцы пьют слишком много виски, едят отвратительный хаггис (традиционное блюдо Шотландии), носят килт и играют на волынке. Эти традиционные символы шотландцев высмеиваются англичанами и явно характеризуются как отрицательные, странные и непонятные предметы и явления, существующие в жизни шотландского социума.

1. One day Jock bought a bottle of fine whiskey and while walking home he fell. Getting up he felt something wet on his pants. He looked up at the sky and said, «Oh Lord, please I beg you let it be blood!» [14].

Перевод: *Однажды Джок купил бутылку виски и по дороге домой упал. Вставая, он почувствовал, что его одежда мокрая. Он посмотрел на небо и произнес: «Господи, пусть это будет кровь!»* (Перевод автора).

2. A Scotsman was in front of a judge. The judge says «You've been brought here for drinking whisky». The drunk says «Okay, let's get started» [14].

Перевод: *Шотладец предстает перед судом. Судья говорит: «Вы оказались здесь по причине распития виски». Шотландец отвечает: «Окей, наливайте»* (Перевод автора).

3. Haggis: the icon of the Scottish Nation; lungs, heart and liver of sheep with a large dash of blood – stuffed into the poor creatures stomach! No wonder we're always so bloody miserable [15].

Перевод: *Хаггис – символ Шотландии; легкие, сердце и печень барашка с кровью, набитые в желудок бедного животного. Вот почему мы всегда такие убийственно несчастные* (Перевод автора).

4. Tam goes into his local fish and chips shop.

«Two haggis suppers Toni», he calls across the counter.

«Wow, your really pushing the boat out tonight», says Toni. «Did you win the lottery»?

«Naw», says Tam, «But I did win third prize in a Sunny Govan Radio contest – here's the voucher for my grub».

«Well done mate», says Toni. «So what were the other prizes»?

«Second prize was a single haggis supper», says Tam.

«And first prize»? enquires Toni.

«Jist the chips», says Tam [13].

Перевод: *Тэм заходит в местный продуктовый магазин.*

– *Тони, две порции хаггис!*

– *Ты что-то отмечаешь сегодня, отвечает Тони. – Ты выиграл в лотерею?*

– *Нет, отвечает Тэм. – Я занял третье место – вот мой ваучер на бесплатные порции.*

– *Отлично сработано, а какие призы за первое и второе места?*

– За второе место полагается одна порция хаггис.

– А за первое?

– Просто порция жареного картофеля (Перевод автора).

5. What's the difference between a lawn mower and a bagpipe? You can tune a lawn mower [14].

Перевод: В чем разница между газонокосилкой и волынкой?

– Газонокосилку можно настроить (Перевод наш).

6. Bagpipes are the missing link between music and noise [14].

Перевод: Волынки – это недостающее звено между музыкой и шумом (Перевод автора).

7. Why do the Scottish wear kilts? Because sheep can hear zippers from a mile away! [15].

Перевод: Почему шотландцы носят килты? Потому что, если овцы услышат, как расстегивается ширинка, они убегут (Перевод наш).

Таким образом, проанализированный в данной статье языковой материал позволяет сделать следующий вывод: современное англо-шотландское противостояние – это противостояние национально-культурных идентичностей, основанное как на исторической памяти, так и современных социально-политических трансформаций британского общества. Этот конфликт национальных идентичностей носит, скорее, внутренний, чем внешний характер; нахождение внутреннего англо-шотландского компромисса и является основной задачей общества с тем, чтобы этот конфликт идентичностей не был противостоянием социальным, политическим или экономическим.

Список литературы

1. Аддисон Д. и др. Англия в Памфлете / Под ред. Шайтанова. М.: Прогресс, 1987. 529 с.

2. Апрыщенко В.Ю. Уния и модернизация: становление шотландской национальной идентичности в XVIII – первой половине XIX вв. / Автореферат диссертации на соиск. уч. ст. д-ра истор. наук. Ростов-на-Дону, 2009. 23 с.
3. Апрыщенко В.Ю. Шотландия в Новое время: в поисках идентичностей. СПб.: Алетейя. 2016. 720 с.
4. Жерновая О.Р. Проявление новой национальной идентичности Шотландии в современной Великобритании // Нижегородский журнал международных исследований. Осень-зима 2009 г. Нижний Новгород: ННГУ, 2009. с. 205–209.
5. Офф Х. Инструкция по применению: Англия. Пер. с нем. М. Сокольской. М.: Аякс-Пресс, 2006. 184 с.
6. Паксман Д. Англия: портрет народа. СПб.: Амфора, 2009. 380 с.
7. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2008. 264 с.
8. Филиппова М.М. Английский национальный характер: учеб. пособие. М.: АСТ: Астрель, 2007. 382 с.
9. Barnhouse L., Forrester-Atilgan R. Life in the UK. London, 2009. 212 p.
10. Best Scottish humour. // <http://sandy1.users.50megs.com/best-scottish-humor.html>. (дата обращения 12.03.2013).
11. Fletcher M. Will auld acquaintance be forgot as Scots go it alone? March 31, 2007 [Электронный ресурс] [www. timesonline.co.uk](http://www.timesonline.co.uk) (дата обращения 12.03.2013).
12. Funny Englishman, Irishman, Scotsman jokes. // http://www.guy-sports.com/months/jokes_englishman_irishman.htm (дата обращения 12.03.2013).
13. Funny English jokes and humour. // http://www.guy-sports.com/funny/funny_english_jokes.htm. (дата обращения 12.03.2013).
14. Scottish Humour – English, Irish, Scots. // <http://www.rampantscotland.com/humour/blhumeng.htm> (дата обращения 12.03.2013).

15. Scottish Humour – Thrifty Scots. // <http://www.rampantscotland.com/humour/blhumthrift.htm>. (дата обращения 12.03.2013).

References

1. Addison D. et al. *Angliya v Pamflete* [England in Pamphlet]. / Shaytanov (ed.). M.: Progress, 1987. 529 p.
2. Apyrshchenko V.Yu. *Uniya i modernizatsiya: stanovlenie shotlandskoy natsional'noy identichnosti v XVIII – pervoy polovine XIX vv.* [Union and modernization: formation of Scottish national identity in 18th – early 19th centuries]. Rostov-na-Donu, 2009. 23 p.
3. Apyrshchenko V.Yu. *Shotlandiya v Novoe vremya: v poiskakh identichnostey* [Scotland in modern times: in search of identity]. SPb.: Aleteyya. 2016. 720 p.
4. Zhernovaya O.R. *Proyavlenie novoy natsional'noy identichnosti Shotlandii v sovremennoy Velikobritanii* [The development of new national identity of Scotland in modern Great Britain]. *Nizhegorodskiy zhurnal mezhdunarodnykh issledovaniy*. Osen'-zima 2009 g. Nizhniy Novgorod: NNGU, 2009, pp. 205–209.
5. Off Kh. *Instruktsiya po primeneniyu: Angliya* [Usage instruction: England]. – Per. s nem. M. Sokol'skoy. M.: Ayaks-Press, 2006. 184 p.
6. Paksman D. *Angliya: portret naroda* [The English: a portrait of a people]. SPb.: Amfora, 2009. 380 p.
7. Ter-Minasova S.G. *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Language and intercultural communication]. M.: Slovo, 2008. 264 p.
8. Filippova M.M. *Angliyskiy natsional'nyy kharakter* [English national character]: course book]. M.: AST: Astrel', 2007. 382 p.
9. Barnhouse L., Forrester-Atilgan R. *Life in the UK*. London, 2009. 212 p.
10. Best Scottish humour. <http://sandy1.users.50megs.com/best-scottish-humor.html>.

11. Fletcher M. Will auld acquaintance be forgot as Scots go it alone? March 31, 2007 [online resource] [www. timesonline.co.uk](http://www.timesonline.co.uk).
12. Funny Englishman, Irishman, Scotsman jokes. http://www.guy-sports.com/months/jokes_englishman_irishman.htm.
13. Funny English jokes and humour. http://www.guy-sports.com/funny/funny_english_jokes.htm.
14. Scottish Humour – English, Irish, Scots. <http://www.rampantscotland.com/humour/blhumeng.htm>.
15. Scottish Humour – Thrifty Scots. <http://www.rampantscotland.com/humour/blhumthrift.htm>.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Жерновая Оксана Романовна, кандидат филологических наук, специальность – германские языки (10.02.04), доцент, зав. каф. иностранных языков и лингвокультурологии Института международных отношений и мировой истории
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
пр. Гагарина, 23, г. Нижний Новгород, 603950, Российская Федерация
oxana.zh@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Zhernovaya Oksana Romanova, Candidate of Philology, Specialty – Germanic Languages (10.02.04), Associate Professor, Head of Foreign Languages and Language Studies Department, Institute of International Relations and World History
Nizhny Novgorod State University
23, Gagarin ave., Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation
oxana.zh@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-3-2-195-207

УДК 82-14

**ДЕНДРОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ
КАК ФОРМА ПРОЯВЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТОВ
КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ**

Зырянова О.Н., Бахор Т.А., Мазурова Н.А.

Цель. Статья посвящена проявлению региональной идентичности в художественном творчестве. Объектом анализа выступают стихотворения поэтов гг. Лесосибирска и Енисейска Красноярского края, предметом – дендрологические образы как форма проявления региональной идентичности.

Метод или методология проведения работы. Основу исследования образуют герменевтический, структурно-семантический, сравнительно-сопоставительный методы.

Результаты. Результаты исследования показали, что основными маркерами региональной идентичности Приенисейской Сибири являются такие дендрологические образы, как сосна и ель. Данные маркеры не противоречат общепринятым, общекультурным представлениям о Сибири, но их семантика в поэтическом дискурсе жителей региона отражает местный колорит.

Область применения результатов. Материалы статьи могут быть использованы в образовательном процессе при чтении спецкурсов, связанных с проблемами региональной литературы.

Ключевые слова: *идентичность; самоидентичность; идентификация; дендрологические образы; символ.*

**THE DENDROLOGICAL IMAGES
AS A FORM OF THE REGIONAL IDENTITY
IN THE WORKS OF KRASNOYARSK REGION'S POETS**

Bakhor T.A., Zyryanova O.N., Mazurova N.A.

Purpose. The article is devoted to the manifestation of the regional identity in the art. The object of the analysis are the poems of the Lessosibirsk and Yeniseisk's poets of the Krarsnoyarski region, the subject being dendrological images as a form of the regional identity.

Methodology. The study is based on hermeneutic, structural-semantic and comparative methods.

Results. The results showed that the main markers of the regional identity of the Prieniseyskaya area of Siberia are particular dendrological images such as pine and spruce. These markers are not contrary to conventional, general cultural notions of Siberia, but their semantics in the poetic discourse of the inhabitants of the region reflects the local flavor.

Practical implications. The materials of the article may be used in the educational process, i.e. for reading special courses on regional literature problems.

Keywords: *identity; self-identity; identification; dendrological images; symbol.*

Актуальность проблем региональной идентичности определяется возросшим интересом современного человека в условиях глобализации к культурным, историческим, национальным основам своего региона.

На рубеже XX–XXI вв. проблемы семиотики языка, культуры как факторов региональной идентификации рассматриваются в работах лингвистов и краеведов: Р.Г. Жамсарановой, Л.М. Любимо-

вой, Д.Б. Сундуевой, А.В. Романовой, Г.А. Христосенко, Л.Е. Элиасова, В.Л. Каганского, И.Я. Мурзиной, В.К. Назарова. К. Циммербауер отмечает определяющую роль региональной идентичности в формировании культурного дискурса в условиях глобализации, так как региональный экономический успех неотделим от социального, культурного и достижений [14].

Исследования региональной идентичности, воплощенной в художественной литературе представлены в работах К. Султанова, В.Р. Аминеевой, Е.А. Дегальцевой, М.И. Ибрагимова, М.А. Литовской, М.А. Оболонковой, В.Г. Родионова, Я.Г. Сафиуллина, В.Л. Шибанова, В.Ю. Колчинской, Д.Н. Нурманбетовой и др., в которых выявляются ключевые для региональной литературы символы, мифологемы, концепты и др.

Исследователи исходят из того, что региональная идентичность является результатом процесса идентификации [9, с. 48], отражающего пространственно-временное, эмоциональное, ценностное и др. самосоотнесение личности с внешним миром. Именно «идентичность места» может поддерживать необходимые для самоидентификации человека эмоциональные или иные символические опоры [2], «... наряду с когнитивным компонентом (осознание соотношения личности с определенной территорией) предполагает аффективные (эмоционально-психологические переживания, чувство общности с другими людьми) и регулятивные компоненты (готовность соблюдать выработанные правила и уважительно относиться к духовным ценностям)» [4, с. 83]. На важность культурной идентичности для человека указывает С. Хантингтон [15, 1996], акцентируя внимание на доминирование в ней общечеловеческих ценностей [16; с. 75–85].

В художественном творчестве идентификация чаще всего проявляется в малых формах, в т. ч. стихотворениях [7, с. 13]. Изучение и типологизация природных знаков и образов, формирующих

локальный текст, способствует «интерпретации культурных смыслов, компромиссу, обогащению культуры, выделению самобытного, индивидуального проявления на региональном уровне» [11, с. 11].

Для целостного понимания необходимо рассматривать региональную идентичность в контексте идентичности, отраженной в русской литературе.

В художественной литературе закрепилось представление о Сибири как суровом крае. Так В.И. Тюпа, на основе анализа художественных произведений русской классической литературы (А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Н.А. Некрасов, Ф.М. Достоевский, А.П. Чехов и др.) приходит к выводу о мифологизации Сибири как гибельного края: «Уникальное взаимоположение геополитических, культурно-исторических и природных факторов привело к мифологизации Сибири как края лиминальной полусмерти, открывающего проблематичную возможность личного возрождения в новом качестве и соответствующего обновления жизни» [8, с. 28].

Региональная идентичность проявляется в художественном творчестве через маркеры региональной идентичности: географические, исторические, этнокультурные, дендрологические и др. Если обратиться к литературной традиции, то константными дендрологическими маркерами образа Сибири являются лес, тайга, кедр, ель, сосна.

Образ дерева является одним из самых универсальных природных символов, а также символов духовной культуры человечества. Оно символизирует центральную ось мира, связующую небо и землю; человека и его духовный путь; циклы жизни, смерти и возрождения, процессы обновления и законы бытия [словарь символов]. Поэтому в художественном творчестве образы деревьев являются не только частью пейзажной картины, но и отражают процесс самоидентификации, самоопределения, самопознания. «Человек пытается узнать, понять себя, найти себя, обнаружить самого себя среди множества об-

разов, которые существуют в его сознании и представлениях окружающих людей,» – указывает С. Гурин [1]. А устоявшаяся система символических значений, по мнению Осборна, обладая эмоциональной силой, воздействием способствует усилению идентификации [13].

В стихотворениях поэтов г. Лесосибирска и Енисейска представлены разные дендрологические образы: на первом месте береза, образ которой раскрывается часто и в творчестве известных русских поэтов. Далее, по мере убывания, – сосна, ель, кедр, осина, рябина, черемуха.

М. Эпштейн указывает, что образы хвойных деревьев (сосна, ель) в русской поэзии не соотносимы с эмоциональными порывами, а передают погруженность в себя, покой сна, смерти [11]. В стихотворениях лесосибирских и енисейских поэтов образ сосны также не характерен для любовной лирики, не связан с выражением преходящих чувств и эмоций, однако он не несет семантики смерти. Образ этого дерева задает вертикальную ось координат, определяя устремленность лирического героя к духовному, вечному. «Сосны твои тянутся ввысь, / Новый рассвет встречая...» [6, с. 64], – пишет Н. Бирюк о г. Лесосибирке в припеве песни «Город моей надежды», утверждая счастливое будущее для себя и города. Сосна становится определяющим дендрологическим символом города и в стихотворении В. Ивченко «Енисейск мой родной», в котором ее образ в пространственных координатах верха и низа, являет собой верхнюю точку, что обозначено в гиперболе: «В янтарях его сосны в полнеба, / И в рубинах – брусничный ковер» [6, с. 180]. Янтарь, как символ связи человека с Космосом, а также духовного и божественного притяжения [3, с. 469] усиливает мотив вечного, устойчивого, непреходящего, заданного образом сосны. Более того, второе двустишие в следующей строфе, явно переключается с предыдущим, задавая вертикаль: «...В небеса устремленные храмы, / над рекой звон малиновый плыл» [6, с. 181], и усиливая символику сосны как связующей между небом и землей.

В анализируемых произведениях присутствуют образы и других хвойных деревьев – ель и кедр, однако они встречаются реже. В образе ели и кедра доминирует чаще всего сказочное звучание, обозначенное метафорически: «ель-недотрога» (Т. Зайцева); «ели-медвежата» (С. Кураева): «Ёлка её прикрывает / Лапой лохматой своей, / Шепчет, а что обещает, / Только понятно лишь ей» (С. Липихина); «Кружевные ели – / Взгляд не отвести! / Их наряды – прелесть: / Мимо не пройти!»» (Т. Хакимова); «Посмотри: раскинув лапы ввысь и вширь, / Кедр стоит красавец, леса богатырь» (С. Кураева); «кедра могучая стать» (Т. Зайцева) [5].

Отсутствие семантики покоя, сна, смерти, характерной для образов сосны и ели в русской классической поэзии, обилие и красочность лиственных дендрологических образов позволяет говорить об особом взгляде сибиряков на образ леса вообще. Лес – традиционный образ русского сказочного фольклора, связан с царством мертвых, его населяют темные, злые силы, и герой, преодолевая их, проходя через испытания, становится сильнее, «возрождается». В рассматриваемых стихотворениях образ леса также имеет сказочную семантику: «сказочный бор» (В. Морозов), «сказочная прелесть хвойных лесов» (В. Серков), «объятия царства лесного» (Т. Зайцева), «мы попали в сказку» (С. Кураева) [5] и др., но лирический герой не испытывает страха, а восхищен необъяснимой, захватывающей сказочной красотой, более того, черпает душевные силы, соприкасаясь с природой: «В объятиях царства лесного/ Меняется что-то во мне. / Я – сильная вновь, я готова / К любви, к созиданью, к весне!» (Т. Зайцева); «В лесу я, как в земном раю, / Он словно островок отрады. / Сюда печаль несую свою, / И лучше доктора не надо» (В. Соловецкая); «И осенней листвой / Излечу свою хворь» (Я. Любомиров) [5].

В стихотворениях лесосибирских и енисейских поэтов встречается много образов лиственных деревьев, что не совпадает с об-

щепринятым представлением о Сибири, как о крае, ассоциирующимся с хвойными лесами (М.Ю. Лермонтов «Сосна», Ю. Визбор «Сибирь», Э. Асадов «В тайге» и др.).

Образы лиственных деревьев в рассматриваемых стихотворениях связаны в большей степени с душевными переживаниями лирического героя, что соотносимо с их традиционным звучанием в русском фольклоре и литературе. Береза чаще всего олицетворяет грусть и печаль, являясь частью осеннего пейзажа: «печальные березы» (Н. Парова), «Листья роняет березка / и обнаженной стоит, / Как у девчонки-подростка / Сердце стыдливо болит» (С. Липкина); «А вместо буйства летних грёз – / Предзимняя тоска берез» (Т. Зайцева); «Вот и береза желтеет, / Август звенит холодком./ Грустною осенью веет» (И. Кочетков) [6] и др. М. Эпштейн указывает на эту семантику березы и в русской литературе: «Образ березы в русской поэзии многозначен: в нем и грусть опущенных ветвей, и свет, исходящий от ствола, – светлая грусть, которой оваяно это северное дерево» [6, с. 115].

Буйство природных осенних красок предается в стихотворениях через образы рябины и калины: «Рябина гроздьями играет, / В свои объятия зазывает», «рябины поспевший ажур» (Т. Зайцева); «Разрумянились кистья рябины, / И калина горит, как в огне» (Т. Ляпина) [5] и др. «Огненные» образы этих деревьев – продолжение традиций С. Есенина, М. Цветаевой, но в стихотворениях сибирских поэтов нет значения горечи судьбы. Яркие цвета листвы рябины и калины связаны с ощущением последних теплых дней, дарованных осенью, с чувством умиротворения, растворения в природе.

Через образы деревьев в рассматриваемых стихотворениях авторы осуществляют, так называемую, «внутреннюю идентичность», что «предполагает соотнесенность с единой основой, причастность к общему основанию, совпадение по сути, по природе, по сущности» [1]. Так в стихотворении В. Лендель единство

с сибирской природой, с родным краем обозначено метафорой, раскрывающей внутреннее родство, единение человека и древа: «Приросла к Сибири я навечно...» [6].

Таким образом интерпретация дендрологических образов в поэтическом дискурсе, показала, что в стихотворениях жителей Енисейского региона маркерами идентичности являются в большей степени образы хвойных деревьев – сосны, ели, кедра, используемые и в брендах экономического, социокультурного характера. Образы лиственных деревьев раскрывают интимные, личные переживания лирического героя, тогда как сосна, ель, кедр определяют в стихотворениях отношение к родному краю, выражают процесс региональной самоидентификации. Смысловое наполнение дендрологических маркеров, рассмотренных в поэтических текстах сибирских авторов не противоречит общекультурному, что, как справедливо отмечает А. Беноист, важно для понимания и единения жителей разных регионов, разных стран [12]. Поэты, жители региона, наполняя образ, привносят только оттенок, колорит, определяющий особенность, «самовитость» локуса.

Статья выполнена в рамках гранта РГНФ № 16-14-24005 «Региональная идентификация и самоидентификация жителей Приенисейской Сибири: фольклорный, этнографический, лингвокультурологический, литературный дискурсы и их актуализация посредством интерактивной карты».

Список литературы

1. Гурин С. Философия идентичности // Топос. 01/09/2014. URL: <http://www.topos.ru/article/6727> (дата обращения: 28.08.2016).
2. Еремина Е.В. Региональная идентичность в контексте социологического анализа // Регионоведение. 2001. №3. С. 216–222.

3. Жюльен Н. Словарь символов. Челябинск: Урал Л.Т.Д, 1998. 498 с.
4. Казакова-Апракимова Е.Ю. Проблема региональной идентичности уральцев в публицистике и областной литературе конца XIX–начала XX века // Известия УРГЭУ. 2013. 2 (46). С. 83–88.
5. Радуга. Художественно-публицистический альманах Лесосибирского городского литературного клуба. Лесосибирск. 2013. №1. 326 с.
6. Радуга. Художественно-публицистический альманах Лесосибирского городского народного литературного клуба. Лесосибирск. 2015. №3. 330 с.
7. Танасейчук А.Б. Культурная самоидентификация американской цивилизации (на материале национальных и региональных литературных традиций США XIX века): Автореф. дисс. на соиск. ст. д-ра культурол. наук. Саранск, 2008. 42 с.
8. Тюпа В.И. Мифологема Сибири; к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 27–35.
9. Шайкемелев М.С.-А. Идентичность как категория социальной философии // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2010. Т.8. Вып. 4. С. 45–50.
10. Филиппова Н.П. Знаки и символы региональной культурной идентификации (на материале Забайкальского края): Автореф. дис. на соиск. ст. канд. культурол. наук. Улан-Уде, 2009. 22 с.
11. Эпштейн М. «Природа, мир, тайник вселенной...» Система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высшая школа, 1990. 304 с.
12. Benoist A. Identité, Égalité, Différence // «VOXNR».com. 12 Décembre 2013. URL: http://www.voxnr.com/cc/dt_autres/EFlyllklEulkGvw-QTC.shtml (дата обращения 18.08.2016).
13. Osborne B.S. Landscapes, Memory, Monuments and Commemoration: Putting Identity in Its Place, DRAFT, 2001. Режим доступа: URL:

- <http://canada.metropolis.net/events/ethnocultural/publications/putinden.pdf> (дата обращения: 18.08.2016).
14. Paasi A., Zimmerbauer K. Theory and practice of the region: a contextual analysis of the transformation of Finnish regions // *Treballs de la Societat Catalana de Geografia*. 2011. URL:<http://www.raco.cat/index.php/treballsscgeografia/article/viewFile/256743/343733> (дата обращения: 18.08.2016).
15. Huntington, Samuel P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York, NY: Simon and Schuster, 1996. URL: <https://journals.lib.byu.edu/spc/index.php/CCR/article/viewFile/12758/12628> (дата обращения 18.08.2016).
16. Huntington S. *Who are we? The challenges America's National identity*. N.Y.: Simon and Shuster, 2004. 448 p.

References

1. Gurin S. *Filosofiya identichnosti [Philosophy of Identity]*. *Topos*. 01/09/2014. URL: <http://www.topos.ru/article/6727> (date of the application: 28.08.2016).
2. Eremina E.V. *Regionalnaya identichnost v kontekste sotsiologicheskogo analiza [Regional identity in the context of sociological analysis]*. *Regionologiya*. 2001. no 3, pp. 216–222.
3. Zhulyen N. *Slovar simvolov [Glossary of symbols]*. Chelyabinsk, Ural L.T.D. 1998. 498 p.
4. Kazakova-Aprakimova E.Yu. *Problema regionalnoy identichnosti uraltsev v publitsistike i oblastnoy literature kontsa XIX-nachala XX veka [Problem of the regional identity in the Urals people in the regional journalism and literature of the late nineteenth and early twentieth century]*. *Izvestiya URGEU*. 2013. 2 (46), pp. 83–88.
5. Raduga [Rainbow]. *Hudozhestvenno-publitsisticheskiy almanah Lesosibirskogo gorodskogo literaturnogo kluba*. Lesosibirsk. 2013. no 1. 326 p.

6. Raduga. [Rainbow]. *Hudozhestvenno-publitsisticheskiy almanah Lesosibirskogo gorodskogo narodnogo literaturnogo kluba*. Lesosibirsk. 2015. no 3. 330 p.
7. Tanaseychuk A.B. *Kulturnaya samoidentifikatsiya amerikanskoy tsivilizatsii (na materiale natsionalnykh i regionalnykh literaturnykh traditsiy SShA XIX veka)* [Cultural Identity of the American civilization (based on the US XIX century national and regional literary traditions)]: Avtoref. diss. d-ra kulturolog. nauk. Saransk, 2008. 42 p.
8. Tyupa V.I. Mifologema Sibiri; k voprosu o «sibirskom tekste» russkoy literatury [Mythologeme of Siberia; to the question of “Siberian text” of Russian literature]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal*. 2002. no 1, pp. 27–35.
9. Shaykemelev M. S.-A. Identichnost kak kategoriya sotsialnoy filosofii [The identity as a category of the social philosophy]. *Vestnik NGU. Seriya: Filosofiya*. 2010. V.8. Issue 4, pp. 45–50.
10. Filippova N.P. *Znaki i simvoliy regionalnoy kulturnoy identifikatsii (na materiale Zabaykalskogo kraya)* [The signs and symbols of the regional cultural identity (on the examples of materials of Zabaykalski krai)]: Avtoref. diss. kand. kulturolog. nauk. Ulan-Ude, 2009. 22 p.
11. Epshteyn M. “*Priroda, mir, taynik vselennoy...*” *Sistema peyzazhnykh obrazov v russkoy poezii* [“Nature, the world, the hiding place of the universe ...” The system of landscape images in Russian poetry]. M.: Vysshaya shkola, 1990. 304 p.
12. Benoist A. Identité, Égalité, Différence. “VOXNR”.com. 12 Décembre 2013. http://www.voxnr.com/cc/dt_autres/EFlyllklEulkGvwQTC.shtml (date of the application: 18.08.2016).
13. Osborne B. S. Landscapes, Memory, Monuments and Commemoration: Putting Identity in Its Place, DRAFT, 2001. <http://canada.metropolis.net/events/ethnocultural/publications/putinden.pdf> (date of the application: 18.08.2016).

14. Paasi A., Zimmerbauer K. Theory and practice of the region: a contextual analysis of the transformation of Finnish regions. *Treballs de la Societat Catalana de Geografia*, 71-72, 2011, pp. 163–178. <http://www.raco.cat/index.php/treballsscgeografia/article/viewFile/256743/343733> (date of the application: 18.08.2016).
15. Huntington S. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. N.Y.: Simon and Schuster, 1996. <https://journals.lib.byu.edu/spc/index.php/CCR/article/viewFile/12758/12628> (date of the application 15.08.2016).
16. Huntington S. *Who are we? The challenges America's National identity*. N.Y.: Simon and Shuster, 2004. 448 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Бахор Тамара Андреевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и литературы
Лесосибирский педагогический институт – филиал Сибирского федерального университета
ул. Победы, 42, г. Лесосибирск, Красноярский край, 662543,
Российская Федерация
tamarales@mail.ru

Зырянова Ольга Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и литературы
Лесосибирский педагогический институт – филиал Сибирского федерального университета
ул. Победы, 42, г. Лесосибирск, Красноярский край, 662543,
Российская Федерация
onzyryanova@mail.ru

Мазурова Надежда Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы

*Лесосибирский педагогический институт – филиал Сибирского федерального университета
ул. Победы, 42, г. Лесосибирск, Красноярский край, 662543,
Российская Федерация
nadezhda.mazurova.59@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Bakhor Tamara Andreevna, Ph.D.in Philology, Associate Professor at the Department of Russian Language and Literature
*Lesosibirsk Pedagogical University – Affiliated Branch of Siberian Federal University
42, Pobedy St., Lesosibirsk City, Krasnoyarsky kray, 662544,
Russian Federation
tamarales@mail.ru*

Zyryanova Ol'ga Nikolaevna, Ph.D.in Philology, Associate Professor at the Department of Russian Language and Literature
*Lesosibirsk Pedagogical University – Affiliated Branch of Siberian Federal University
42, Pobedy St., Lesosibirsk City, Krasnoyarsky kray, 662544,
Russian Federation
onzyryanova@mail.ru*

Mazurova Nadezhda Alekseevna, Ph.D.in Philology, Associate Professor at the Department of Russian Language and Literature
*Lesosibirsk Pedagogical University – Affiliated Branch of Siberian Federal University
42, Pobedy St., Lesosibirsk City, Krasnoyarsky kray, 662544,
Russian Federation
nadezhda.mazurova.59@mail.ru*

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-3-2-208-226

УДК 821.161.1

**ТЕЛЕСНЫЙ КОД В ПОЭЗИИ А. БАШЛАЧЕВА,
Е. ЛЕТОВА И Я. ДЯГИЛЕВОЙ**

Пауэр К.Ю.

Предметом исследования является корпус поэтических текстов А. Башлачёва, Е. Летова и Я. Дягилевой. Автор научной статьи ставит целью раскрыть телесность в качестве одной из основных категорий структуры художественного пространства. Основу исследования образует структурно-семиотический метод. Результатом работы является выделение основных свойств телесности и выявление взаимосвязи образа тела с другими образами и мотивами в русской рок-поэзии. Результаты исследования могут быть применены в преподавании спецкурсов по русской рок-поэзии в высших учебных заведениях.

Ключевые слова: *тело; человек; рок-поэзия; дом; смерть; футляризация; пространство.*

**CORPORAL CODE IN POETRY OF A. BASHLACHEV,
E. LETOV AND Y. DYAGILEVA**

Pauer K.Y.

The basis of the poetic texts by A. Bashlachev, E. Letov and Y. Dyagileva acts as the subject of the analysis. The author of this research aims to reveal the corporality as one of the essential categories in the art space structure. The basis of the research is the structure-semiotical

method. The studies are to determine the basic properties of corporeality and to identify the relationship between body image and other images and motives in Russian rock-poetry. The results of the research can be applied in studying Russian rock-poetry at higher education institutes.

Keywords: *body; man; rock-poetry; home; death; caginess; space.*

Введение

Русская рок-поэзия представляет научный интерес для многих учёных, однако на данный момент не существует ни одного труда, посвящённого *изучению телесного кода в поэтике русского рока*. Категория телесности анализируется только косвенно в поэзии отдельных авторов, поэтому остаётся недостаточно изученной, что обуславливает актуальность данного исследования.

Обзор иностранной и отечественной литературы

Рок-поэзия является объектом исследования многих отечественных литературоведов: В.А. Гаврикова, О.Р. Темиришной, Ю.В. Доманского, А.В. Корчинского, Л.Г. Кихней, Е.Р. Авиловой и других. Так, Д.Г. Трунов с философской точки зрения анализирует оппозицию «телесного бытия: образ тела и чувство тела» [10, с. 49], однако он не исследует категорию телесности в русской рок-поэзии. Е.Р. Авилова определяет телесность в поэтике Е. Летова в качестве универсалии авангардной модели мира, но не анализирует образы тела в поэзии Я. Дягилевой, А. Башлачёва и других рок-поэтов. В.А. Гавриков исследует рок-поэзию многих авторов, используя синтетический подход, поэтому телесный код не является основным предметом исследования. Кроме того, русская рок-поэзия представляет научный интерес и для зарубежных учёных. Например, И. Гололобов, Х. Пилкингтон и Ю.Б. Стейнхольт [14] рассматривают феномен рок-течения с социологической и культуроло-

гической точки зрения, анализируют творчество Е. Летова, Я. Дягилевой и А. Башлачёва как представителей суб- и музыкальной культуры.

Постановка задачи

На основании результатов обзора научной литературы, были поставлены следующие задачи исследования:

1. определение основных свойств телесности в рок-поэзии;
2. выявление связи образов человеческого тела и ключевых мотивов в произведениях рок-поэтов;
3. характеристика телесности как элемента пространственной структуры художественного рок-текста;
4. анализ взаимосвязи внутреннего мира лирического субъекта и его телесности.

Материалы и методы

Телесность в русской рок-поэзии самобытна и аутентична. *Объектом* данного исследования являются тексты Е. Летова, А. Башлачёва и Я. Дягилевой. *Предмет* исследования – телесный код в русской рок-поэзии. Для анализа категории тела выбран структурно-семиотический метод исследования, разработанный представителями тартусско-московской семиотической школы – Ю.М. Лотманом и В.Н. Топоровым.

Описание исследования

Основными свойствами категории телесности в русской рок-поэзии являются **футлярность** и **закрытость**. Обратимся к поэзии А. Башлачёва. Он футляризирует образ тела, который является «домом души», т.е. замкнутым пространством, ограничивающим душу: «Еле-еле душа в черном теле» («На жизнь поэтов» [2, с. 135–136]);

«Катал я и золотом правил орешки»; «И тут оказалось, что я – ракетец. / Сижу в своем теле, как будто в вулкане. / Налейте мне свету из дырки окна!» («Верка, Надька, Любка» [2, с. 131–133]); «Но капля крови на нитке тонкой / Уже сияла, уже блестела / Спасая душу, / Врезалась в тело» («Ванюша» [2, с. 124–130]). Таким образом, тело и душа человека не просто взаимосвязаны, здесь присутствует фактор ограничения души телом, именно поэтому тело является «футляром» души, т.е. закрытым пространством.

Так как тело является «домом души», тело и душа в творчестве Башлачёва тесно взаимосвязаны. Так, в стихотворении «Верка, Надька, Любка» тело напрямую сравнивается с душой: «И душу с душком, словно тело в тележке» [2, с. 131–133]. Однако душа первична, так как она способна управлять телом: «Душа гуляет и носит тело» [2, с. 124–130]. Изменения в душе отражаются на теле: «Душа гуляет – заносит тело» [2, с. 124–130].

Исследуя творчество Башлачёва, нельзя не отметить, что несмотря на связь образов тела и души, они не являются тождественными. Рок-поэт разграничивает понятия тело и душа. Умирая, душа человека отделяется от тела, оставаясь живой: «Да захлебнулся. Пошла отравка. / Подняли тело. Снесли в канаву. / С утра обида. И кашель с кровью. / И панихида у изголовья» («Ванюша»). Здесь обнаруживаем, что лирический герой после смерти физического тела как бы смотрит на себя со стороны. Таким образом, тело представлено в качестве футляра – временного пристанища души.

Так же, как и Башлачёв, Я. Дягилева футляризирует тело: «Неволя рукам под плоской доской / По швам по бокам земля под щекой / Песок на зубах, привязанный страх» («Reggay» [7, с. 213]). Однако здесь обнаруживаем корреляцию уже не с образом души, а с мотивом смерти, поэтому в поэтике Дягилевой тело – это не только футляр, но и дом-гроб для души. Известно, что мотив смер-

ти является центральным в поэтике поэтессы, поэтому образы тела и тема смерти (суицида) коррелируют в большинстве её лирических произведений: «Коммерчески успешно принародно подыхать / О камни разбивать фотогеничное лицо» («Продано» [7, с. 214]); «Между взглядом и ладонями / Вспышки выстрелы в упор локтей в колени / В укор зелени утренней / Утрамбованной теми же коленями локтями» («Между взглядом и ладонями...» [7, с. 225]); «По свинцовому покою глубины моей / Нерастраченных страданий тёмно-синих дней / По шершавому бетону на коленях вниз / Разлететься, разогнаться – высота, карниз» («По свинцовому покою глубины моей...» [7, с. 216]).

Исследуя корреляцию телесного кода и мотива смерти в поэзии Дягилевой, стоит подробнее остановиться на песне «Придёт вода» [7, с. 242]. Вероятно, «спациум» данного стихотворения – ирреальное пространство предсказания смерти: «Придёт вода / Я буду спать». Несмотря на угнетающее трагическое предсказание смерти, образ воды окрашен сказочными красками и позитивными атрибутами: «Придёт вода / По той воде пузырьки — над нею радуги-мосты». Так как образ воды в предчувствии лирического персонажа связан с образом смерти, то пространство этой смерти прекрасное, следовательно, здесь смерть – это облегчение, освобождение из замкнутого пространства мучительной жизни, заключённой в физическое тело и зависимой от него.

Интересно интерпретирует концепцию данного стихотворения отец Янки – Станислав Иванович Дягилев, отождествляя идею песни с мотивом прощания: «А то, что вышло в конце концов... У Янки есть одна песня <...> «Придёт Вода», вот это и было, как мне показалось, не просто текстом – это было прощание, это была программа, это ведь было последним, что она написала» [11, с. 286].

Примечательно, что ещё одной характеристикой категории тела в рок-поэзии является **корреляция образов тела, дома и темы смерти**. Так, в песне Дягилевой «Придёт вода» домашний интерьер представлен в образах, сопоставимых с телесностью. Например, образ стены фантастичен и ирреален, наделен признаками человеческого тела: «А по весне на стене вырастут волосы / Да как же так», что указывает на связь телесных образов с образом дома. Обратим внимание на образы вне локуса дом, например, на экстерьер. В пейзаже этого лирического произведения вода возникает в трёх образах: река, дождь, снег. Вероятно, снег как одно из химических состояний воды – образ, передающий тяжесть жизненного пути, так как лирический герой плывёт не в воде, а по снегу: «По пояс плыть по снегам». В этом стихотворении поэт описывает холодное зимнее пространство, но приход весенней воды – смена ледового покрытия на воду – это неизбежность, естественный ход событий, как смерть – естественное завершение жизни. Примечательно, что природный пейзаж представлен архетипическими образами, характерными именно для русского климата.

Таким образом, в структуре пространства данной песни сочетается интерьер и экстерьер. Взаимосвязь дома и страны в целом подчёркивает Б. Винзова: «дом – это субъективная тема <...>. Можно сказать, что дом имеет непосредственное отношение к конкретной стране, культуре и даже традиции» [16, с. 212].

Как явствует из образно-мотивного строя данной песни, образ тела в поэзии Дягилевой коррелирует с феноменом предсказания, с темой смерти физического тела, пространством интерьера и экстерьера, а образ воды коррелирует с мотивом смерти как освобождения от мучительной жизни.

Стоит отметить, что связь телесного кода и темы смерти присутствует не только в поэзии Дягилевой. Так, в поэзии Летова об-

раз тела часто является бездуховным, бездушным, «ни живым, ни мёртвым», находящимся между жизнью и смертью: «Лишним телом заложили котлован» («Солдатами не рождаются» [8, с. 205]); «По дороге навстречу шёл мертвый мужичок» («Вершки и корешки» [8, с. 269]). Как и в поэзии Летова, образ тела в поэтике Башлачёва часто коррелирует с темой смерти: «Всю ночь я рыл окоп. Рубил лопатой / Тела давно забытых мертвецов / Они мне зубы скалили в лицо / И я колол их черепа прикладом» («Окоп» [2, с. 24–25]) (ср. с песней Летова «Вершки и корешки»). Как подсказывает Дж. Лакофф: «вопросы о жизни и смерти весьма всеобъемлющие, которые не могут быть единой концептуальной метафорой, которая позволит нам понять их» [15, с. 2].

Связь темы смерти, образов дома и тела также присутствует в стихотворении Дягилевой «По свинцовому покою глубины моей...»: «Заверни в своё дыхание – нам уже пора / Уходить за перелески проливным дождём / Оставляя за плечами беспокойный дом» [7, с. 216]. Видимо, здесь смерть – это освобождение из замкнутого пространства жизни – «беспокойного дома», а выход из тела – это уход из дома. Если предположить, что «беспокойный дом» – метафора образа смертного человеческого тела, ограничивающего душу и заставляющего её страдать, то смерть как выход из «беспокойного дома», т.е. из жизни тела, является освобождением от страданий. Как справедливо отметил В.А. Гавриков, анализируя цикл Дягилевой «Домой!»: «Фраза «плюс на минус даёт освобождение» указывает на способ выхода из болевой ситуации», т.е. имеется в виду, вероятнее всего, «выход в смерть» – домой», что также подтверждает тезис об изморфности образов тела и дома [5, с. 566].

Примечательно, что связь образов дома и тела рассматривает и В.Н. Топоров, указывающий, что «для ряда мифопоэтических традиций актуально представление о доме как о некоем внешнем от-

чуждаемом теле владельца дома, продолжающем свое неотчуждаемое тело» [9, с. 266]. Таким образом, с точки зрения мифопоэтического подхода, дом как бы продолжает тело его хозяина. Кроме того, К. Купер с социально-психологической точки зрения анализирует дом и приходит к выводу, что он символизирует и отражает личность, образ жизни и социальный статус его хозяина и семьи, вводя новый термин «The House as Symbol of the Self» («Дом как символ личности») [12, с. 168–172].

Связь образов дома и тела нагляднее всего выражена в образном ряде песни Летова «Как в мясной избушке помирала душа», где описывается ирреальное игрушечное пространство («Пластмассовый танк объявил войнушку / пластилиновой вселенной») и апокалипсичное пространство с закрытым локусом дома, так как именно в нём умерла душа:

Кролики кралась в горящей траве...

На рассвете кто-то в окно постучал

Тихо-тихо

никто не услышал

никто не открыл

[8, с. 274].

Этот текст можно определить как транс-психоделический, т.к. здесь трансперсональное состояние возникает путём погружения во внутреннее пространство мысли. Однако в этой песне психоделическое начало связано не только с музыкальным рядом, но и семантической инверсией: «В то красное лето многие сходили с ума / В то лето людишки уходили с ума / Завидуя торопливым воронам».

Центральный образ здесь – это тело человека, оно выражено в образах: «мясной избушки»; «мясистой хатки» (ср. «Прыг-скок»: «Душу вымело / За околицу / Досадный сор из мясной избушки...»). Кроме образа тела, в данной песне упоминаются и его

части: «добрые трудолюбивые пальцы», «разбил себе вдребезги лоб», «пузырьки век», «кривые зубы». Здесь тело всего лишь «избушка», тело = дом, а душа – что-то живое. Как человек живёт в доме, так и душа «живёт» в теле.

Сопоставляя образ тела и образ дома, нельзя не отметить, что в некоторых песнях Летова пространство локуса дом олицетворено: «Заскорузлые мозоли потолков» [8, с. 216], что ещё раз доказывает правильность тезиса о том, что тело и дом являются изоморфными образами. Знаменательно, что на тождественность образов дома и тела также указывает Г. Башляр: «Дом – тело и душа» [4, с. 29].

В других стихотворениях образ тела напрямую сравнивается с образом дома. Например, в стихотворении Летова «Я простудился и умер...» [8, с. 144] образ человеческой кожи сравнивается с пространственным образом лестницы – атрибутом жилища, указывающим на вертикальный вектор пространственных координат («а кожа как лестница снизу наверх»). Образ сердца лирического героя соотносится с образом лампочки как неотъемлемого атрибута локуса дом в современном мире («сердце моё стало как пыльная лампочка / в коммунальном кирпичном сортире»). Примечательно, что локус дом подробно описан как неуютный, где превалируют негативные атрибуты.

Связь образов тела и дома присутствует и в поэзии Дягилевой «Про чёртиков», где при описании глаз, передающих эмоции удивления персонажа, использована метафора: глаза сопоставляются с окнами: «Глазки в круглые окошки – ишь ты чайки вот дают!» [7, с. 235]. А в песне «Рижская» стекла очков сравниваются с оконными стеклами: «На обесцвеченных глазах мутные стёкла» [7, с. 201].

Как явствует из анализа художественных произведений рок-поэтов, образы тела и дома настолько тесно взаимосвязаны, что становятся тождественными, моделируя метафору: *дом – это тело, а тело – дом*. Знаменательно, что закономерность корреля-

ции образа тела и образа дома в поэтических текстах уже была отмечена Л.Г. Кихней и М.В. Галаевой: «модель дома структурно повторяет модель тела – «дом» является также, как и «тело», показателем упорядоченности микро- и макрокосма. Отсюда частичное совпадение семиотических функций этих образов, что, кстати, было характерно для мифологического мышления» [6, с. 87].

Следующая особенность образа тела в русской рок-поэзии заключается в том, что оно соотносится с весьма **специфическим типом пространственной границы**. Тело, как и дом имеет пограничные маркеры, такие как двери, порог и т.д., тело – это тоже закрытое пространство, имеющее проницаемые границы, через которые микромир человека контактирует с окружающей реальностью. Как подсказывает С. Диксон, микромир человека – это не только его душа, но и его внутренний мир: «Тело сложнее, чем органическая или неорганическая материя, так как оно принадлежит не только к материальному миру. В нем есть дух, свобода воли, воображение и подсознательные желания, поэтому тело является субъектом целого ряда имманентных и внешних сил и законов, которые наука не в силах ни понять, ни объяснить» [13, с. 297]. Иными словами, Диксон расширяет понятие телесности, интегрируя в него дух и личные качества субъекта. Таким образом, тело ограничивает не только душу, но и внутренний мир лирического субъекта, позволяя в то же время взаимодействовать с внешним миром. Так, в стихотворении «Рыбный день» Башлачёв сравнивает человеческое тело с явлением природы. Например, тучи сравниваются с органами человеческого тела: «Нас атакуют тучи-пузыри / Тугие мочевые пузыри» [2, с. 48–50]. Лирический герой наделяет свой мир эпитетом *«растворимый»*, что помогает охарактеризовать пространство внутреннего мира лирического героя как проницаемый, готовый слиться с реальным, внешним миром: «Мой растворимый мир открыт для вас». Однако и внешний мир автор наделяет эпитетом *«раство-*

римый», что указывает на прямую взаимопроницаемость *внешнего* мира и *внутреннего* мира лирического героя: «Я наблюдаю растворимый мир». Таким образом, на примере стихотворения «Рыбный день» мы установили, что в поэзии Башлачёва тело – это закрытое пространство с проницаемой границей.

Тело является открытым пространством с проницаемыми границами и в творчестве Летова. Например, в метафоре «Застучали листопады по мозгам» [8, с. 216] природный образ проникает в пространство головы. В этом же тексте обнаруживаем: ирреальный образ лабиринтов интегрируется в ноздри («Меховые лабиринты ноздрей»). Таким образом, внешнее природное пространство интегрируется в образ тела. Вероятно, поэт описывает данную картину, чтобы наглядно показать смену исторической и культурной эпохи. Примечательно, как анализирует взаимодействие дома как микрокосма и природы как макрокосма М.С. Анисимова: «Хронотоп дома и хронотоп природы не существуют в сознании героя автономно, а объединяются в единый микромир, с помощью чего возникает единство земного быта и вселенского бытия» [3, с. 16]. Таким образом, дом, природа и тело не только взаимосвязаны и взаимопроницаемы, но и едины.

В русской рок-поэзии телесность также связана с **мотивом деструкции**. Так как образ тела коррелирует с образами души и внутреннего мира субъекта, его переживания как проявления микрокосма отражаются на теле как на его внешнем выражении, поэтому в рок-поэзии образ тела часто поддается процессу разрушения и повреждения. Стоит отметить, что как физические, так и душевные страдания субъекту наносит внешний фактор. Так, в песне Башлачёва «Тесто» природные условия повреждают тело: «Когда злая стужа снедужила душу / И люта метель отметелила тело» [2, с. 143–144]. Таким образом поэт отражает конфликт внешнего мира и души лирического героя, что моделирует бинарную оппозицию внутренний / внешний мир.

Примечательно, как анализирует конфликт между лирическим субъектом и окружающим его миром Е.Р. Авилова и деструкцию телесного кода: «Телесный код как воплощение деструкции <...> – следствие принципиальной невозможности включения внутреннего тела (субъекта) во внешнее, так как соотношение этих двух начал необходимо для гармонического мироощущения» [1, с. 220–221]. Таким образом, тело и внутренний мир лирического субъекта в русской рок-поэзии взаимодействуют с внешним миром, но не интегрируются в реальный мир, что является причиной страданий в связи с отсутствием гармонии микро- и макрокосмов.

Так же, как и в поэзии Башлачёва и Летова, образ тела в поэзии Дягилевой часто поддается деструкции, в связи с чем лирический герой испытывает боль: «Полууничтоженных под пятитонный пресс» («Страх осколок истины прогнать из пустоты...» [7, с. 179]); «Сбивая руки в кровь о камень, край и угол / заплаты на лице я скрою под чадрой» («Я голову несую на пять корявых кольев...» [7, с. 175–176]); «Некуда деваться – нам остались только сбитые коленки» («Я стерженею» [7, с. 209]); «По тёплому загара источившимся ножом» («Наполнилось до краешка ведро лунной патокой...» [7, с. 169]); «Зеленка на царяпину» («Волки сыты – овцы целы» [7, с. 170]); «Негибаемый ужас в изгибах коленей <...> Покатилось лицо по камням по следам» («На дороге пятак» [7, с. 236–237]); «Сапогами в камни сбитые / Да об рельсы подошвой стёртою / В голенище кошачьей лапою» («А.Б.» [7, с. 177]); «От накрытых столов / до пробитых голов» («Ждём с небес перемен – видим петли взамен...» [7, с. 181]); «Рваная рана, кривая железка» («Вечное утро» [7, с. 183]); «В слове соль и стёкла осколками впиваются в живое» («Фонетический фон или слово про слова» [7, с. 219]). Можно предположить, что страдания лирического персонажа постоянны («Недопкорёженных – под гусеницы вновь» («Страх осколок истины прогнать из пустоты...»

[7, с. 179]) и безнадежны («Недопокалеченному выбить костыли») («Страх осколок истины прогнать из пустоты...» [7, с. 179]). Таким образом через физические раны автор передаёт душевные страдания лирического персонажа. Примечательно, что повреждение тела часто выражено через сему *кровь*: «В моей крови песок мешается с грязью» («Рижская»); «От вселенской любви только морды в крови» («От большого ума» [7, с. 206]); «А в восемь утра кровь из пальца анализ для граждан» («Ангедония» [7, с. 211]).

Образ болезненного страдающего тела в поэзии Дягилевой часто описывается с помощью прилагательных, имеющих негативный узуальный коннотат: грязный, заразный, истерзанный, неприятный: «Не подходи ко мне – я заразная, грязная / <...> / Махни рукой – развеешь дым моих вонючих папирос, / Что глаза так ест. Пока ещё не до слёз» («Синим мячиком с горы прочь голова...» [7, с. 174]). Примечательно, что лирическому герою часто закрывают либо завязывают рот («Я тряпочкой рот прикрою от греха» («Синим мячиком с горы прочь голова...» [7, с. 174]), что, вероятно, является отсылкой к проблеме поэта и толпы, недооценивания человеческой свободы слова и конфликта лирического героя и общества: «На дороге я валялась / Грязь слезами разбавляла / Разорвали нову юбку / Да заткнули ею рот» («Гори, гори ясно» [7, с. 199]).

Однако телесность в русской рок-поэзии не всегда поддаётся деструкции. Обратимся к образу глаз как к элементу телесного кода в рок-поэзии. Согласно народной мудрости, глаза – зеркало души, следовательно, они отражают внутренний мир лирического персонажа. Инвариант образа глаз в поэзии Башлачёва – это зеркальные ледяные прозрачные чистые глаза: «Сегодня тает лед зеркальных глаз» («Рыбный день»); «Тогда почему, почему кто-то плачет? / Оставь воду цветам. Возьми мои глаза» («Когда мы вдвоём» [2, с. 157]); «Влажный блеск наших глаз» («Влажный блеск наших глаз» [2, с. 56–58]). Од-

нако не всегда образ глаз имеет положительные характеристики. Так, поэт описывает и агрессивные, цепкие глаза: «Цепкий глаз. Ладони скользкие» («Мельница» [2, с. 95–97]); «И спел свою, сказав себе: – Держись! – играя кулаками. / А он сосал из меня жизнь глазами-слизняками» («Случай в Сибири» [2, с. 136–139]). Таким способом автор описывает глаза героя-антагониста. Анализируя образ глаз в поэзии Башлачева, мы подтвердили тезис о том, что глаза являются внешним выражением внутреннего мира персонажа. Они отражают либо его эмоциональные, душевные переживания, чувства, либо показывают негативные стороны характеров лирических персонажей, а также ещё раз установили корреляцию образов тела и души.

Интересна характеристика образа глаз в поэзии Дягилевой: они живые, безумные, близорукие: «Разбуди фонарём в глаза безумные!» («Синим мячиком с горы прочь голова...»); «На небо, под землю живыми глазами («Неясный свет через метель и дуг...» [7, с. 218]); «По близоруким глазам, не веря глупым слезам» («Особый резон» [7, с. 198]), что характеризует лирических героев как молодых, активных, любопытных, безумных.

Так же, как и образы глаз, образ головы является важным элементом телесного кода. Рассмотрим инвариант образа головы в поэзии Башлачёва, который наиболее ярко показан в песне «Поезд №193» [2, с. 88–90]. В этот образ интегрирован внутренний мир лирического субъекта. В ключевой формуле «Моя голова – перекресток железных дорог...» описано пространство головы, которое является миром мыслей лирического героя. В свою очередь, мысли запутаны, они динамичны, поэтому поэт сравнивает пространство головы с транспортным перекрёстком. Перекрёсток железных дорог – это внутренний мир персонажа, который интегрирован в голову лирического субъекта и сравнивается с образом железной дороги по признаку бесконечности и безграничности.

Рассмотрим характеристику образа головы в творчестве Дягилевой. В её поэзии этот образ часто носит негативный характер, т.к. он связан с мотивом боли и страданий, что ярко выражено в рефрене песни «Крестом и нулем» [7, с. 215]: «Болят голова это просто болят голова». Головная боль постоянно сопровождает лирического персонажа: «А я курить бросаю / А то голова стала болеть и сплю плохо» («Катится все в пропасть...» [7, с. 227]); «В распухших головах» («Домой!» [7, с. 203]). Однако в нескольких стихотворениях боль отсутствует, но лирический герой опасается её: «Чтоб не пронзили головою болью / Чтоб мокрыми ногами не шагать» («Неясный свет через метель и луг...»).

С мотивами боли и страданий связано и частотное использование определения «седой» при описании человеческого тела, что, вероятно, указывает не только на пожилой возраст, но и на обилие стрессовых ситуаций и страданий в жизни лирических персонажей, следовательно, здесь присутствует коррелиция образа тела и мотива страданий: «Щенок дрожащий засыпает / На коленях хозяйской Матери седой» («На берегу размытой боли...» [7, с. 217]); «Если с конца – потемнеют седины / Сколько мне лет?» («Вечное утро»). Более того, в стихотворении «Отпусти, пойду. За углом мой дом...» [7, с. 178] определение «седой» автор употребляет при описании образа олицетворённой печали: «У ворот Печаль встанет сторбленным / Старичком седым да понурится»; «Тронет бороду, глянет в сторону».

Таким образом, в русской рок-поэзии тело лирического героя нередко подвергается процессу деструкции, что связывает телесный код с темой боли и страданий.

Подводя **итоги** нашего исследования творчества Башлачёва, Летова и Дягилевой, необходимо подчеркнуть, что:

1. Основное свойство телесности – футлярность и закрытость. Тело – «футляр» души. Тело – ограничительный фактор для души и внутреннего мира лирического субъекта.

2. Образ тела коррелирует с темой смерти. Тема смерти – одна из центральных в русской рок-поэзии, поэтому человеческое тело часто соотносится с суицидальными мотивами.

3. Уход из дома равен выходу из тела. В русской рок-поэзии единственным способом освобождения души из дома-гроба-тела является смерть.

4. Тело и дом – изоморфные образы. Телесность в русской рок-поэзии коррелирует с образом дома: глаза – окна, очки – стёкла и т.д. Т.к. дом «повторяет» тело, эти образы являются тождественными.

5. Телесность является элементом пространственной структуры художественного рок-текста – она представляет собой закрытое пространство с проницаемой границей. Тело является «домом» души, однако его границы проницаемы, на что указывает связь лирических субъектов с внешним, враждебным им миром.

6. Тело подвержено физическим страданиям. Так как тело – внешнее отражение внутреннего мира, физическая боль выражает внутренние страдания лирического героя. Таким образом, телесность подвержена деструкции.

Список литературы

1. Авилова Е.Р. Телесность как основная универсалия авангардной модели мира (на примере творчества Егора Летова) // Русская рок-поэзия: текст и контекст: Сб. науч. тр. Екатеринбург; Тверь, 2010. №11. С. 173–177.
2. Александр Башлачёв: человек поющий / Лев Наумов. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: ЗАО «Торгово-издательский дом «Амфора», 2014. 543 с.
3. Анисимова М.С. Мифологема «дом» и её художественное воплощение в автобиографической прозе русской эмиграции (на примере романов Шмелева И.С. «Лето Господне» и М.А. Осоргина «Времена») // Автореф. дис... к.ф.н. Нижний Новгород, 2007. С. 19.

4. Башляр Г. Избранное: Поэтика пространства / Пер. с франц. Н.В. Кислова, Г.В. Волкова, М.Ю. Михеев. М.: РОССПЭН, 2004. 376 с.
5. Гавриков В.А. Русская песенная поэзия XX века как текст. Монография. Брянск: ООО «Брянское СРП БОГ», 2011. 634 с.
6. Кихней Л.Г., Галаева М.В. Локус «дома» в лирической системе Анны Ахматовой // Восток – Запад: Пространство русской литературы / Материалы международной научной конференции. Волгоград: ВГУ, 2004. С. 87.
7. Русское поле экспериментов: [Стихи] / Егор Летов, Яна Дягилева, Константин Рябинов. М.: ТОО «Дюна», 1994. 300 с.
8. Стихи / Е. Летов. Москва: ООО «Выргород», 2011. 548 с.
9. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М.: Наука, 1983. С. 227–284.
10. Трунов Д.Г. Образ тела и чувство тела – главная оппозиция телесного бытия // Вестник бурятского государственного университета. Улан-Удэ, 2009. №14. С. 49–52.
11. Янка. Сборник материалов. Авт.-сост.: Екатерина Борисова, Яков Соколов. СПб.: ЛНПП «Облик», 2001. 607 с.
12. Cooper C. The People, Place, and Space Reader. New York: Routledge, 2014, pp. 168–172.
13. Dickson S. The German Quarterly. No 74 (2001). P. 297.
14. Gololobov I., Pilkington H., Steinholt Y.B. Punk in Russia. Cultural mutation from the ‘useless’ to the ‘moronic’. New York. Routledge, 2014. 223 p.
15. Lakoff G. More than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor. Chicago: The University of Chicago Press, 1989. 229 p.
16. Vinczeová B. European Journal of Social and Human Sciences. No 8 (2015), pp. 208–213.

References

1. Avilova E.R. Telesnost' kak osnovnaja universalija avangardnoj modeli mira (na primere tvorчества Egora Letova) [Corporeality as a main

- universal of a vanguard universe model (based on the oeuvre by Egor Letov)]. *Russkaja rok-poezija: tekst i kontekst* [Russian rock poetry: text and context]: Sb. nauch. tr. Ekaterinburg; Tver', 2010. №. 11, pp. 173–177.
2. Aleksandr Bashlachjov: *chelovek pojushhij* [Alexander Bashlachev: a singing man] / Lev Naumov. 2nd ed., revised and updated. SPb.: ZAO «Torgovo-izdatel'skij dom «Amfora», 2014. 543 p.
 3. Anisimova M.S. *Mifologema «dom» i ejo hudozhestvennoe voploshhenie v avtobiograficheskoj proze russoj jemigracii (na primere romanov Shmeleva I.S. «Leto Gospodne» i M.A. Osorgina «Vremena»)* [A myth «home» and its artistic embodiment in an autobiographical prose of Russian emigration (on a base of novels of Shmelev I.S. «The year of the Lord's favor» and M.A. Osorgin «Times»)]. Nizhnij Novgorod, 2007. P. 19.
 4. Bashljar G. *Izbrannoe: Pojetika prostranstva* [Selected: Universe poetic] / Translated from French by N.V. Kislova, G.V. Volkova, M.Ju. Miheev. M.: ROSSPAN, 2004. 376 p.
 5. Gavrikov V.A. *Russkaja pesennaja poezija XX veka kak tekst* [Russian song poetry of XX century as a text]. Brjansk: OOO «Brjanskoe SRP BOG», 2011. 634 p.
 6. Kihnej L.G., Galaeva M.V. Lokus «doma» v liricheskoj sisteme Anny Ahmatovoj [Locus “home” in a lyrical system of Anna Ahmatova]. *Vostok – Zapad: Prostranstvo russoj literatury* [East – West: Space of Russian literacy] / Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, 2004. P. 87.
 7. *Russkoe pole jeksperimentov: [Stihi]* [Russian field of experiments: [Poems]] / Egor Letov, Jana Djagileva, Konstantin Rjabinov. M.: TOO «Djuna», 1994. 300 p.
 8. *Stihi* [Poems] / E. Letov. Moscow: OOO «Vyrgorod», 2011. 548 p.
 9. Toporov V.N. Prostranstvo i tekst [Universe and text]. *Tekst: semantika i struktura* [Text: semantics and structure]. Moscow: Nauka, 1983, pp. 227–284.

10. Trunov D.G. *Obraz tela i chuvstvo tela – glavnaja oppozicija telesnogo bytija* [The image and the feeling of the body – the main opposition of the body existence]. *Vestnik burjatskogo gosudarstvennogo universiteta*. Ulan-Ude, No 14 (2009), pp. 49–52.
11. Yanka. *Sbornik materialov* [Sourcebook]. Compiler: Ekaterina Borisova, Jakov Sokolov. SPb: LNPP ‘Oblik’, 2001. 607 p.
12. Cooper C. *The People, Place, and Space Reader*. New York: Routledge, 2014, pp. 168–172.
13. Dickson S. *The German Quarterly*. No 74 (2001). P. 297.
14. Gololobov I., Pilkington H., Steinholt Y.B. *Punk in Russia. Cultural mutation from the ‘useless’ to the ‘moronic’*. New York. Routledge, 2014. 223 p.
15. Lakoff G. *More than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor*. Chicago: The University of Chicago Press, 1989. 229 p.
16. Vinczeová B. *European Journal of Social and Human Sciences*. No 8 (2015), pp. 208–213.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Пауэр Кристина Юрьевна, аспирант

Институт международного права и экономики им. А.С. Грибоедова

ш. Энтузиастов, 21, г. Москва, Российская Федерация

kristina.power@yandex.ru

SPIN-код: 4330-7330

DATA ABOUT THE AUTHOR

Pauer Kristina Yur’evna, Postgraduate

Institute of International Law and Economy

21, Enthusiasts highway, Moscow, Russian Federation

kristina.power@yandex.ru

SPIN-code: 4330-7330

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-3-2-227-243

УДК 81.22

**ВЕРБАЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ
РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ
СОВРЕМЕННЫХ ЧОКОНИМОВ)**

*Славкина И.А., Шмульская Л.С.,
Мамаева С.В., Веккессер М.В.*

Предметом исследования явились способы отражения и лингвистического выражения региональной идентичности. Материалом изучения избраны чоконимы, называющие изделия Красноярской кондитерской фабрики «Краскон».

Цель. Рассмотреть ключевые особенности понятия «региональная идентичность» и выявить знаковые региональные образы, которые закладываются в основу номинации шоколадной продукции.

Методы исследования: анкетирование, описательный метод и метод контекстуального анализа.

Результаты. Региональная идентичность определяется как форма коллективной идентичности, при которой ее носитель оказывается способным к пространственно-временной идентификации, ценностному, эмоциональному, регулятивному соотносению с внешним миром. При анализе чоконимов кондитерской фабрики «Краскон» выявлено, что чаще всего в основу номинации кладутся топонимические образы Красноярского края (Саяны, Красноярск, Енисей, Загорье, Столбы). Чоконимы с одной стороны могут рассматриваться как вербальные ресурсы выражения и описания процесса региональной идентичности, с другой стороны могут являться средством маркирования и конструирования территориальной идентичности, создавать так называемый имидж региона.

Ключевые слова: региональная идентичность; чоконим; топонимический образ; маркер региональной идентичности.

VERBAL MARKERS OF REGIONAL IDENTITY (BASED ON MODERN CHOCONYMS)

*Slavkina I.A., Shmul'skaya L.S.,
Mamaeva S.V., Vekkesser M.V.*

The ways of reflection and linguistic expression of regional identity constituted the subject of the research. The choconyms of Kraskon (Krasnoyarsk confectionery company) were chosen as the material for the study.

Goal. To consider the key features of the "regional identity" concept and identify regional landmark images which are laid in the basis of chocolate products nomination.

Methods of research: questioning, descriptive method and the method of contextual analysis.

Results. Regional identity is defined as a form of collective identity in which its supporter is capable of space-time identification, evaluation, emotional, regulatory correlating with the outside world. While analysing the choconyms of Kraskon confectionery company it was revealed that most often used toponymic images of the Krasnoyarsk krai (the Sayan Mountains, Krasnoyarsk, the Yenisei, Zagorye, Stolby) are taken as the basis for the nomination. On the one hand, choconyms can be considered as verbal resources of expression and description of the process of regional identity; on the other hand, they can be a means of marking and constructing of the territorial identity, as well as creating a so-called image of the region.

Keywords: regional identity; choconym; toponymic image; marker of regional identity.

Проблема идентичности на современном этапе находится в центре внимания таких гуманитарных наук, как социология, философия, психология, культурология и др. [6, 14, 15, 16, 17, 18]. Термин «идентичность» утвердился в научном обиходе в начале XX в. Родоначальником концепции идентичности принято считать Э. Эриксона, который отмечал, что «в одно время она (идентичность) кажется относящейся к сознательному чувству индивидуальной уникальности, в другое – к бессознательному стремлению к непрерывности опыта, в третье – к солидарности с групповыми идеалами [13, с. 57]. И.С. Кон, отталкиваясь от понятия идентичности, данного Эриксоном, определял ее как «совокупность представлений человека о своей самобытности во всех основных модальностях – психофизиологической, социальной, личностной» [6, с. 28]. Типы модальности легли в основу выделения следующих разновидностей идентичности: «1) психофизиологическая идентичность обозначает единство и преемственность физиологических и психических процессов и свойств организма; 2) социальная идентичность обозначает систему свойств, благодаря которым особь становится социальным индивидом, членом определенного общества или группы, и предполагает разделение (категоризацию) индивидов по их социально-классовой принадлежности, социальным статусам и усвоенным ими социальным нормам; 3) личная идентичность, или эго-идентичность, обозначает единство и преемственность жизнедеятельности, целей, мотивов и смысловых установок личности, осознающей себя как «самость» [6, с. 28–29]. Все эти три типа теснейшим образом взаимосвязаны, поскольку причисление к определенному социуму (группе, направлению, течению, школе) нуждается в обращении внутрь себя, к своей «самости», поскольку «любая идентичность предполагает акты самоидентификации: проекцию внутренней личностной структуры в мир» [8, с. 131]. Возможно, именно поэтому

Э. Эриксон не дает точного определения понятию «идентичность». «Чем больше пишешь на эту тему, тем более широким и всеобъемлющим кажется содержание этого термина. Единственный путь определить его – попытаться понять, в каких контекстах без него нельзя обойтись» [13, с. 20].

Сложность и неоднозначность изучаемого феномена подтверждают многочисленные научные классификации идентичности. Наиболее полной представляется классификация, отраженная в работе Ц.П. Короленко, Н.В. Дмитриевой, Е.Н. Загоруйко:

- по эмоциональному самопринятию (негативная, позитивная);
- по направленности (социальная, коллективная, групповая, личная, индивидуальная, Я-идентичность, эго-идентичность);
- по происхождению (внешне обусловленная, базисная, приобретенная, первичная или вторичная, заимствованная);
- по наличию кризиса и единиц идентичности (достигнутая, «мораторий», преждевременная, диффузная);
- по уровню осознанности (осознаваемая, неосознаваемая);
- по объекту идентификации (экологическая, антропологическая, психологическая);
- по очевидности атрибутов идентификации (актуальная, виртуальная, реальная, идеальная, желаемая);
- по социальной обусловленности (предъявляемая, непредъявляемая);
- по иерархическому статусу (центральная, периферическая, различные субидентичности);
- по социальной адаптации (конструктивная, деконструктивная, девиантная, маргинальная);
- по стратегии выхода из кризиса идентичности (биографическая, партиципативная, функциональная, сегментивная);
- по тематическому антропологическому признаку (культурная, гендерная, половая, расовая, этническая, национальная,

территориальная, профессиональная, возрастная, религиозная, конфессиональная и др.) [7].

Подобная неоднородность идентичности, на наш взгляд, отчасти объясняется биполярностью самого явления, в котором сочетаются несколько противоположных тенденций: 1) желание выделиться, вычленив себя как нечто уникальное, желание обособиться; 2) желание присоединиться к коллективу, найти «своих», приобщиться к кому или чему-либо. В целом, обретение идентичности означает найти себя, найти свое уникальное место в группе чем-то похожих людей.

Признавая многообразие и взаимосвязь типов идентичности, необходимо отметить, что социальная идентичность как результат процесса идентификации характеризуется наибольшим количеством ярко выраженных вербальных маркеров, что дает богатый материал для лингвистических изысканий. Однако социальная идентичность неоднородна и включает в себя следующие типы: цивилизационная, культурная, национальная, религиозная, территориальная, гендерная, политическая, профессиональная [9, с. 17–18]. В рамках данной статьи рассматриваются вопросы, связанные с понятием территориальной (или региональной) идентичности. Под территориальной идентичностью понимается «переживаемые и/или осознаваемые смыслы системы территориальных «общностей» (субъективной социально-географической реальности), формирующие «практическое чувство» и/или сознание территориальной принадлежности индивида» [12, с. 95]. Проще говоря, региональная идентичность – это мысли и чувства субъекта относительно региона, которые формируют территориальную принадлежность индивида. Е.В. Головнева определяет региональную идентичность как «форму коллективной идентичности, при которой ее носитель оказывается способным к пространственно-временной идентификации, ценностному, эмоциональному, регулятивному соотносению с внешним миром» [1, с. 43].

Ценностный компонент региональной идентичности, на наш взгляд, во многом соотносится с проблемой восприятия времени и толкования культурного прошлого региона. Этот компонент не всегда вербализуется и часто характеризуется неоднородностью, мозаичностью, поскольку субъекты региональной идентичности обладают различными профессиональными, возрастными, гендерными характеристиками.

Эмоциональный компонент территориальной идентичности основывается на стереотипных представлениях возможного психоэмоционального поведения субъекта, его поведенческих реакций, их быстрота и интенсивность.

Регулятивный компонент основывается на способах поведения и представляет собой конкретные поведенческие реакции в тех или иных условиях в пространстве региона, способы ориентирования на данной территории.

Основным в структуре региональной идентичности, на наш взгляд, выступает пространственно-временной, или когнитивный, компонент, который базируется на так называемых «географических образах», являющих собой, по словам Д.Н. Замятина «устойчивые пространственные представления, которые формируются в различных сферах культуры в результате какой-либо человеческой деятельности (как на бытовом, так и на профессиональном уровне)» [2, с. 92]. Таким образом, ключевым при формировании географических образов оказывается как природный, так и культурный ландшафт.

Одним из способов вербализации компонентов региональной идентичности являются онимы. На наш взгляд, изучение ономастического пространства региона позволяет выявить значимые вербализованные знаки, символы, образы, отражающие этноментальные особенности той или иной территории. Анализ ономастических материалов ведется в русле антропоцентрического подхода, который в

настоящее время утвердился в гуманитарных науках, в центре изучения которых находится человек. Давая характеристику онимам, мы можем проследить весь процесс номинации: от возникновения образа до его вербализации. Значимым и показательным является то, что кладется в основу номинации. Все это позволяет познать социум через язык, сделать выводы о важности тех или иных событий и явлений. В процессе присвоения имен собственных «важную роль выполняет функция идентичности, позволяющая номинатору отразить традиционные территориальные, этнические и межкультурные ценности, сформированные на протяжении длительного исторического периода и отражающие знания человека о мире, в которых сконцентрирован его национально-культурный и межэтнический опыт» [3, с. 15].

Среди многочисленных онимов наиболее показательными в контексте вышесказанного являются онимы вторичной номинации – прагмонимы. (от греч. *pragma* «вещь, товар» + *онима* «имя»). Термин был предложен З.П. Комоловой для обозначения товарной марки как объекта лингвистического изучения [5, с. 67]. А.В. Суперанская считает, что данные названия стоят на грани между именами собственными и апеллятивами, именуя их товарными марками, или словесными товарными знаками [11]. Существуют и другие варианты этого термина, например, «прагмат» или «праматоним». В «Словаре русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской под термином прагматоним понимается «номен для обозначения сорта, марки, товарного знака» [10, с. 113]. В последующем изложении мы будем придерживаться наиболее частотного термина «прагмоним».

В данной статье предметом анализа является такая разновидность прагмонимов, как чоконимы. Традиционно под чоконимами понимается название шоколадной продукции, считаем возможным расширить использование указанного термина для номинации кондитерской продукции в целом.

Материалом исследования послужили названия изделий кондитерско-макаронной фабрики «Краскон» – крупнейшего производителя кондитерских и макаронных изделий в Красноярском крае. «Краскон» производит более 200 наименований кондитерских изделий. Мощности производства кондитерских изделий составляют 10 тысяч тонн в год.

Наряду с качеством производимого товара на рынке продвижения продукции значимым оказывается и название. Часто наименование продукции привлекает потребителя, побуждает к приобретению товара. Большая часть чоконимов включает оним Краскоша («Краскоша капитан Авроры», «Краскоша на Енисее», «Краскоша на балу», «Мечта Краскоши» и др.) и его производные («Краскошино загорье», «Краскошино», «Краскошино шоу» и др.). Собственное существительное Краскоша представляет собой вымышленное имя, образованное путем множественной мотивации от имени собственного «Краскон» и созвучного нарицательного существительного *дракон*. Название фабрики Краскон в свою очередь образовано путем слоговой аббревиации от словосочетания *красноярские конфеты* и созвучно существительному *дракон*. Возможно, именно поэтому производные аббревиатуры Краскон повторяют все словообразовательные модели лексемы дракон (*дракоша – Краскоша, дракошино – Краскошино, дракончики – краскончики*) и характеризуется такими же парадигматическими и синтагматическими отношениями (*Дракоша озорной – «Краскоша озорной», Дракоша – друг... – «Краскоша – друг белочки», Дракошино... – «Краскошино шоу», Дракоша любит... – «Краскоша любит загадки»* и др.).

Анализируя названия шоколадных конфет, включающих лексему *Краскоша*, с точки зрения синтагматических отношений, можно указать следующие характерологические черты указанного образа: Краскоша – провинциал, проживающей в местности, названной в

его честь: «Краскошино» (скорее всего, данный топоним образован по словообразовательной аналогии с лексемой *Простоквашино*), «Краскошино загорье». Краскоша любит путешествовать: «Краскоша на севере», «Краскоша в столице», «Краскоша на Енисее». Краскоша открыт для общения («Краскоша друг буревестника», «Краскоша друг белочки», «Краскоша с коровкой на лужайке», «Краскоша дарит букет роз»), любит праздники («Краскошино торжество», «Краскошино шоу», «Краскоша на балу»). Краскоша – весельчак («Краскоша озорной», «Краскоша забавный», «Краскоша заводной», «Краскоша любит загадки»).

Отметим, что образ Краскоши широко известен и положительно воспринимается сибиряками, что подтверждается результатами опроса, проведенного среди жителей г. Лесосибирска. Так, 87% респондентов без особых затруднений смогли назвать продукцию фабрики «Краскон», примечательно, что большинство указали конфеты, названия которых включают оным Краскоша. На вопрос «С чем ассоциируется слово *Краскоша*» были получены следующие ответы: *конфеты, красноярские конфеты, вкусные конфеты, наши конфеты, новогодний подарок, дракон, Красноярск, дракончик*. Фигурирование в ответах таких лексических единиц, как *красноярские, Красноярск, наши* указывает на то, что Краскоша – это символ, или так называемый «географический образ», имеющий некую территориальную закреплённость.

Результаты опроса позволяют утверждать, что продукция Абаканской кондитерской фабрики практически не известна жителям города, несмотря на то что в силу территориальной близости регионов многие из опрошенных регулярно отдыхают на озерах Хакасии. Напротив, такие торговые марки центральных регионов России, как «РотФронт», «Красный октябрь», «Яшкино», «Славянка» широко известны жителям провинциального сибирского города.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что с точки зрения маркетинга вымышленный персонаж Краскоша оправдал брендинговую стратегию красноярской кондитерской фабрики.

В рамках исследования представляют интерес такие чокони-мы, как «Саянита» и «Саянале», в которых прослеживается желание кондитеров с одной стороны создать ореол изысканности (по типу названий «Италиано», «Белиссимо», «Венециано», «Шарм», «Элит»), с другой стороны сохранить свою региональную специфику. Аффиксальные морфемы в лексемах Саянита и Саянале делают отсыл к «заморскому», европейскому, иностранному, иноязычному, однако смысловое наполнение регионально и культурно маркировано: корневая морфема –саян– позволяет указанные наименования включить в ряд однокоренных с такими лексическими единицами, как Саяны, Саянские.

Еще одним фактом проявления территориальной маркированности можно считать маркетинговый ответ фабрики «Краскон» на принятие в 2008 г. поправок к закону о товарных знаках. Введение закона закрепляет право на использование «старых» названий за столичным холдингом «Объединённые кондитеры». Все остальные производители шоколадной продукции должны были либо выкупать у «Объединённых кондитеров» лицензии, либо прекратить использовать в качестве названия известные «советские» чоконимы типа «Белочка», «Мишка на севере», «Аврора», «Красная шапочка» и др. И вот «Уралкондитер» выпускает конфеты «Умелочка» в привычной для глаза обёртке конфет «Белочка». Кондитерская фабрика Краскон в данной ситуации использовала стратегию сохранения колористики шоколадной обертки и совмещения в чоконимах уже известных названий конфет с региональными образами. Так, в результате нейминга появились такие названия, как «Краскоша на верблюде», «Краскоша друг белочки», «Красноярская птичка», «Красноярское

танго», «Краскоша капитан Авроры», «Краскоша друг буреветника», «Сибирская красавица в шапочке», «Краскоша любит загадки», «Краскоша вечером» и др., представляющие своего рода аллюзию с известными советскими товарными знаками «Кара-Кум», «Белочка», «Птичье молоко», «Танго», «Аврора», «Буреветник», «Красная шапочка», «Загадка», «Вечер».

Обращает на себя внимание тот факт, что включение в названия шоколадной продукции ярких представителей сибирской фауны (медведь, соболев, лиса и др.) нами не отмечено, за исключением единичного случая – набора шоколадных конфет «Питомцы Роева ручья».

При анализе чоконимов кондитерской фабрики «Краскон» выявлено, что чаще всего в основу номинации кладутся следующие топонимические образы Красноярского края.

1. Саяны – общее название для двух горных систем на юге Сибири в пределах субъектов Российской Федерации: Красноярского края, Иркутской области, Республик Хакасия, Тыва, Бурятия, а также северных районов Монголии. (Например, «Саянские росы», «Саянские поля», «Саянское лето», «Саянские озера», «Саянские жарки» др.).
2. Красноярск – один из крупнейших городов России, крупнейший культурный, экономический, промышленный и образовательный центр Центральной и Восточной Сибири; административный центр Красноярского края. (Например, «Красноярская птичка», «Красноярское танго», «Красноярские вечера», «Красноярские сюжеты», «Красноярский вальс», «Красноярские рассветы» и др.).
3. Енисей – самая многоводная река России, занимает в мире пятое место по длине. (Например, «Енисейские морозы», «Енисейские»).
4. Загорье – территория в предгорьях Западных Саян («Краскошино загорье», «Красноярское загорье»).
5. Столбы – Государственный природный заповедник, расположенный на северо-западных отрогах Восточных Саян, гранича-

щих со Среднесибирским плоскогорьем. («Красноярские столбы», «Заповедные столбы» и др.).

Данные номинации отражают конкретные, реальные географические образы, которые характеризуются знаковостью, узнаваемостью. Таким образом, чоконимы с одной стороны могут рассматриваться как вербальные ресурсы выражения и описания процесса региональной идентичности, с другой стороны могут являться средством маркирования и конструирования территориальной идентичности, создавать так называемый имидж региона.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-14-24005 «Региональная идентификация и самоидентификация жителей Приенисейской Сибири: фольклорный, этнографический, лингвокультурологический, литературный дискурсы и их актуализация посредством интерактивной карты».

Список литературы

1. Головнева Е.В. Региональная идентичность как форма коллективной идентичности и ее структура // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. №5. С. 42–50.
2. Замятин Д.Н. Культура и пространство: моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. 488 с.
3. Исакова А.А. Прагмонимы современного русского языка как составляющая рекламного дискурса: лингво-когнитивная, семантическая, структурно-прагматическая характеристика: Автореф. дис.... д-ра. филол. наук. Челябинск, 2012. 29 с.
4. Комолова З.П. Лексико-семантическая система прагмонимов (на материале товарных марок в СССР и США) // Материалы научного симпозиума «Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информатики». М., 1971. С. 396–399.

5. Комолова З.П. Эмоциональность прагмонимов // Актуальные проблемы лексикологии: В 2 т. Новосибирск, 1971. Ч.1. С. 65–67.
6. Кон И.С. В поисках себя. Личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984. 336 с.
7. Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В, Загоруйко Е.Н. Идентичность. Развитие. Перенасыщенность. Бегство. Новосибирск: НГПУ, 2007. 472 с.
8. Кривых Л.В. Символический мир как основа самоидентификации // Политико-философский ежегодник. 2009. №2. С. 130–140.
9. Лаппо М.А. Самоидентификация: семантика, прагматика, языковые ресурсы. Новосибирск: НГПУ, 2013. 180 с.
10. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988. 200 с.
11. Соболева Т.А., Суперанская А.В. Товарные знаки. М.: Наука, 1986. 176 с.
12. Шматко Г.Н., Качанов Ю.Л. Территориальная идентичность как предмет социологического исследования // Социологические исследования. 1998. №4. С. 94–98.
13. Эриксон Э. Идентичность: Юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 340 с.
14. Edwards J. Language and Identity. An Introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 322 p.
15. Goffman E. Presentation of Self in Everyday Life. Edinburgh: University of Edinburgh, Social Sciences Research Centre, 1956. 163 p.
16. Marcia J.E. The identity status approach to the study of ego identity development. Self and identity: Perspectives across the lifespan. New York: Routledge, 1987, pp. 161–171.
17. Omoniyi T. Hierarchy of Identites. The Sociolinguistics of Identity. London: Continuum, 2006, pp. 11–33.
18. Wodak R., R. de Cillia, Reisigl M., Liebhart K. The Discursive Construction of National Identity. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1999. 224 p.

References

1. Golovneva E.V. Regional'naya identichnost' kak forma kollektivnoj identichnosti i ee struktura. [Regional identity as a form of collective identity and its structure] *Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovanij*. 2013. №5. 2013, pp. 42–50.
2. Zamyatin D.N. *Kultura i prostranstvo: modelirovanie geograficheskikh obrazov* [Cultura and space: geographical images modelling]. M.: Znack, 2006. 488 p.
3. Isakova A.A. *Pragmonimy sovremennogo russkogo yazyika kak sostavlyayuschaya reklamnogo diskursa: lingvo-kognitivnaya, semanticheskaya, strukturno-pragmaticheskaya kharakteristika* [Pragmonyms of the contemporary Russian language as a constituent of the advertising discourse: linguo-cognitive, semantic, structural-pragmatic characteristic]: Avto-ref. dis.... d-ra. filol. nauk. Chelyabinsk, 2012. 29 p.
4. Komolova Z.P. Leksiko-semanticheskaya sistema pragmonimov (na materiale tovarnykh marok v SSSR i SShA). [Lexical-semantic system of pragmonyms (based on brand names in the USSR and USA)]. *Materialyi nauchnogo simpoziuma «Semioticheskie problemy yazyikov nauki, terminologii i informatiki»* [Proceedings of the scientific symposium 'Semiotics problems of language science, and computer science terminology']. M, 1971, pp. 396–399.
5. Komolova Z.P. Emotsionalnost pragmonimov. [Emotional capability of pragmonyms]. *Aktualnyie problemy leksikologii* [Actual problems of lexicology]: V 2 t. Novosibirsk, 1971. Part 1, pp. 65–67.
6. Kon I.S. *V poiskah sebya. Lichnost i ee samosoznanie* [In guest of myself. The personality and their self-awareness]. M.: Politizdat, 1984. 336 p.
7. Korolenko Ts.P., Dmitrieva N.V, Zagoruyko E.N. *Identichnost. Razvitiye. Perenasyischennost. Begstvo* [Identity. Development. Oversaturation. Escape]. Novosibirsk. NGPU, 2007. 472 p.

8. Kriviyih L.V. Simvolicheskiy mir kak osnova samoidentifikatsii. [Symbolic world as a basis for self-identity]. *Politiko-filosofskiy ezhegodnik*. 2009. №2, pp. 130–140.
9. Lappo M.A. *Samoidentifikatsiya: semantika, pragmatika, yazykovyye re-sursy* [Self-identity: semantics, pragmatics, language resources]. Novosibirsk: NGPU, 2013. 180 p.
10. Podolskaya N.V. *Slovar russkoy onomasticheskoy terminologii* [The dictionary of the Russian onomastic terminology]. M.: Nauka, 1988. 200 p.
11. Soboleva T.A., Superanskaya A.V. *Tovarnyye znaki* [Brands]. M.: Nauka, 1986. 176 p.
12. Shmatko G.N., Kachanov Yu.L. Territorialnaya identichnost kak predmet sotsiologicheskogo issledovaniya [Territorial identity as an object of the sociological research]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1998. №4, pp. 94–98.
13. Erikson E. *Identichnost: Yunost i krizis* [Identity: Adolescence and crisis]. M.: Progress, 1996. 340 p.
14. Edwards J. *Language and Identity. An Introduction*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 322 p.
15. Goffman E. *Presentation of Self in Everyday Life*. Edinburgh: University of Edinburgh, Social Sciences Research Centre, 1956. 163 p.
16. Marcia J.E. The identity status approach to the study of ego identity development. *Self and identity: Perspectives across the lifespan*. New York: Routledge, 1987, pp. 161–171.
17. Omoniyi T. Hierarchy of Identites. *The Sociolinguistics of Identity*. London: Continuum, 2006, pp. 11–33.
18. Wodak R., R. de Cillia, Reisigl M., Liebhart K. *The Discursive Construction of National Identity*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1999. 224 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Славкина Инга Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и литературы

Лесосибирский педагогический институт – филиал Сибирского федерального университета
ул. Победы, 42, г. Лесосибирск, Красноярский край, 662543,
Российская Федерация
ingaslavkina@yandex.ru

Шмульская Лариса Степановна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и литературы

Лесосибирский педагогический институт – филиал Сибирского федерального университета
ул. Победы, 42, г. Лесосибирск, Красноярский край, 662543,
Российская Федерация
lara_sh1973@rambler.ru

Мамаева Светлана Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и литературы

Лесосибирский педагогический институт – филиал Сибирского федерального университета
ул. Победы, 42, г. Лесосибирск, Красноярский край, 662543,
Российская Федерация
svtamaeva@mail.ru

Веккессер Мария Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и литературы

Лесосибирский педагогический институт – филиал Сибирского федерального университета
ул. Победы, 42, г. Лесосибирск, Красноярский край, 662543,
Российская Федерация
vekkesser2012@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Slavkina Inga Anatol'evna, Ph.D.in Philology, Associate Professor at the Department of Russian Language and Literature
Lesosibirsk Pedagogical University – Affiliated Branch of Siberian Federal University
42, Pobedy St., Lesosibirsk City, Krasnoyarsky kray, 662544,
Russian Federation
ingaslavkina@yandex.ru

Shmul'skaya Larisa Stepanovna, Ph.D.in Philology, Associate Professor at the Department of Russian Language and Literature
Lesosibirsk Pedagogical University – Affiliated Branch of Siberian Federal University
42, Pobedy St., Lesosibirsk City, Krasnoyarsky kray, 662544,
Russian Federation
lara_sh1973@rambler.ru

Mamaeva Svetlana Victorovna, Ph.D.in Philology, Associate Professor at the Department of Russian Language and Literature
Lesosibirsk Pedagogical University – Affiliated Branch of Siberian Federal University
42, Pobedy St., Lesosibirsk City, Krasnoyarsky kray, 662544,
Russian Federation
svmamaeva@mail.ru

Vekkesser Mariya Victorovna, Ph.D.in Philology, Associate Professor at the Department of Russian Language and Literature
Lesosibirsk Pedagogical University – Affiliated Branch of Siberian Federal University
42, Pobedy St., Lesosibirsk City, Krasnoyarsky kray, 662544,
Russian Federation
vekkesser2012@yandex.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-3-2-244-255

УДК 81

ЭПИТЕТЫ С ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ И ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ КОННОТАЦИЕЙ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Сулова М.Н.

Цель. В статье рассматривается проблема использования эпитетов в политическом дискурсе на материале текста предвыборной программы политической партии «Справедливая Россия». Особое внимание автор уделяет коннотации эпитетов. На основе анализа фактического материала автор делает соответствующие обобщения относительно функциональной нагрузки эпитетов, репрезентирующих оценочную составляющую политического дискурса.

Метод или методология проведения работы. В работе нашли применение описательный и количественный методы, а также методика сплошной выборки.

Результаты. В процессе анализа фактического материала установлено, что в тексте предвыборной программы политической партии «Справедливая Россия» эпитеты с положительной и негативной коннотацией выступают в качестве значимых средств выразительности. Представленный материал позволяет сделать вывод о том, что эпитеты являются неотъемлемой частью современного политического дискурса, воздействуют на сознание потенциальных избирателей. При этом эпитеты с пейоративной оценкой действительности дают возможность оценить политическую обстановку в стране, а эпитеты с положительным зарядом используются для характеристики деятельности самой политической партии.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в сфере политической лингвистики, теории текста, лексикологии.

Ключевые слова: *политический дискурс; эпитет; политическая метафора; положительная коннотация; отрицательная коннотация.*

EPITHETS WITH POSITIVE AND NEGATIVE CONNOTATION IN A POLITICAL DISCOURSE

Surova M.N.

Purpose. The paper observes the use of epithets in the political discourse, exemplified in the election program of A Just Russia political party. Particular attention is paid to the epithet connotations. While analyzing the factual material, the author makes appropriate generalizations about the functional load of epithets that represent the axiological component of the political discourse.

Methodology. Descriptive and quantitative methods, as well as the method of continuous sampling, were used in the research.

Results. As a result of the analysis of the factual material, the author stated that epithets with positive and negative connotations serve as a significant means of expression in the election program of A Just Russia». The given material allows concluding that epithets are an inherent part of contemporary political discourse and influencing the minds of potential voters. Besides, pejorative epithets provide an opportunity to assess the political situation in the country, whereas positive epithets are used to characterize the activity of the political party itself.

Practical implications. The results of the study can be applied in the sphere of political linguistics, text theory, lexicology.

Keywords: *political discourse; epithet; political metaphor; positive connotation; negative connotation.*

Смена политического строя, появление свободы слова и печати, образование и функционирование большого количества политических партий и организаций привели к тому, что политические процессы и их механизмы стали предметом исследования не только политологов и социологов, но и филологов. Борьба за власть ведется по своим законам, поэтому применение языковых инструментов воздействия становится главным оружием в этой борьбе. Политический дискурс (далее – ПД) – основа научных интересов многих лингвистов, начиная с периода Перестройки [1; 2]. Ожидаемым можно считать появление и развитие целого направления в российской филологии – политической лингвистики [5; 13].

Выделение ПД из разновидностей дискурса вполне закономерно ввиду его многогранности и в то же время специфичности, что позволяет рассматривать ПД с разных позиций и выделять его характерные черты. Так, Е.И. Шейгал [15] анализирует ПД с точки зрения семиотики, А.П. Чудинов [14] и О.Л. Михалева [11] – с точки зрения когнитивистики, Э.В. Будаев [3] и А.А. Карамова [8] – с коммуникативно-прагматической точки зрения. Среди работ, посвященных отдельным аспектам ПД, можно выделить исследования Т. ван Дейка [4], Ю.Н. Караулова [2], А.Н. Баранова [1], О.С. Иссерс [7] и др. Однако, несмотря на многочисленность исследований, целостное представление о ПД содержится только в нескольких работах (Е.И. Шейгал [15], А.А. Карамова [8] и др.). На наш взгляд, это связано с тем, что границы современного ПД, его жанровое своеобразие и выполняемые им функции значительно расширились.

Рамки определения «политический дискурс» также требуют некоторых уточнений. Так, в некоторых работах исследователи придерживаются узкого понимания ПД, ограничиваясь лишь институциональными формами общения. К сфере ПД относят «совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а

также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом» [1, с. 6]. Иная точка зрения представлена в работах Е.И. Шейгал. По мнению автора, политический дискурс соприкасается с другими видами дискурсов [15, с. 32], при этом представляя собой «любой материал в СМИ, в котором речь идет о политике и автором которого является политик, или, наоборот, адресованный политике» [15, с. 26]. В своей работе мы будем придерживаться широкого понимания ПД.

В связи с тем, что политический дискурс является одним из инструментов политической власти, различные средства образности становятся неотъемлемой частью политических выступлений и текстов, воздействуя на сознание реципиентов. Самым распространенным языковым средством в ПД является метафора, которая «проникает в наш повседневный язык и мышление» [9, с. 22]. В теории ПД закрепилось понятие «политическая метафора» [2]. Остальные языковые средства менее частотны, но не менее значимы. Большое внимание исследователи уделяют употреблению фразеологизмов в ПД [8, с. 233–234], использованию метонимии [17] и сравнений [10, с. 127–134]. В свою очередь отметим, что системных исследований об употреблении эпитетов в ПД немного. В основном, подобного рода научные изыскания носят фрагментарный характер, так как эпитеты рассматриваются в совокупности с другими средствами экспрессии [12]. Материалом для подобных исследований служат зарубежные ПД [6; 16].

Несмотря на то, что понятие «политический эпитет» еще не до конца закрепилось в теории ПД, оно привлекает внимание современных лингвистов. Эпитет, как и метафора, несет в себе часть экспрессии, служит средством оценки действительности, поэтому выбранная нами тема актуальна и востребована.

Цель предпринятого исследования – доказать, что эпитеты являются мощным средством для создания необходимого эмоцио-

нального фона высказывания и используются авторами в качестве средства репрезентации оценки и привлечения внимания.

Мы рассматриваем особенности употребления эпитетов на материале текста предвыборной программы одной из ведущих политических партий, активно участвовавшей в кампании 2016 года, – «Справедливая Россия». По результатам прошедших выборов в Государственную Думу эта политическая партия стала четвертой по числу отданных за нее голосов.

Программа партии «Справедливая Россия» – это массово-политическое издание общим объемом в 6,5 п.л. Заметим, что, как и программа любой политической партии, – это тщательно выверенный и хорошо подготовленный текст, задача которого – привлечь внимание будущих избирателей посредством определенных языковых средств. При этом подбор языковых средств не является случайным: материал априори должен быть доступно изложен, прост для понимания большинства, но при этом не лишен экспрессии.

В результате сплошной выборки выявлено более 100 фрагментов употребления эпитетов, которые были условно разделены нами на 2 группы: эпитеты с положительной коннотацией (более 70 фрагментов) и эпитеты с отрицательной коннотацией (около 30 фрагментов). Эпитеты с положительной коннотацией авторы программы использовали для привлечения внимания к своей политической партии и к тем мерам, которые предлагает «Справедливая Россия» по оптимизации жизни населения нашей страны. Обратимся к контексту:

1. «Мы за *честную конкуренцию*» [13, с. 7].
2. «Россия должна сохранить свое *достойное место* в развитии мировой научной мысли» [13, с. 10].
3. «Партия <...> ставит *амбициозную задачу*» [13, с. 36].
4. «*Народные предприятия* – это альтернативная форма владения и управления бизнесом» [13, с. 55].

5. «Ввести дополнительную надбавку к пенсии за *ответственное родительство...*» [13, с. 22].

6. «Старшему поколению – *активное долголетие!*» [13, с. 22].

Случаи подобного употребления эпитетов в ПД достаточно частотны (около 30% от общего количества). Наиболее употребительным оказался олицетворяющий эпитет «справедливый» (15 контекстов без учета номинации самой партии). Это обусловлено самим названием политической партии – «*Справедливая Россия*». Также в наименовании некоторых разделов программы партии встречаются следующие сочетания: «*справедливая экономика*» [13, с. 46], «*справедливая власть*» [13, с. 70]. Тем самым подчеркивается истинность и правильность предлагаемых партией решений, например, в контексте: «Мы будем стремиться к *справедливому распределению доходов* от экономического роста между поколениями...» [13, с. 17]. Подобного рода высказывания могут строиться на сочетании нескольких художественных определений:

1. «*Сильная, свободная, справедливая Россия* – это гарантия нашего общего будущего, сохранения нашей национальной идентичности» [13, с. 6].

2. «*Справедливая Россия* – современная партия, ставящая своей целью построение в России социально ориентированного *справедливого государства*» [12, с. 101].

3. «Мы пришли в политику с целью построить в России *справедливое, свободное и солидарное общество*» [13, с. 101].

В данных фрагментах авторы программы при помощи оценочных эпитетов *сильная, свободная, справедливая* и *свободное, солидарное* воздействуют на потенциальных избирателей, имплицитно ценностные и идеологические взгляды адресанта. Подобное построение высказываний усиливает восприятие предложенной информации. В начале программы содержится послыл, что только *справедливая*

Россия является гарантией будущего. Во втором контексте авторы обращаются уже к самому наименованию политической партии, соотнося его с названием страны. И, наконец, третий фрагмент возвращает нас к началу: *мы* (партия) и *справедливое общество*. Образуется некое смысловое «кольцо». Фактически, использование одинаковых эпитетов во всех трех контекстах позволяют предположить, что авторы сознательно прибегли к их повторам, чтобы таким образом избиратели сделали «правильный» выбор.

Достаточно частотны случаи употребления метафорических эпитетов, которые выступают в качестве языковых средств с отрицательной коннотацией (порядка 25% всех эпитетов с отрицательной оценкой).

1. «*Рыночные подходы оказались разрушительными* для всей системы здравоохранения» [13, с. 35].
2. «*Имущественное и социальное расслоение в российском обществе достигло немыслимых масштабов* для любой развитой страны» [13, с. 17].
3. «*В России сохраняется такое позорное явление, как работающие бедные*» [13, с. 17].
4. «*Последняя пенсионная реформа 2014 года перевела пенсионные накопления граждан в мифические баллы*» [13, с. 20].
5. «*Именно действующая власть <...> ввела «грабительские» тарифы на услуги ЖКХ*» [13, с. 41].
6. «*Необходимо полностью исключить хаотичные бюджетные вложения, не подчиненные общим структурным задачам*» [13, с. 47].
7. «*Непомерные долги убивают бизнес*» [13, с. 58].

Фактически подобные языковые единицы используются для описания негативных, из ряда вон выходящих ситуаций. Слова *разрушительные, немыслимые, позорные, грабительские, хаотич-*

ные, непомерные даже вне контекстов несут пейоративную оценку действительности. В представленных фрагментах данные эпитеты служат для характеристики внутренней политики государства и результатов этой политики.

Таким образом, эпитеты в программе политической партии «Справедливая Россия» являются одними из наиболее употребительных языковых средств, в ряду которых вычленяются лексемы с положительной и с отрицательной коннотацией. Эпитеты с положительным эмоциональным зарядом используются в ПД исключительно для характеристики деятельности политической партии, а эпитеты с отрицательными значениями – для критики действий нынешней власти, описания политической ситуации в стране и активизации протестных настроений. При этом эпитеты с отрицательной коннотацией преобладают: их насчитывается около 70% от общего количества анализируемых языковых единиц, что является значимым показателем в контексте функциональных особенностей политического дискурса.

Список литературы

1. Баранов А.Н., Казакевич Е.Г. Парламентские дебаты: традиции и инновации. М.: Знание, 1991. 42 с.
2. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. М.: Помовский и партнеры, 1994: 330 с.
3. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Лингвистическая советология. Екатеринбург, 2009. 274 с. URL: <http://politlinguist.ru/materials/mono/Будаев%20Чудинов%20Лингвистическая%20советология.pdf> (дата обращения: 10.09.2016).
4. Т. ван Дейк. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 344 с. URL: <http://www.twirpx.com/life/1245827/> (дата обращения: 10.09.2016).

5. Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. М.: ИНИОН РАН, 2002. № 3. С. 32–43.
6. Ильядис В.А. Особенности употребления тропов при создании образа в политическом дискурсе // Молодежный научный форум: Гуманитарные науки: электр. сб. ст. по материалам X студ. междунар. заочной науч.-практ. конф. М.: «МЦНО». 2014. № 3(10). URL: [http://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/3\(10\).pdf](http://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/3(10).pdf) (дата обращения: 12.09.2016).
7. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Издательство Ленанд, 2015. 308 с.
8. Карамова А.А. Современный политический дискурс (конец XX – начало XXI вв.). Дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2013. 411 с.
9. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
10. Михайлов В.В. Средства реализации образности в институциональном политическом дискурсе (на материале немецкого и русского языков). Дисс. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2006. 220 с.
11. Михалева О.Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия. М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2009. 256 с.
12. Никишина Т.И. Стилистические особенности текстов политического дискурса Франции XXI века // Сборник материалов V Международной научно-практической конференции «Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия», 2015 г. URL: <http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw5/nikishina.html> (дата обращения: 10.09.2016).
13. Программа партии «Справедливая Россия». Массово-политическое издание. М.: «Ключ-С», 2016. 105 с. URL: http://www.spravedlivo.ru/5_76349.html (дата обращения: 03.09.2016).
14. Чудинов А.П. Политическая лингвистика. М.: Флинта: Наука, 2007. 256 с.

15. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: ИТДГК Гнозис, 2004. 326 с.
16. Шустова И.Н. Функция эпитетов в американском политическом дискурсе. *Russian linguistic bulletin* 2 (6) 2016. Yekaterinburg 2016. С. 33–34. DOI: 10.18454/RULB.6.07. (дата обращения: 15.09.2016).
17. Эпштейн О.В. Экспрессивные стилистически отмеченные речевые акты угрозы англоязычного политического дискурса // Актуальные вопросы филологических наук: материалы междунар. науч. конф. (г. Чита, ноябрь 2011 г.). Чита: Издательство Молодой ученый, 2011. С. 147–150.

References

1. Baranov A.N., Kazakevich E.G. *Parlamentskie debaty: tradicii i innovacii* [Parliamentary debate: traditions and innovations]. Moscow: Znanie, 1991. 42 p.
2. Baranov A.N., Karaulov Ju.N. *Slovar' russkikh politicheskikh metafor* [Dictionary of Russian political metaphors]. Moscow: Pomovskij i partnery, 1994: 330 p.
3. Budaev Je.V., Chudinov A.P. *Lingvisticheskaja sovetologija* [Linguistic sovietology]. Ekaterinburg, 2009. 274 p. [http://politlinguist.ru/materials/mono/Budaev %20Chudinov%20Lingvisticheskaja%20sovetologija.pdf](http://politlinguist.ru/materials/mono/Budaev%20Chudinov%20Lingvisticheskaja%20sovetologija.pdf) (accessed September 10, 2016).
4. T. van Dejk. *Diskurs i vlast': Reprezentaciya dominirovaniya v yazyke i kommunikacii* [Discourse and Power: Representation of dominance in language and communication]. Moscow: LIBROKOM, 2013. 344 p. URL: <http://www.twirpx.com/life/1245827/> (accessed September 10, 2016).
5. Dem'yankov V.Z. Politicheskij diskurs kak predmet politologicheskoi filologii [Political discourse as the subject of political philology].

- Politicheskaya nauka. Politicheskij diskurs: Istoriya i sovremennye issledovaniya*. Moscow: INION RAN, 2002. № 3, pp. 32–43.
6. Il'yadis V.A. Osobennosti upotrebleniya tropov pri sozdanii obraza v politicheskom diskurse [Peculiarities of the use of tropes to create an image in the political discourse]. *Molodezhnyj nauchnyj forum: Gumanitarnye nauki: ehlekt. sb. st. po materialam X stud. mezhdunar. zaochnoj nauch.-prakt. konf.* Moscow: «MCNO». 2014. № 3(10). [http://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/3\(10\).pdf](http://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/3(10).pdf) (accessed September 12, 2016).
 7. Issers O.S. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi* [Communicative strategies and tactics of the Russian speech]. Moscow: Izdatel'stvo Lenand, 2015. 308 p.
 8. Karamova A.A. *Sovremennij politicheskij diskurs (konec XX – nachalo XXI vv.)* [Modern political discourse]. Dis. ... d-ra filol. nauk. Ufa, 2013. 411 p.
 9. Lakoff Dzh., Dzhonson M. *Metaforj, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. M.: Editorial URSS, 2004. 256 p.
 10. Mihajlov V.V. *Sredstva realizacii obraznosti v institucional'nom politicheskom diskurse (na materiale nemeckogo i russkogo yazykov)* [Means of implementation of the imagery in the institutional political discourse (in the German and Russian languages)]. Diss. ... kand. filol. nauk. Tambov, 2006. 220 p.
 11. Mikhaleva O.L. *Politicheskij diskurs: Specifika manipulyativnogo vozdejstviya* [Political discourse: specificity of manipulative influence]. Moscow: Knizhnyj dom LIBROKOM, 2009. 256 p.
 12. Nikishina T.I. Stilisticheskie osobennosti tekstov politicheskogo diskursa Francii XXI veka [Stylistic features of texts in French political discourse]. *Sbornik materialov V Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Yazyk i pravo: aktual'nye problemy vzaimodejstviya», 2015*. <http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw5/nikishina.html> (accessed September 10, 2016).

13. *Programma partii «Spravedlivaja Rossija»* [A Just Russia consignment]. Massovo-politicheskoe izdanie. Moscow: «Kljuch-S», 2016. 105 p.
14. Chudinov A.P. *Politicheskaja lingvistika* [Political linguistics]. Moscow: Flinta: Nauka, 2007: 256 p.
15. Shejgal E.I. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Moscow: ITDGK Gnozis, 2004. 326 p.
16. Shustova I.N. Funkciya ehpitetov v amerikanskom politicheskom diskurse [Epithets function in American political discourse]. *Russian linguistic bulletin* 2 (6) 2016. Yekaterinburg 2016, pp. 33–34. DOI: 10.18454/RULB.6.07. (accessed September 15, 2016).
17. Epshteyn O. V. Ekspressivnye stilisticheski otmechennye rechevye akty ugrozy angloyazychnogo politicheskogo diskursa [Stylistically marked expressive speech acts containing threat of the English speaking political discourse]. *Aktual'nye voprosy filologicheskikh nauk: materialy mezhdunar. nauch. konf. (g. CHita, noyabr' 2011 g.)*. CHita: Izdatel'stvo Molodoj uchenyj, 2011, pp. 147–150.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Сулова Мария Николаевна, аспирант

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

ул. Победы, 85, г. Белгород, Белгородская область, 308015,

Российская Федерация

mashustik-08@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Surova Mariya Nikolaevna, Postgraduate

Belgorod National Research University

85, Pobedy Str., Belgorod, Belgorodskaya oblast, 308015, Rus-

sian Federation

mashustik-08@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-3-2-256-262

UDC 8(81)

EXPLORING CREATIVITY IN TEACHING VOCABULARY

Minasyan E. T.

This article considers the exploration and implementation of some creative activities in topical vocabulary acquisition and checking processes. This pedagogical intervention aims at eliminating lack of attention and interest. It was observed that learners initially were reluctant to memorize and perform the active vocabulary in task discussions or topic-related speech. Yet the proposed creative methods improved the level of lesson engagement and interest, enlarged students' vocabulary usage and brought about innovative techniques of vocabulary checking.

Keywords: *pedagogical skills; creative skill; motivating skill; active vocabulary; equivalent.*

ИССЛЕДОВАНИЕ КРЕАТИВНОСТИ В ОБУЧЕНИИ ЛЕКСИКИ

Минасян Е. Т.

В данной статье рассматриваются исследование и внедрение некоторых креативных методов в процесс изучения и проверки тематической лексики. Такое педагогическое вмешательство направлено на устранение недостатка внимания и интереса в аудитории. Было отмечено, что студенты изначально не хотели запоминать и употреблять активный словарный запас в обсуждениях или презентациях. Тем не менее, предлагаемые творческие мето-

ды улучшили уровень взаимодействия во время урока, возродили интерес, расширили использование лексики и вывели инновационные методы для проверки лексики.

Ключевые слова: педагогические навыки; творческий навык; мотивирующий навык; активная лексика; эквивалент.

Introduction

Teachers often confront moments when there exists a crippling lack of interest or attention in the classroom which is a real threat and can hinder the learning process. To improve the language performance and acquisition in such situations, creative activities are regarded rather useful and effective to meet this challenge. Creativity is an imaginative way of contemplating over the issue, producing authentic and innovative solutions, and bringing them into life with great passion and commitment. Therefore, creativity in teaching is quite essential as it helps to create suitable activities to motivate learners, ease the learning process and encourage their progress.

The calling of a teacher is a life-long learning process, quite demanding and sometimes discouraging. Nonetheless, educators are expected to face any challenge using their pedagogical skills and expertise. During my teaching career covering nearly two decades I have struggled to design creative activities in order to boost speaking skills, to ease and make grammar learning process enjoyable, to develop analytical thinking, and so forth. The implementation of these strategies that demand a greater degree of creativity and novelty reinforce not only the quality of language teaching, but as well made the learning process enjoyable, fruitful and motivating.

Due to the advancement of technology the academic setting has changed significantly, the learning and teaching models have moved forward to a more interactive, autonomous and practical styles. The

majority of learners, especially in higher educational institutions, need to improve their occupation-related vocabulary, communicative skills, and critical thinking. To meet these needs educators should consider potential and creative teaching options suitable for that definite teaching context, which, therefore, will help to overcome students' challenges, like lack of interest or concentration.

Experimental stage

The instructional activities illustrated in this paper are based on my own experience and are meant to be helpful for educators to boost the effectiveness of the teaching, as learners expect to cover and improve all skills: reading, writing, listening, speaking and grammar, suggested by me as the 5th core skill in language acquisition [1, p. 107]. Here the emphasis is led on vocabulary activities which help the students to learn it in a creative, stimulating and innovative way, just escaping the boredom of standardized learning procedure.

The further following activities were first implemented for Business English course in Plekhanov Russian University of Economics. During the first year of study I gave the students great autonomy to manage the vocabulary acquisition on their own, which was ineffective as they were not always determined. Later the learners were provided with unit-based complete wordlists, mindmaps, spidergrams, etc. and the checking process was rather traditional and discouraging as they just gave the definitions of phrases/words. To increase the level of student engagement and motivation another task was added in the same wordlists, like *'Add at least 10 more new words/phrases with definitions and examples from the relevant context'*. This instructional activity was really useful to identify the unknown vocabulary per student, to boost their attention, interest and commitment [3, ppe.248-251]. Nonetheless, the above mentioned activities were not very effective for the teacher

to ensure, first, complete learning of the active vocabulary, secondly, to trigger learners' interest and concentration. So I searched for innovative and creative methods of vocabulary acquisition, which would help to enrich their active vocabulary, mainly with business terms and phrases. Here are demonstrated 4 activities mostly focusing on vocabulary check-up processes:

1. Chain game

Each unit consists of nearly 30 new words and phrases, which are either illustrated on the board during classroom hours or provided in a frame of ready wordlists with definitions, examples and equivalents, latter being completed by students.

To perform the chain game, the learners need to sit in a circle and speak out the active vocabulary of the covered material in turn. At this final checking stage the creative approach of making learners pronounce the words and phrases in a chain, just one after the other stimulates their concentration and improves memorizing skills. They need to utter the word/phrase with its definition and contextual example, and they shouldn't repeat the words/phrases twice.

2. Group insight

The learners are divided into 2 or 3 groups and are given 10 different terms/phrases per group. They should look at the word/phrase and by using their knowledge need to describe the words, illustrate examples, make associations, and the other group need to guess and name the term/phrase. This kind of task is rather exciting as the learners need to know the active vocabulary thoroughly, need to be careful and fast in thinking and answering. Wrong explanations, examples or definitions are considered as mistakes; therefore the mistaken group loses some scores.

3. Jumbled parts

As I have mentioned before, the learners are provided with unit-tailored wordlists (over 30 terms/phrases per unit) with definitions, related examples and blank columns to complete the translations in their native language. During this vocabulary checkup the learners are again made in 2–3 groups and sit in circles. The educator provides each group with a pile of jumbled parts of words/phrases. This activity is strictly time-related: they have 10 minutes to match the parts and get the complete wordlist of that definite unit. The winner group is the one that completes first with no mistakes. Such activities prove to be really motivating, as the learners cooperate with one another and the tutor should follow that they interact in English.

4. Blank paper and colours

This activity has proved to be the most challenging, encouraging and creative. We have the same number of groups (2 or 3) with 4 or 5 students in a team sitting in a circle. At the first stage of this activity they are given one blank sheet of paper per group, and need to write down the whole active vocabulary within 15 minutes. As the time is out, the educator signs the exact number of words/phrases they managed to put down. At the second stage they start uttering out loud the term, define it and bring examples from the relevant field. In this activity we need as well as colours: red, black and green. In black they write down the words/phrases, with green they mark if they give the correct definition, examples and equivalents of the written words, and red is used to complete the missing phrases. At the end the colourful sheets of paper are graded by the teacher.

Conclusion

These innovative and creative approaches in vocabulary learning have been successfully implemented by me in Business English cours-

es for upper-intermediate learners. By stimulating creative strategies in the classroom I could observe that learners experienced new learning techniques with great engagement, proved to memorize and use the active vocabulary twice effectively. Moreover, these creative tasks give completely fresh breath to classroom routine, increases the level of student-teacher interaction and learners look forward to coming lessons with curiosity and expectation [4, pp. 53–58].

Creativity can be used to make classes much more original by going out of formal frames of teaching. It helps the teachers to expand their horizons in an EFL context to see what will be efficient for future generations [2, pp. 91–103].

References

1. Minasyan E.T., Midova V.O. Grammar as One of Key Competences of Language Acquisition. *Russian Linguistic Bulletin*. 2016. № 3 (7). pp. 107–108. DOI: 10.18454/RULB.7.05
2. Hernán A. Avila Creativity in the English Class: Activities to Promote EFL Learning. Vol. 22, No. 2. Bogotá, Colombia. 2015–2016, pp. 91–103.
3. Maslova E.G. Teacher Talking Time as a Counterproductive Way of Classroom Management. *Humanitarian Education in the Higher Institution of Economics*. 2016, pp. 248–251.
4. Kozlova A.A. Some Essential Characteristics of LSP and Peculiarities of Teaching It. *Humanitarian Education in the Higher Institution of Economics*. 2016, pp. 53–58.

Список литературы

1. Минасян Е.Т., Мидова В.О. Грамматика как одна из ключевых компетенций освоения языка // Русский лингвистический бюллетень. 2016. № 3 (7). С. 107–108.

2. Хернан А. Авила Креативность на уроках английского – упражнения для изучения АИЯ. Том. 22, № 2. Богота, Колумбия, 2015–2016. С. 91–103.
3. Маслова Е.Г. Преобладание речи преподавателя, как неэффективный способ управления учебным процессом // Гуманитарное образование в экономическом вузе. 2016. С. 248–25.
4. Козлова А.А. Некоторые существенные характеристики языка для специальных целей и особенности его преподавания // Гуманитарное образование в экономическом вузе. 2016, pp. 53–58.

DATA ABOUT THE AUTHOR

Minasyan Eva Tigranovna, Associate Professor, Foreign Languages
Chair N 1, Ph.D. in Philology
Plekhanov Russian University of Economics
5, Rodionov Str., Khimky, Moskovskaya oblast, 141410, Russian
Federation
minaseva2012@gmail.com

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Минасян Ева Тиграновна, доцент кафедры иностранных языков
N1, кандидат филологических наук
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
ул. Родионова, 5, г. Химки, Московская область, 141410, Рос-
сийская Федерация
minaseva2012@gmail.com

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ STUDIES IN PHILOSOPHY

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-3-2-263-271

УДК 316.77:130.2

АНАЛИЗ И ОЦЕНКА СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ НАЦИИ В РОССИЙСКОМ РЕГИОНАЛЬНОМ СОЦИУМЕ

Аксютин Ю.М.

В статье представлены результаты анализа и оценки социокультурной эффективности функционирования реализуемой в постсоветской России гражданской нации с позиции конвергенции эвристических возможностей примордиализма и конструктивизма.

Цель. Статья посвящена проблеме оценки социокультурной эффективности функционирования гражданской нации в регионах постсоветской России (на примере Южной Сибири).

Метод или методология проведения работы. Основу исследования образует консенсусный подход к интерпретации феномена нации, компаративистский метод анализа данных, метод формализованного интервьюирования жителей Южной Сибири (Хакасия – 520 чел., Тыва – 290 чел., Алтай – 190 чел.).

Результаты. Результаты работы заключаются в том, что автор, на основе анализа данных социологических опросов, эксплицирует сущность и социокультурную эффективность процессов

функционирования гражданской нации в республиках Хакасия, Алтай и Тува. Автор констатирует, что гражданская нация находится в процессе становления, чем объясняется ограниченность социокультурной эффективности ее функционирования.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в сфере образования, социально-политического прогнозирования.

Ключевые слова: *этнос; гражданская нация; самосознание; эффективность; региональный социум.*

THE ANALYSIS AND EVALUATION OF CIVIL NATION SOCIAL AND CULTURAL FUNCTIONING EFFECTIVENESS IN THE RUSSIAN REGIONAL SOCIETY

Aksutin Yu.M.

This article represents results of analysis and evaluation of social and cultural effectiveness of civil nation which is realized in post-Soviet Russia. This analysis is held from the position of convergence between heuristic opportunities of primordialism and constructivism.

The purpose. This article is devoted to problem how to evaluate social and cultural effectiveness of civil nation functioning in post-Soviet Russia (on an example of Southern Siberia).

Methods or methodology of work conduct. The base of research is the consensus approach to nation phenomenon, comparative analysis and interview of people (Republic of Khakassia – 520 people, Tuva – 290 people and Altay – 190 people).

The results. The results are in the fact: the author based on the sociological researches tries to explicate essence and social and cultural effectiveness of civil nation functioning in Tuva, Republic of Khakassia,

Altay. Author states that civil nation is in process of forming that is an explanation for limitation of social and cultural effectiveness of its functioning.

Fields of results' appliance. The research results can be used in education, social and political prediction.

Keywords: *ethnos; civil nation; self-consciousness; effectiveness; regional society.*

Проблемы оценки эффективности функционирования конструируемой уже на протяжении четверти века российской гражданской нации, призванной консолидировать постсоветский российский социум, остаются в числе наиболее актуальных вопросов современного научного и общественного дискурса. Актуальность обозначенной темы, по мнению специалистов [3, 4], обусловлена тем, что формирование и функционирование надэтнической гражданской нации – неперенное условие гармонизации отношений и предотвращения эскалации объективно существующей напряженности между представителями гетерогенных этнокультурных групп. В то же время в научном знании устоялась ситуация конкуренции подходов к определению сущностного содержания, а также методов оценки эффективности функционирования российской нации, что позволяет разным авторам на основании одних и тех же данных делать противоположные выводы, а заинтересованным сторонам получать лишние доводы для взаимных обид и манипуляций. Отметим и тот факт, что исследования региональных особенностей функционирования российской гражданской нации остаются высоко дефицитными.

В таком контексте основная цель статьи – опираясь на конкретику данных социологических исследований, проведенных в Южной Сибири (Хакасия, Алтай, Тыва), осуществить оценку со-

циокультурной эффективности функционирования гражданской нации в регионах постсоветской России.

Прежде чем анализировать данные проведенного в регионе социологического исследования, обратимся к некоторым методологическим аспектам анализируемой проблемы. Следует отметить, что в современном научном дискурсе общепризнанное определение «нации» фактически отсутствует. Например, с позиции примордиального подхода нация понимается как формирующаяся в примордиальной парадигме (территория, язык, кровное родство, тип хозяйствования и т.д.) социобиологическая и популяционная система (радикальные примордиалисты) или территориально-экономический союз (умеренные примордиалисты). В рамках конструктивистского подхода, напротив, нация интерпретируется как политический и социокультурный проект (конструкт), не имеющий объективной (биологической/географической) основы и создаваемый социально-политическими элитами в собственных целях. Конструктивисты утверждают, что гражданско-политическая нация и этно-нация – по своей сути разные феномены и исторически следуют друг за другом [3, с. 150]. Возникшие ранее этнические объединения с нациями эпохи модерна связываются искусственно, с целью создания видимости непрерывности исторической традиции. Подобная характеристика содержания обозначенных подходов страдает значительным упрощением, что объясняется отсутствием единства среди сторонников этих концепций.

Как бы ни трактовалось содержание понятия и природы нации, исследование процессов ее функционирования делает необходимым обращение к частичной конвергенции имеющихся подходов, поскольку существование гражданской нации – это сочетание объективных, естественно-исторических процессов с социально-политическим конструированием. В таком контексте, например,

конструктивизм наиболее эффективен при анализе институциональной эффективности функционирования гражданской нации [1, с. 3520–3531]. Напротив, примордиализм, в силу специфики объекта анализа, более релевантен задачам оценки и анализа социокультурной эффективности функционирования гражданской нации, эмпирическими индикаторами которой являются: во-первых, актуальная позиция российской гражданско-государственной идентичности в структуре идентичностей жителей исследуемого региона; во-вторых, природа российской идентичности (гражданская нация или этно-нация); в-третьих, степень взаимной комплементарности взаимодействующих этнокультурных субъектов [2, с. 1558].

Ориентируясь на выделенные критерии и опираясь на данные проведенного в Южно-Сибирском регионе социологического исследования (2015 г.), обратимся к анализу структуры идентичности и степени сформированности гражданского самосознания жителей региона. Результаты социологического исследования свидетельствуют, что в структуре идентичностей жителей региона первая позиция принадлежит российской идентичности (32,2%). Вторую строчку занимала республиканская (23,5%), третью – сибирская региональная (15,1%), а четвертую – поселенческая (12%) идентичность. Этническая идентичность занимала пятую позицию (9,8%), а космополитическая – шестую (5,6%). Безусловный приоритет государственно-гражданской российской идентичности был отмечен у этнически русских жителей региона, тогда как для 41,4% хакасов, 36,2% алтайцев и 31,2% тувинцев характерно преобладание республиканской идентичности [5]. Иными словами, российская гражданско-национальная идентичность занимает первую позицию в структуре идентичностей жителей региона (порядка 30–32%). В таком контексте важным представляется ответить на вопрос о природе оснований национальной идентичности

(примордиальные/конструктивистские). Для решения этой задачи респондентам задавались вопросы, касающиеся критериев «российскости». В ходе анализа результатов опроса было установлено, что 1/4 часть респондентов (28,4%) придерживается предельно широкого понимания российской идентичности («воспитан на русской культуре и считает ее своей»), апеллирующего как к осознанному выбору человека, так и к основанной на воспитании нереплексивной традиции. Такое понимание наполнения российской идентичности характерно в основном для русских жителей региона, тогда как представители самых крупных тюркских этносов региона склонны увязывать российскую идентичность скорее с гражданством (в среднем – 21,9%). Самоидентификацию с россиянами как главный фактор российскости отметили 18% опрошенных. В целом доля респондентов, отметивших приоритет скорее традиционалистских (тот, кто любит Россию – 17,7%, кто знает русский язык – 2,2%, кто принадлежит к православной вере – 1,3%) или подчеркнуто социобиологических оснований идентификации (считают россиянами тех, у кого «родители россияне» – 6,2%), составляет порядка 30% от числа опрошенных вне зависимости от этнической принадлежности. Иными словами, данные опроса свидетельствуют в пользу складывания национальной идентичности с конструктивистской природой.

Решение задачи диагностики степени комплементарности взаимодействующих этнокультурных субъектов требует обращения к анализу распространенности обладающих наибольшим конфликтогенным потенциалом модернистских и традиционалистских ценностно-мировоззренческих установок. Индикатором распространенности этих установок выступает отношение социума к идее «всевластия» государства и свободе личности [4, с. 17]. Модернисты отчетливо тяготеют к идеям правового государства,

где гарантированы свободы личности, а власть государства ограничена, тогда как традиционалисты, напротив, ориентированы на коллективизм и взаимопомощь, повышенную значимость государства и его институтов, тесную связку личности с ними. Результаты эмпирического исследования свидетельствуют, что идею сильного государства, обеспечивающего общий порядок «в обмен» на права и свободы граждан, поддерживает 62,4% опрошенных. За расширение личных свобод, экономическую независимость и ограничение роли государства высказались 19,4% респондентов. Идеи коллективизма и взаимопомощи поддержали также большинство респондентов – 53% против 28,4 %, ориентированных на ценности свободы личности и индивидуализма. Иными словами, группа носителей модернизационного типа сознания только начинает формироваться и численно еще значительно уступает традиционалистам. В то же время значительный процент не определившихся (18%) свидетельствует о наличии среди опрошенных приверженцев разных моделей развития регионального социума, нежели о конфликте жестко различающихся мировоззренческих типов.

В заключение отметим, что гражданская нация в регионах постсоветской России сегодня находится в процессе становления и переживает «детские болезни» роста, чем объясняется, по нашему мнению, ограниченность социокультурной эффективности ее функционирования. В то же время позиции российской идентичности в региональном социуме сегодня достаточно сильны, а традиционные и локальные идентичности для высоко комплементарных этносов региона не являются приоритетными. Иными словами, социокультурная идентичность бывших советских граждан обладает конструктивистскими характеристиками, способствующими становлению гражданской идентичности и складыванию в перспективе гражданской нации.

Исследование выполнено в рамках Гранта Президента РФ (МК-6746.2015.6).

Список литературы

1. Аксютин Ю.М. Институциональная эффективность реализации концепта гражданской нации в российском социуме: региональное измерение // В мире научных открытий. 2015. № 7.10 (67). С. 3520–3531.
2. Васьков М.А. Социологическое измерение социокультурной и институциональной эффективности реализации концепта гражданской нации в российском обществе // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. Т. 20. С. 1556–1560.
3. Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Нации и национализм. М.: Праксис. 2002. 416 с.
4. Попов М.Е. Конфликты идентичностей в посттрадиционной России: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ставрополь. 2011. 58 с.
5. Социологическое исследование (2015 г.) в рамках гранта РГНФ по проекту «Трансформации надэтнической идентичности в контексте трендов традиционализации и модернизации: имперскость, советскость, этничность и российская гражданственность» (Проект № 14-03-00493). Выборочная совокупность – 1000 чел. (Тыва – 290 чел., Хакасия – 520 чел., Алтай – 190 чел.).

References

1. Aksutin Yu.M. Institutional'naya effektivnost' realizatsii kontsepta grazhdanskoj natsii v rossiyskom sotsiуме: regional'noe izmerenie [Institutional efficiency of "civil nation" concept realization in Russian society: regional aspect]. *V mire nauchnykh otkrytiy* [In the World of Scientific Discoveries], no 7.10 (2015): 3520–3531.
2. Vas'kov M.A. Sotsiologicheskoe izmerenie sotsiokul'turnoy i institutsional'noy effektivnosti realizatsii kontsepta grazhdanskoj natsii v ros-

- siyskom obshchestve [The sociological dimension of the socio-cultural and institutional effectiveness of the implementation of the concept of civic nation in the Russia]. *Kontsept.* 20 (2014): 1556–1560.
3. Gellner E. Prishestvie natsionalizma. Mify natsii i klassa [The advent of nationalism. The myths of nation and class]. *Natsii i natsionalizm* [Nations and Nationalism]. Moscow: Praxis. 2002. 416 p.
 4. Popov M.E. *Konflikty identichnostey v posttraditsionnoy Rossii* [Conflict of identities in postconventional Russia]. Stavropol, 2011. 58 p.
 5. Sotsiologicheskoe issledovanie v ramkakh granta RGNF po projektu «Transformatsii nadetnicheskoy identichnosti v kontekste trendov traditsionalizatsii i modernizatsii: imperskost', sovetuskost', etnichnost' i rossiyskaya grazhdanstvennost'» (Proekt № 14-03-00493). Vyborochnaya sovokupnost' – 1000 chel. (Tyva – 290, Khakasiya – 520, Altay – 190). [Case Study. The aggregate sample – 1,000 people. (Tuva – 290 people, Khakassia – 520 people, Altai – 190 people.)]. 2015.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Аксютин Юрий Михайлович, доцент кафедры философии и культурологии, кандидат философских наук, доцент
Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова
пр. Ленина, 90, г. Абакан, 655017, Российская Федерация
aksutum@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Aksutin Yuriy Mikhaylovich, Associate Professor, Department of Philosophy and Culturology, Ph. D. in Philosophy
The Khakas State University named after N.F. Katanov
90, Lenin Str., Abakan, 655017, Russian Federation
aksutum@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-3-2-272-293

УДК 165

НАУКА И РЕЛИГИЯ КАК АВТОНОМНЫЕ ФОРМЫ ПОЗНАНИЯ

Богдан С.С.

В статье представлена позиция автора в отношении науки и религии как двух институционально специфических, самостоятельных и несводимых форм познания и сфер культуры.

Цель. Показать посредством анализа гносеологических и онтологических признаков, что это два абсолютно разных стиля мышления, видения мира и отношения к нему. Рассматриваются причины возникновения популярной тенденции синтеза религиозного и научного знания.

Метод или методология проведения работы. Основу исследования образуют критический компаративный анализ и научный скептицизм.

Результат. Показано, что у религии и науки разное представление о том, каких гносеологических принципов и методологических установок стоит придерживаться в процессе познания, что есть истина и как ее постичь, а также в чем смысл веры и ее значение в исследовательской деятельности.

Область применения результатов: гносеология, философия и методология науки.

Ключевые слова: наука; религия; истина; вера; формы познания; гносеологические признаки.

SCIENCE AND RELIGION AS AUTONOMOUS FORMS OF KNOWLEDGE

Bogdan S.S.

The article deals with the author's position in relation to science and religion as two institutionally specific, self-contained and irreducible forms of knowledge and culture.

Purpose. Through analysis of the epistemological and ontological signs it shows that these are two completely different style of thinking, of seeing the world and the attitude to it. The causes of the popular trend of synthesis of religious and scientific knowledge are described in detail in the article.

Methodology. The basis of the research is a critical comparative analysis and scientific skepticism.

Results. Shows that religion and science have a different idea of what epistemological principles and methodological orientations to be followed in the process of cognition. Different ideas about what are truth and how to comprehend it and what is the meaning of faith and its importance in research activities.

Practical implications: epistemology, philosophy and methodology of science.

Keywords: *science; religion; truth; faith; forms of cognition; epistemological signs.*

В современном мире почти каждый из нас так или иначе стремится прийти к внутреннему интеллектуальному и эмоциональному согласию в отношении набора вопросов, связанных с личной верой и иррациональными представлениями, с одной стороны, и

приверженностью научному мировоззрению, научно-техническому прогрессу и разуму, с другой стороны. Спектр и уровень решения этих вопросов очень широк и зачастую выходит за пределы личной рефлексии, а в определенные исторические периоды попадает в центр внимания культурной жизни. Так, в силу ряда политических и социально-экономических факторов, а также идеалистических и постмодернистских тенденций развития современной научной мысли (и не только в гуманитарной сфере) [12] с новой силой в российском научном сообществе актуализируется одна из важных философских проблем – проблема взаимоотношения науки и религии [13].

Такое пристальное внимание к вопросам взаимодействия науки и религии в современном медийном и научном пространстве, а также активные попытки их объединения и сотрудничества обусловлены рядом причин. Во-первых, это послевоенная тенденция антициентистской рефлексии в отношении плодов научно-технического прогресса с акцентом на разрушительный потенциал науки (оружие массового поражения, экологические катастрофы), а также современное позиционирование религии в роли некоего сдерживающего фактора и этического цензора возможных «вредоносных» научных исследований (стволовые клетки, геновая инженерия, интеллект). Во-вторых, это обострение политических и социально-экономических проблем внутри страны, поскольку неблагоприятные условия – это благодатная почва для роста иррациональных форм верований. В-третьих, это своеобразная политическая линия государства, которое, «возрождая» духовные ценности, на волне подъема патриотических идей прямо или косвенно способствует внедрению религиозных концепций в образование и науку.

Указанные тенденции подкрепляются интуитивной негативной оценкой со стороны общества предшествующего воинству-

юще-атеистического периода, низким уровнем научной культуры среди населения [2], а также доминирующими в современной постнеклассической философской мысли антиматериалистическими и антипозитивистскими настроениями. Все это способствует тому, что в нынешней интеллектуальной среде превалирует интерес к вненаучным видам знания, которые искусственно наделяются научным статусом (псевдонаучные концепции, мифы, паранормальное, оккультизм, магия, различные формы религий) [9, с. 3]. На разных уровнях общественной жизни предпринимаются активные попытки слияния и интеграции несовместимых типов знания, мышления, познания и мировоззрения. Такого рода тенденции в массовой культуре уже привели, по мысли А.П. Огурцова, к «поражению» философии, к утрате ее прежних высоких позиций в духовной среде за счет вытеснения религией и богословием [11, с. 1–2]. Теперь на очереди наука. Причем под прицелом – не только социально-гуманитарная сфера, но и естественнонаучная.

Стоит оценить, насколько в целом оправданы стремления некоторых ученых и богословов [3, с. 22; 6; 13, с. 202; 14, с. 61–62] объединить науку и религию и есть ли на то какие-либо веские основания? Ведь каждая из этих неотъемлемых частей культуры обладает своей спецификой, институциональными признаками и выполняет свои важные функции в обществе. Решение поставленных вопросов напрямую связано с поиском общих точек соприкосновения этих двух форм познания и мировоззрения, критическим анализом их сходств и отличий и в итоге скептической оценкой реальной возможности (необходимости) и продуктивности их взаимодействия. Характер выявленных специфических признаков создает основу для дальнейших размышлений. Сходства побуждают нас говорить о диалоге, союзе и сотрудничестве,

а отличия – о конфликте и борьбе или же о параллельных, не пересекаемых курсах.

По мнению одного из ведущих отечественных специалистов в области философии науки В.С. Степина, главная черта науки – порождение нового знания, стимулирующего инновации и изменения в культуре [13, с. 101]. Наука изменчива, открыта и динамична, но в то же время строится на вполне устойчивых и жестких критериях, принципах и требованиях к исследованиям, которые позволяют ей отсеивать неverifiedируемые данные и псевдонаучные идеи.

Главная же черта религии, как далее отмечает В.С. Степин, – сохранение традиций, кристаллизация апробированных общечеловеческих ценностей [13, с. 101] (хотя тут не стоит забывать и про роль права и этики в совершенствовании и поддержании нравственных основ поведения). Религия авторитарна и консервативна, она не терпит отклонений и инакомыслия, особенно если они подрывают ее устои. Консервативность распространяется не только на морально-нравственную сферу, но и на гносеологические установки и мировоззрение в целом. На определенных этапах истории человечества церковь не просто сопротивлялась автономии научного познания, она активно и жестоко боролась с любыми попытками научного объяснения картины мира, отличной от канонических представлений в Священных писаниях. Следует признать, что, начиная с XIII века, наука формировалась в контексте теологической установки на познание природы как Божьего творения. Но, с другой стороны, альтернативного контекста развития у нее и не могло быть в атмосфере доминирующей религиозной идеологии. Можно ли сказать, что именно эта теологическая средневековая установка и среда определила развитие современной науки? Вряд ли. В большей степени этому способствовали античная натурфилософия, коперниковская революция, развитие идей материализма и

секуляризации в эпоху Просвещения, а также труды таких ученых и философов, как Д. Локк, Г. Лейбниц, Ф. Бэкон, Р. Декарт, И. Ньютон. Статус науки в обществе во многом менялся не благодаря, а вопреки религии. Сейчас люди верующие спокойно используют в своем обиходе, а также при научном обосновании и аргументации своей религиозной позиции те научные данные, которые раньше признавались церковью ересью и за которые можно было лишиться жизни. Если вначале отношения между этими сферами деятельности носили в основном односторонний директивный характер и религия (в лице ортодоксального христианства) была единственно верным, бесспорным мерилом истинности и ложности, то с проростом научного знания, появлением институциональных признаков у науки и повышением ее статуса в обществе религия вынуждена была перестроиться, признав ее (науку) как минимум равноправной на пути познания истины [3].

Продолжая мысль о прогрессивности науки и стабильности религии, В.С. Степин сравнивает подвижность и историчность онтологических и методологических принципов в науке с незыблемостью данных принципов в религии [13]. Здесь возникает ряд вопросов. Свидетельствует ли эта историческая изменчивость науки о ее ненадежности и необоснованности претензий на объективность и поиск истины или же это показатель ее роста и совершенствования? Безусловно, новые открытия в науке случаются, и это ее главная задача, но можно ли говорить о радикальном пересмотре всей картины мира? Приводит ли появление новых идей (даже революционных) к тому, что все предыдущие концепции утрачивает свою актуальность? Разве появление генетики в XX веке противоречит представлениям эволюционистов XIX века? Разве теория относительности А. Эйнштейна перечеркивает ньютоновскую механику? Представления ученых о мире расширяются, дополняются новыми

данными благодаря совершенствованию методологической и методической базы, но это не говорит о кардинальном пересмотре научных принципов и фундаментальных законов. Науке свойственна преемственность и накопительный эффект, она движется эволюционно (не стоит путать с линейностью), стоя на плечах гигантов, и эта динамичность не приводит к утрате ее сущности. Вслед за ней движется и религия, которая, не взирая на консервативность, сталкивается с необходимостью признавать достижения науки, порой с запозданием в сотни лет, и модифицироваться. Если же говорить не о мировоззренческих установках, а о профессиональных принципах, то у ученых так же, как и у религиозных деятелей, существуют свои базовые кристаллизованные основы деятельности и этические нормы – так называемый этос науки [8] (верность истине, опора на эмпирику, независимость от предрассудков и убеждений, гуманистичность и т.д.). Таким образом, справедливо говорить об одновременном присутствии и в науке, и в религии черт статичности и динамичности, которые, однако, не исключают сохранения специфики этих сфер человеческого бытия.

Теперь, исходя из обозначенной темы, стоит рассмотреть основные гносеологические и методологические критерии сопоставления религии и науки. Можно ли утверждать, что и религию, и науку объединяет общее стремление к истине как высшей гносеологической ценности? При ответе на данный вопрос следует учитывать тот факт, что понимание истины и способов (возможностей) ее постижения, а также содержание этого термина в целом в науке и религии принципиально отличаются.

Считается, что религия предлагает особый вид «высшей» духовной истины, который в отличие от науки выходит за рамки категории эмпирического факта и логики [6]. Не будем здесь затрагивать вопрос обоснованности иерархии истин из разных форм

познания и из разных сфер культуры, так как, во-первых, не существует единых общепризнанных критериев, а во-вторых, очевидно, что это истины разного порядка. А если и сравнивать, то тогда почему бы не следовать эволюционной концепции духовного развития человечества О. Конта [5, с. 54–85], где научная, или позитивная, стадия возвышается над теологической и метафизической. В религии понятие истины имеет эмоциональный окрас и касается внутреннего субъективного мира человека, его личностных переживаний. В науке же категория истины выходит за рамки индивидуума и проецируется на внешний объективный мир. В религии – «истина верь», а в науке – «истина разума». Наука не претендует на всезнайство и на полноту истины, иначе бы она перестала быть наукой. Научное знание, безусловно, неполно, но в этом и заключается суть науки – в его расширении за счет открытости новым истинам.

Проблема возникает лишь тогда, когда два этих понимания истины смешиваются. Когда религия, к примеру, предпринимает попытки делать заявления об окружающей реальности, претендуя на научность, в опоре на откровения из древних Священных писаний, содержание которых вызывают споры у библеистов и теологов до сих пор, события в которых недостаточно подтверждены исторической наукой и основаны на устной традиции и мифологии. Но насколько обоснованы эти положительные утверждения и гипотезы, какова их основа и фактологическая база? Ведь, как известно, чтобы выдвинуть научную гипотезу, недостаточно просто что-либо предположить и заявить. Нет сомнений в том, что Священные тексты представляют ценность как художественный, историко-культурный, нравственный опыт, как объект исследования со стороны социально-гуманитарного знания, но не как кладезь естественнонаучных истин, так как выражают примитивную

науку древнего кочевого и земледельческого народа и не выдерживают современной научной критики. Здесь как нельзя более кстати упомянуть слова М.В. Ломоносова: «Не здраво рассудителен математик, ежели он хочет Божественную волю вымерять циркулем. Также не здраво рассудителен и учитель богословия, если он думает, что по Псалтыри можно научиться астрономии или химии». Апогеем радикального вторжения религии в науку можно считать попытки внедрения в школы учебных пособий по биологии, пронизанных «антиматериалистическими», богословскими идеями и не соответствующих требованиям, предъявляемым к учебным изданиям: отсутствие личной позиции и фактических ошибок, наличие точности и отражение передовых идей в данной области [7].

Принципиальное различие между пониманием истины в науке и религии заключается еще и в том, что если ученый стремится к неизведанному знанию, то для верующего или теолога конечная истина уже ясна (известно, кто ее высказал, когда, где и в какой форме она отражена), главное для него – не познание истины, а ее субъективное переживание в религиозном опыте посредством веры и откровения. При этом в отношении познания объективной реальности большинство религиозных течений агностичны.

К тому же в отличие от религии содержание и истинность полученных знаний в науке не зависит от личности исследователя и от авторитетов в данной области (в первую очередь это касается естественных наук) [9]. Тут действует аристотелевское «Платон мне друг, но истина дороже». Наука автономна, разум в ней способен на самостоятельные решения, которые порой даже противоречат устоявшимся представлениям, за счет чего и возможна ее прогрессивная динамика.

Главная цель познания в естественных науках остается прежней, несмотря на историческую динамику роли субъекта и объекта

познания (в классический, неклассический и постнеклассический периоды), – реальный, объективный мир, а не субъективное, эмоциональное мнение людей о нем. В отличие от идеалистической основы религии наука по своей сути материалистична (хотя и может включать в себя идеальные конструкторы) и гносеологически оптимистична, то есть признает объективность окружающего мира и его потенциальную познаваемость. Это свойство науки позволяет человечеству не только добывать объективные знания, но и эффективно их использовать в своем развитии. Таким образом, у науки совсем иной стиль мышления, иной объект и способ познания, а также отношение к этому объекту. В центре внимания науки – материалистическая, или естественная, реальность, в то время как у религии – идеалистическая, или сверхъестественная [1]. Если наука использует идеальное как методологический инструмент познания, то религия как изначальный онтологический и гносеологический принцип.

Помимо этого, науку и религию также отличает вектор познания (констатирующий или директивный) и характер обоснования полученных знаний. Так, науку интересует знание о том, что существует на самом деле (констатация), в отличие от религии, которая выводит знание о том, как должно быть (дирекция): как нам следует жить и представлять себе устройство мира (сценарии в данном случае многообразны, как и сами религии).

Конечно же, в науке тоже существуют разные футурологические и онтологические концепции и гипотезы, к примеру, теории абиогенеза или устройства Вселенной. Но отличие этих биологических и космологических научных концепций от религиозных мировоззренческих идей заключается в их методологической и фактологической обоснованности. Если научные концепции опираются на прочный фундамент фактов, то идеи религиозные (онтологиче-

ские, гносеологические, антропологические, обрядово-культурные) принимаются на веру, не подлежат критике и не требуют эмпирического обоснования. С одной стороны, как отмечает Е.Л. Фейнберг, и наука, и религия (богословие) в той или иной степени опираются на дискурсивные (логически последовательные) и интуитивные суждения, методы [14, с. 54]. Но в отличие от религии и искусства любое интуитивное суждение в науке должно быть логически непротиворечивым и соответствовать имеющемуся положительному знанию и опыту. Трансцендентный мир религии отличается от реального мира науки, он основан на вере – вере в безусловную непогрешимость и истинность религиозных догматов – и не обязан быть непротиворечивым логически и фактически. Скорее наоборот, он должен включать в себя явления и идеи, противоречащие научному знанию, то есть чудеса. Вера в нереальное, сверхъестественное – специфическая черта религии.

Аспект веры, как отмечает Л.Н. Митрохин [9], – это еще один признак, который позволяет верующим ученым и богословам ошибочно говорить об очевидном сходстве и родстве религии и науки. В данном случае происходит либо смещение веры в ее широком понимании как определенного чувства и общевидового психологического свойства с верой в ее узком понимании (религиозной), либо избирательный поиск верующих авторитетных ученых для аргументации значимости веры в научном исследовании.

Если коснуться роли религиозной веры в науке, то часто возникает вопрос: может ли она помочь в этом специфическом виде деятельности? Возможно, но не науке в целом, а лишь конкретному ее представителю (ученому) и в конкретной ситуации. Тут дело не в религиозной вере, а в индивидуальных способах мотивации исследовательской деятельности [3]. Одному помогает вера в Бога, другому – вера в светский гуманизм, кого-то вдохновляют

проповеди отцов церкви, а кого-то – поддержка родных и близких, но эти формы стимулирования исследовательского процесса никак не отражаются на результате. Нет ни одного статистического подтверждения того, что вера в сверхъестественное или религиозность способны помочь в научной деятельности или что они обладают каким-то специфическим, более выигрышным мотивирующим эффектом по сравнению с другими стимулами.

Большинство крупных ученых в области естествознания – люди нерелигиозные и неверующие, но это ничуть не мешает им в познании мира. Как ответил выдающийся французский ученый Лаплас на вопрос Наполеона о том, почему у него в работе нет ни одного упоминания о Боге, как, скажем, у И.Ньютона, «гражданин первый консул, в этой *гипотезе* я не нуждался». И это подтверждается данными социологического мониторинга [15] в XX веке (опрос проводился в 1914, 1933 и 1998 г.), согласно которому подобных «не нуждающихся» в сверхъестественной гипотезе крупных ученых из области физики, астрономии, химии и биологии становится все больше и больше. К 1998 году около 80% ученых не верит в Бога и жизнь после смерти, остальные – это агностики (сомневающиеся) и совсем незначительный процент верующих (7–8%). Очевидно, если бы проводилось подобное исследование среди гуманитариев, то картина была бы обратной.

Спекуляция на вопросах веры служит одним из доводов со стороны религиозных деятелей в пользу идентичности позиций ученого и верующего. Да, безусловно, наука и религия включают в себя аспект веры. В широком смысле вера науке не противостоит. Проблема заключается в некорректности применения данного термина в узком смысле. Специализированная смысловая нагрузка категории религиозной веры отличается от концептуального содержания научной веры по ряду признаков. Во-первых, если для

религии вера подразумевает бездоказательное, «слепое» принятие чего-либо как данность и истину на основе Священных писаний, то в науке вера не «слепа», она основана на объективном знании, обоснованна и подкреплена фактами. Для научной веры неприемлемо Тертуллиановское «верую, ибо абсурдно». Религиозная вера, как и истина, эмоциональна и иррациональна, научная вера рациональна.

Во-вторых, вера религиозная связана со сверхъестественным, а вера научная опирается на естественное. В этом контексте не следует путать сверхъестественное с идеальным. Верить в результат математических операций, физических уравнений и формул или верить в Бога – это абсолютно разные вещи, хотя и то, и другое – идеальные конструкты, находящиеся у нас в голове и не имеющие материального воплощения. Истинность идеальных феноменов в первом случае можно легко проверить, подставив реальные объекты и применив на практике. То есть различие заключается в возможности проверить утверждение на воспроизводимость и верифицируемость. Если возникают сомнения относительно какого-нибудь физического закона, то каждый человек независимо от его религиозных убеждений может провести эксперимент и самостоятельно удостовериться в его истинности. Даже когда мы затрагиваем такие идеальные концепции, как «теория струн» или гипотезу о мультивселенных, мы все равно опираемся на научные данные: математические расчеты, имеющиеся данные в области космологии и физики. Конечно, физики – тоже люди и могут ошибаться, но у них есть одно главное преимущество по сравнению с религиозными деятелями – это устоявшаяся в науке традиция скептической оценки и взаимной проверки высказываемых гипотез. Критика и оспаривание высказываний внутри религии со стороны ее приверженцев – это весьма редкое явление, а тем более слов и идей при-

знанных авторитетов (святых, пророков, лидеров и глав конфессий). И именно благодаря постоянному притоку новых гипотез, внутренней «прививке», тщательной профессиональной проверке со стороны коллег и отсутствию неприкасаемых авторитетов прогресс научного знания непрерывен.

У религии и науки не только два принципиально разных видения мира, два стиля мышления, две разные гносеологические, онтологические и методологические установки, но и два принципиально различных языка, в которых это видение выражается. В естественных науках в отличие от религии, с учетом эволюции субъекта и объекта познания и исторической системы логических категорий, принята единая трактовка фундаментальных понятий, законов и теорий, которые признаны научным сообществом на определенном этапе развития и которые не позволяют иносказаний и вольностей интерпретации. В рамках же религии, даже если взять во внимание только христианство, нет единства по ключевым идеологическим и культово-обрядным позициям (Символы веры, иерархия Церкви, статус Христа и Богоматери, вопрос об исхождении Святого Духа и чистилище, о возможности трактовок при чтении Библии и содержания Святых таинств). Этого единства нет даже в отношении важнейших морально-нравственных вопросов. Ученые разговаривают на одном языке независимо от национальности, религиозных и политических убеждений, пола, возраста и социального положения. У них один язык – язык фактов. Совсем иное отношение у ученых и к текстам, в том числе текстам признанных авторитетов в той или иной области. Мысли крупных ученых и мыслителей можно (и нужно) подвергать сомнению, так как именно здоровый скептицизм позволяет науке самоочищаться и прогрессировать. В науке при всем уважении к предшественникам и их заслугам отсутствует феномен сакрального. Верующим не по-

зволено сомневаться в истинности священных догматов, символов веры, мыслей признанных религиозных деятелей, так как для них это свято, неприкосновенно и неоспоримо.

С единой семантикой внутри естественнонаучного знания связаны еще две взаимосвязанные отличительные особенности. Наука в своем развитии движется по пути концептуальной конвергенции и общностной интеграции. Имеющиеся разногласия по определенным вопросам среди ученых носят временный характер и постепенно с появлением новых подтверждающих данных сглаживаются. В религии же, особенно в последнее время, несмотря на внешние публичные попытки поликонфессионального диалога и сотрудничества, проявляется обратный вектор развития – концептуальная дивергенция и общностная дезинтеграция. Принципиальные онтологические, гносеологические и моральные расхождения между религиями, а также различия в интерпретациях догматов веры и Священных писаний способствуют ингрупповой и аутгрупповой конфронтации, а также постоянному росту новых форм верования, течений и сект.

Следует отметить, что в современной социально-гуманитарной мысли по рассматриваемым в данной статье отличительным признакам науки и религии нет абсолютного единства во взглядах и, как следствие, нет единого мнения относительно форм взаимодействия (фактических и должных) этих двух сфер культуры. Отсюда возникают такие популярные и крайние позиции, как «религия – это враг науки» или «религия – это друг и компаньон науки, без которого последняя – это ничто». Первая позиция поддерживается в основном радикальными атеистами, а вторая – богословами и верующими учеными [10]. Помимо этого, существует третья, умеренная, или компромиссная, точка зрения, допускающая палитру взаимоотношений науки и религии, динамику, изменчивость

и контекстуальность (в одном случае они могут выступать оппонентами, а в другом – союзниками), а также и четвертая позиция, которая вовсе исключает какую-либо возможность их взаимодействия по причине отсутствия точек соприкосновения и различия выполняемых функций в обществе.

Нынешняя тенденция интеграции различных областей научного знания в некоторых случаях приводит к абсурдному, бесперспективному, конъюнктурному стремлению объединить необъединяемое, соединить рациональное и иррациональное, разные сферы культуры, формы познания в угоду публике, моде и государству. По нашему мнению, стремление согласовывать религиозное мировоззрение с развивающимся научным знанием – вынужденная реакция религии, утратившей свою прежнюю силу и авторитет.

На основании концептуальной линии предпринятого компаративного анализа науки и религии, на наш взгляд, наиболее адекватной современным условиям является четвертая позиция – позиция автономности этих двух специфических сфер деятельности. Эта точка зрения была наиболее полно выражена в работе историка науки и ученого-биолога С. Гулда «Камни веков», согласно которой никакого конфликта между наукой и религией нет, так как это две абсолютно «непересекающиеся магистерии» (принцип NOMA, от англ. Non Over lapping Magisteria) [4, с. 43], то есть две сферы жизни человека, выполняющие разные функции. Область науки – это познаваемый мир, мир эмпирики, состоящий из фактов (его устройство и состав) и теорий (объяснение причин такого устройства). Область религии, как полагает С. Гулд, – вопросы моральных ценностей и смыслов. И хотя этими вопросами могут заниматься и другие сферы культуры (право, этика, искусство и сама гуманитарная наука), у религии все же есть своя специфика, есть свои функции, выполнение которых необходимо обществу на

данном этапе его развития и которые тесно связаны с общечеловеческими психологическими особенностями.

Религии помогают многим найти смысл жизни перед лицом неизбежной смерти, даруют утешения и надежды, пусть даже иллюзорные. Основная функция заключается в преодолении отчаяния и безнадежности под грузом трагедий, горя, невзгод и конфликтов, а также катастроф и непреодолимых условий. Религии – это анальгетик для больных сердец и успокоительное от экзистенциальных страхов. Если наука дает нам истину, мораль дает добро и право, то сфера религии – это сфера обещаний и ожиданий. Метафорический язык религии в форме притч, мифов и сказаний – это в некоторой степени поэзия морали, которая посредством художественных образов оказывает влияние на воображение и легче воспринимается на эмоциональном уровне. В этом заключается еще одна роль религии: она затрагивает сферу творческого воображения, область фантазий и вымыслов, которые являются одними из самых мощных проявлений человеческих мечтаний и надежд, идеалов и стремлений. Наглядным примером могут послужить масштабы популярности романов Дж. Роулинг и Д.Р. Толкина (среди самых читаемых книг современности цикл книг о Гарри Поттере находится на третьем месте, а Библия – на первом). Творческое религиозное воображение порождает рассказы, призывающие к надеждам, ожиданию и утешению, позволяя людям преодолеть горе и депрессию. Утратив свою иррациональную, мифологическую, «чудесную» составляющую, религия утратит свою сущность и перестанет быть религией.

Невзирая на все антинаучные и иррациональные тенденции в нашем обществе, статус науки по-прежнему очень высок, и именно этим обусловлено желание многих верующих представить свои религиозные взгляды научнообразно, заручиться поддержкой

ученых в пользу вмешательства трансцендентных сил. И такую поддержку они с легкостью получают, ведь любой ученый, даже самый именитый, не является специалистом во всех областях знания и, самое главное, – он такой же человек, как и все мы, со своими страхами и надеждами, экзистенциальными переживаниями, ошибками восприятия, религиозными убеждениями, культурными и национальными особенностями, а также общевидовой чертой – искушением потусторонним.

Таким образом, сохраняя свою специфику, религия и наука затрагивают различные сферы человеческого бытия, различные интересы и потребности. Это два абсолютно разных (порой диаметрально) стиля мышления, видения мира и отношения к нему. Как в моральном, так и в онтологическом и гносеологическом аспектах религия консервативна и статична, а наука либеральна и динамична. У них абсолютно разное видение того, что есть истина и как ее постичь, на каких гносеологических принципах стоит базироваться и каких методологических установок придерживаться в процессе познания. По-разному они смотрят на смысл веры и ее значение в исследовательской деятельности, а также на роль исторических текстов и признанных авторитетов в получении нового знания. Эти в чем-то внешне схожие сферы культуры существенно различаются по внутреннему содержанию, и размывание границ между ними приведет к утрате их специфики.

Нейтралитет во взаимоотношениях науки и религии сохраняется до тех пор, пока одна из этих сфер не пытается вмешиваться в другую, не стремится навязать свое мировоззрение и понимание истины, установить монополию в культурной среде. К сожалению, такие периоды нейтралитета – это исключения из правил. Противостояние этих двух сфер культуры в мировоззренческой плоскости неискоренимо до тех пор, пока существует одна из них, а все

попытки по их объединению хоть субъективно-психологически и понятны, но, вероятнее всего, бесплодны.

Безусловно, наука – не единственный способ познания и понимания действительности. Она не исчерпывает собой всего многообразия культуры и не претендует на такую роль. В постижении мира участвуют многие сферы: обыденное сознание, художественный опыт, нравственность и религия, – но именно наука дает нам не субъективные (что тоже немаловажно для человека), а объективные знания об окружающей реальности, раз за разом подтверждающие свою истинность на практике. Наука – это на сегодняшний день самый эффективный из известных человечеству инструментов познания объективной реальности и самих себя, который пронизывает собой всю жизнедеятельность современных людей и амбивалентно таит в себе как потенциальную угрозу, так и потенциальное спасение всего живого. Религия, в свою очередь, дарует нам надежду в тех случаях, когда наука беспомощна и когда разум бессилен.

Список литературы

1. Абрамов Ю.Ф., Попов П.Л. О разграничении религиозного и научного стилей мышления // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2012. № 2. С. 245–250.
2. Гинзбург В.Л. Наука и религия в современном мире // Разум или вера? 2002. URL: <http://razumru.ru/ginzburg/06.htm> (дата обращения 12.08.2016).
3. Гинзбург В.Л. Религия и наука. Разум и вера // Наука и жизнь. 2000. № 7. С. 22–29.
4. Конашев М.Б. Стивен Джей Гулд и религия // Человек. 2011. № 3. С. 41–57.

5. Конт О. Дух позитивной философии. [Пер. с франц.] Ростов н/Д: Феникс, 2003. 256 с.
6. Корочкин Л.И., Тревогин П.А. Несовместимость двух мировоззрений / Разум или вера? URL: http://razumru.ru/atheism/discus/tr_ko1.htm (дата обращения 26.07.2016).
7. Мамонтов С.Г. Вера и наука. К вопросу о религиозном и светском преподавании биологии в школе // Природа. 2006. № 7. С. 84–88.
8. Мирская Е.З. Р.К. Мертон и этос классической науки // Философия науки. Вып. 11: Этос науки на рубеже веков. М.: ИФ РАН, 2005. URL: http://iph.ras.ru/page48033174.htm#_ednref4 (дата обращения 03.08.2016).
9. Митрохин Л.Н. Научное знание и религия на рубеже XXI века // Вестник Российской академии наук. 2000. Т.70. № 1. С. 3–20.
10. Никитин В. Н. Наука и религия: оппоненты или союзники? // В защиту разума. 2001. URL: <http://razumru.ru/humanism/symposium/18.htm> (дата обращения 15.08.2016).
11. Огурцов А.П. Поражение философии // Vox. Философский журнал. 2013. № 15. С. 1–10.
12. Сапунов М.Б. О проблеме реальности в истории и философии науки // Высшее образование в России. 2012. № 2. С. 147–154.
13. Степин В.С. Наука и религия: противостояние или диалог? // Диалог культур в условиях глобализации: XII Международные Лихачевские научные чтения. СПб., 2012. Т. 1. СПб. С. 201–202.
14. Фейнберг Е.Л. Наука, искусство и религия // Вопросы философии. 1997. № 7. С. 54–62.
15. Larson E.J., Witham L. Leading scientists still reject God // Nature, 1998. Vol. 394, № 6691. P. 313.

References

1. Abramov Yu.F., Popov P.L. O razgranichenii religioznogo i nauchnogo stiley myshleniya [About division of religious and scientific thinking

- styles]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva*, no 2 (2012): pp. 245–250.
2. Ginzburg V.L. Nauka i religiya v sovremennom mire [Science and religion in the modern world]. *Razum ili vera?* (2002). <http://razumru.ru/ginzburg/06.htm> (accessed August 12, 2016).
 3. Ginzburg V.L. Religiya i nauka. Razum i vera [Religion and science. Reason and faith]. *Nauka i zhizn'*, no 7 (2000): pp. 22–29.
 4. Konashev M.B. Stiven Dzhey Guld i religiya [Stephen Jay Gould and Religion]. *Chelovek*, no 3 (2011): pp. 41–57.
 5. Komte A. *Dukh pozitivnoy filosofii* [Course in Positive Philosophy]. Rostov n/D: Feniks, 2003. 256 p.
 6. Korochkin L.I., Trevogin P.A. Nesovmestimost' dvukh mirovozzreniy [The incompatibility of the two worldviews]. *Razum ili vera?* http://razumru.ru/atheism/discus/tr_ko1.htm (accessed July 26, 2016).
 7. Mamontov S.G. Vera i nauka. K voprosu o religioznom i svetskom prepodavanii biologii v shkole [Faith and science. On the issue of religious and secular teaching biology in school]. *Priroda*, no 7 (2006): pp. 84–88.
 8. Mirskaya E.Z. R.K. Merton i etos klassicheskoy nauki [R.K. Merton and the ethos of classical science]. *Filosofiya nauki. no 11: Etos nauki na rubezhe vekov*. Moscow: IF RAN, 2005. http://iph.ras.ru/page48033174.htm#_ednref4 (accessed August 03, 2016).
 9. Mitrokhin L.N. Nauchnoe znanie i religiya na rubezhe XXI veka [Scientific knowledge and religion at the turn of the XXI century]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*. Vol. 70, no 1 (2000): pp. 3–20.
 10. Nikitin V.N. Nauka i religiya: opponenty ili soyuzniki? [Science and religion: opponents or allies?]. *V zashchitu razuma*. 2001. <http://razumru.ru/humanism/symposium/18.htm> (accessed August 15, 2016).
 11. Ogurtsov A.P. Porazhenie filosofii [Defeat philosophy]. *Vox. Filosofskiy zhurnal*, no 15 (2013): pp. 1–10.

12. Sapunov M.B. O probleme real'nosti v istorii i filosofii nauki [About problem of reality in the history and philosophy of science]. *Vysyshee obrazovanie v Rossii*, no 2 (2012): pp. 147–154.
13. Stepin V.S. *Dialog kul'tur v usloviyakh globalizatsii: XII Mezhdunarodnye Likhachevskie nauchnye chteniya* [Dialogue of cultures in a globalizing world: the XII Int. Likhachev scientific readings]. St.Petersburg. Vol. 1 (2012): pp. 201–202.
14. Feynberg E.L. Nauka, iskusstvo i religiya [Science, art and religion]. *Voprosy filosofii*, no 7 (1997): pp. 54–62.
15. Larson E.J., Witham L. Leading scientists still reject God. *Nature*, Vol. 394, no 6691. (1998): p. 313.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Богдан Сергей Сергеевич, старший преподаватель кафедры социально-экономического образования и философии, кандидат философских наук
*Сургутский государственный педагогический университет
ул. Артема, д. 9, г. Сургут, Тюменская область, 628400, Российская Федерация
sergio-84@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Bogdan Sergey Sergeevich, Senior Lecturer, Department of Social and Humanities education and Philosophy, Ph. D. in Philosophy
*Surgut State Pedagogical University
9, Artem St., Surgut, Tyumen Region, 628400, Russian Federation
sergio-84@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1767-1276
ResearcherID: F-8763-2015*

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-3-2-294-301

УДК 243.2

РОЛЬ КУНЧЕНА ЖАМЬЯНА ШАДПЫ ДОРЖЕ КАК ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕЯТЕЛЯ ТИБЕТА

Гулгенова А.Ц.

Цель. Статья посвящена выдающейся личности, внесшей огромный вклад в формирование и развитие тибетской теократии на рубеже XVII–XVIII вв. В целях полноценного раскрытия темы, была поставлена задача отражения роли и места Кунчена Жамьяна Шадпы Дорже в социально-политической обстановке в Тибете.

Результаты. В ходе исследования выявлено, что Кунчен Жамьян Шадпа Дорже сыграл значительную роль в становлении тибетской государственности, в качестве известного религиозного и общественно-политического деятеля. Будучи авторитетным и вполне независимым религиозным иерархом, он всегда придерживался одной принципиальной политической позиции, схожей с политической ортодоксией, отвечающей политическим интересам традиции Гелугпа, и направленную на защиту её верховного положения. Этот аспект жизнедеятельности тибетца до сих пор до конца не исследован.

Область применения результатов. Поэтому данная статья имеет большую практическую значимость в области буддологии, востоковедения, религиоведения, а также представляет научный интерес для широкого круга читателей, интересующихся буддизмом и его историей.

Ключевые слова: Гелугпа; теократическое государство; общественно-политический деятель; буддийская ортодоксия.

THE ROLE OF KUNCHEM ZHAMYAN SHADPA DORJE AS A SOCIAL AND POLITICAL FIGURE OF TIBET

Gulgenova A. Ts.

Purpose. This article about an outstanding personality, which has made an enormous contribution to the formation and development of the Tibetan theocracy.

Results. Kunchen Zhamyan Shadpa Dorje has played a significant role in the formation of Tibetan nationhood, as a credible political figure. Being credible and completely independent hierarch, he has always taken a principled political position, in spite of the folding of the circumstances and the confrontation between political rivals. It is therefore possible to perceive his position as political orthodoxy, which corresponds to the political interests of tradition and they aimed at protecting its high position. The article reflects the role and place of Kunchen Zhamyan Shadpa Dorje in the socio-political situation in Tibet at the turn of the 17th and 18th centuries, as a religious leader. This aspect of Tibetan life activity is still not fully researched.

Practical implications. That's why this article is of great practical significance in the field of buddology, Oriental Studies, religious studies, and has scientific interest for wide range of readers interested in Buddhism and its history.

Keywords: *the Gelugpa; theocratic State; politician and social figure; Buddhist orthodoxy.*

Кунчен Жамьян Шадпа Дорже (1648–1722) известен миру как выдающийся философ, буддийский учитель и универсальный ученый-энциклопедист средневекового Тибета. Ему принадлежат фундаментальные труды, легшие в основу учебных пособий всех

гелугпинских монастырей по эпистемологии, истории философии, философии мадхьямиков, йогачаров, исследования по Абхидхарме и Праджняпарамите и т.д. Кунчен Жамьян Шадпа сыграл значительную роль в становлении тибетской государственности, будучи авторитетным общественно-политическим деятелем. Его становление в данной ипостаси происходило в период укрепления внешнеполитических позиций Тибета.

Конец XVII века считается одним из самых сложных периодов в тибетской истории, связанных, во-первых, с обострением тибето-китайских отношений вследствие вмешательства в планы цинских правителей собственных внешнеполитических устремлений тибетских лидеров и военной активности джунгарского хана Галдана [1, с. 122]; во-вторых, с сокрытием главой правительства Санчжеем Чжамцо кончины духовного лидера Тибета – V Далай-ламы Агвана Лобсана Чжамцо и его единоличное правление страной в течение 15 лет. Последний факт привел регента Санчже Чжамцо к оппозиции целой коалиции различных сил в лице цинского императора, противостоявшего антиимперскому союзу Далай-ламы и джунгарского ханства; в лице Лхавсан-хана, стремившегося поднять престиж института хошутского правителя Тибета; и наконец, представителей ортодоксальной гелугпинской иерархии, отстаивавших верховные позиции традиции гелуг. Некоторые полагают, что сложившаяся ситуация стала результатом неуклонного следования дэсридом Санчже Чжамцо ранее установленной политики Далай-ламы V, известного проджунгарскими настроениями и альянсом с ханом Галданом [2, с. 38].

Историческое развитие гелугпинской традиции, приведшее к укреплению теократического государства в стране, породило такую мощную личность, как Кунчен Жамьян Шадпа Дорже. Ко времени смерти в 1682 году V Далай-ламы Агвана Лобсана Чжамцо Жамьян Шадпа был признанным мастером философских диспутов, авторитетным учителем тантры и высокообразованным ученым, посвятившим бо-

лее 20 лет жизни насыщенной научной, творческой и проповеднической деятельности. Поэтому абсолютно закономерно его назначение в 1697 году наставником и личным советником VI Далай-ламы Ригцзина Цангьянг Гьяцо (1683–1706), а позже главой Гоман-дацана Дрепунг-монастыря. С момента назначения Жамьяна Шадпы на должность настоятеля Гоман-дацана началась его общественно-политическая жизнь в качестве высокопоставленного должностного лица с правом участия в обсуждении важных государственных вопросов.

Кунчен Жамьян Шадпа, будучи приверженцем ортодоксальной гелугпинской традиции, непоколебимо стоял на защите крепости многовекового вероучения. Так, его противостояние с регентом Санчже Чжамцо усилилось, когда последний попытался заменить учебные пособия Панчена Соднама Дракпы (тиб. bSod nams grags pa, 1478–1554), на которых базировался весь учебный процесс в монастыре Дрепунг, на работы V Далай-ламы. Допустить замены учебных пособий настоятель не мог, как не мог допустить и публичного опровержения учения Панчена Соднама Дракпы. Поскольку это позволило бы усилить контроль правительства над монастырями, а также разрушить посмертное влияние основателя монастыря Дрепунг, тулку Драгпы Гьялцена (тиб. sprul sku grags pa rgyal mtshan, 1618–1655), что, по сути, было неприемлемо, так как было частью системной репрессии.

Причины противостояния Жамьян Шадпы с регентом связаны с историческими событиями второй половины XVII века. Тогда Драпка Гьялцен был высокопоставленным ламой в традиции Гелуг и соперником Пятого Далай-ламы, Агвана Лобсана Чжамцо (1617–1682). После смерти IV Далай-ламы Йонтена Гьяцо претендентами на роль его перерожденца стали два мальчика Агван Лобсан Чжамцо и Драпка Гьялцен. Первый впоследствии был официально признан V Далай-ламой, а Драпку Гьялцена назначили третьей реинкарнацией Панчена Соднама Дракпы (1478–1554). Однако это распределе-

ние не исчерпало разногласий между претендентами, навсегда оставив их соперниками, возглавлявшими два конкурирующих лабранга – «Верхняя палата» под руководством Панчена Дракпы Гьялцена и «Нижняя палата» под руководством Далай-ламы Агвана Лобсана Чжамцо. Кроме того, известно, что V Далай-лама имел особую расположенность к традиции Ньингма еще по семейной линии. Отсюда он почерпнул немалую часть своих практик, что вызывало особенное неудовольствие в ортодоксальных гелугпинских кругах.

После трагической смерти в 1655 году Драпка Гьялцен стал символом оппозиции, воспринимаемый как жертва могущества Далай-ламы. В свою очередь Агван Лобсан Чжамцо и его ближайшее окружение объясняли события, следовавшие за смертью тулку, посмертно очерняя последнего его отождествлением с гневным божеством Шугденом. В своих комментариях о Драпке Гьялцене Сандже Чжамцо утверждал: «После [смерти] Наванга Сонома Гелека (второй реинкарнации Панчена Сонома Дракпы), [его реинкарнация родилась] в семье Гекхаса. Хотя этот человек сначала питал надежды на признание его реинкарнацией Всезнающего Йонтена Гьяцо (Четвертого Далай-ламы), он был признан реинкарнацией Нгаванга Сонома Гелека и, в конце концов, получил неблагоприятное перерождение» [3]. Здесь, вероятнее всего, Сандже Чжамцо подразумевает перерождение Дракпы Гьялцена духом Шугденом. Это заявление подтверждается V Далай-ламой, который пишет, что кончина Дракпы Гьялцена привела к его перерождению духом: «Под действием магической силы одного из духов сын благородного семейства Гекхаса стал ложной реинкарнацией Нгаванга Сонома Гелека, [а впоследствии] духом, [движимым] неправильными молитвами» [3]. Таким образом, все происходившие события объяснялись не в качестве кармического следствия насильственной смерти Дракпы Гьялцена, а как результат его превращения в

опасного духа. По мнению, американского профессора Дж. Дрейфуса, события, окружавшие смерть Дракпы Гьялцена, должны рассматриваться в историческом контексте в свете политических событий, сопровождавших возникновение института Далай-лам как средоточия власти во второй половине семнадцатого столетия [3].

Итак, Кунчен Жамьян Шадпа не мог допустить не только посягательств на истинность вероучения, но и угрозы подрыва авторитета института Далай-лам. Прежде всего, это связано с Далай-ламой VI, который своим отречением монашеских обетов, способствовал обострению внешнеполитической ситуации. Изменить ход событий было невозможно, однако сохранить авторитет Далай-ламы VI было вполне реально. Поэтому Кунчен Жамьян Шадпа, обладая весомым авторитетом, обратился с соответствующей речью к многотысячной аудитории, тем самым, остановив растущую волну негодования. Таким образом, роль Кунчена Жамьяна Шадпы в этой ситуации была одна из самых важных, поскольку лишь он смог оказать необходимое влияние на духовенство.

В начале 1705 года произошло военное столкновение, в котором Лхавсан-хан, будучи сторонником политики подчинения цинскому Китаю, одержал победу над сторонником суверенности Тибета дэсридом Санчже Чжамцо. Кунчен Жамьян Шадпа, руководствуясь интересами гелугпинской традиции, и будучи убеждённым, что Лхавсан-хан является воплощением Гушри-хана, оказал поддержку Лхавсан-хану, повлияв на гелугпинскую иерархию. Благодаря этому последний получил власть над страной. В свою очередь Санчже Чжамцо была гарантирована безопасность, в обмен на отказ от притязаний на власть.

Жамьян Шадпа, будучи авторитетным и вполне независимым иерархом, всегда придерживался одной принципиальной политической позиции, не смотря на складывающиеся обстоятельства, будь то: преданность Лхавсану, признание и связь с фиктивным

Далай-ламой VI Ешей-Чжамцо, критика в адрес Цаньян-Чжамцо, или оппозиция политике регента Санчже Чжамцо. Он, прежде всего, ратовал за стабильность в стране, основанную на поддержании интересов гелугпинской традиции. Этой позиции он придерживался, и когда перед ним стоял выбор между Далай-ламой – символом теократического государства, и собственно традицией. Поэтому можно воспринимать его позицию как политическую ортодоксию, отвечающую политическим интересам традиции гелугпы, и направленную на защиту её верховного положения.

Список литературы

1. Беспрозванных Е.Л. Лидеры Тибета и их роль в тибето-китайских отношениях XVII–XVIII вв. Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 2001. 356 с.
2. Гончог Чжигмэд Ванбо. Повествование о жизни всеведущего Чжамьян Шадпий Дорчже, могущественного ученого и сиддха, называющегося «Брод, ведущий к удивительно благому делу», введ., пер., коммент. Н. Цырепилова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. 2008. 312 с.
3. Дрейфус Дж. Дело Шугдена: истоки раскола (часть 1). <http://dalailama.ru/messages/shugden/print:page,1,897-shugden-affair-part-i.html>
4. Кычанов Е.И., Мельниченко Б.Н. История Тибета с древнейших времен до наших дней. Москва: Вост. лит., 2005. 351 с.
5. Hopkins P.J. Maps of the profound (Jam-yang-Shay-ba's Great exposition of Buddhist and Non-buddhist views on the Nature of reality). Itaka. N.Y. 2003. 1135 p.

References

1. Besprozvannyh E. L. *Lidery Tibeta i ih rol' v tibeto-kitajskih otnoshenijah XVII-XVIII vv.* [Leaders of Tibet and their role in Tibetan-Chinese relations of XVII-XVIII centuries]. Volgograd, 2001, 356 p.

2. Gonchog Chzhigmjed Vanbo. *Povestvovanie o zhizni vsevedushhego Chzham'jan-Shadpij-Dorchzhe, mogushhestvennogo uchenogo i siddha, nazyvajushheesja «Brod, vedushhij k udivitel'no blagomu udelu»* [Narrative of the life of Zhamyan Shadpiy Dorchje omniscient, mighty scholar and Siddha, known as «Ford, leading to surprising good fate»]. Ulan-Ude, 2008, 312 p.
3. Drejfus Dzh. *Delo Shugdena: istoki raskola (chast' 1)* [Shugden affair: origins of a split (Part 1)]. <http://dalailama.ru/messages/shugden/print:page,1,897-shugden-affair-part-i.html>
4. Kychanov E.I., Mel'nichenko B.N. *Istorija Tibeta s drevnejshih vremen do nashih dnei* [History of Tibet from ancient times to our days]. Moscow: Vost. lit., 2005, 351 p.
5. Hopkins P.J. Maps of the profound (Jam-yang-Shay-ba's Great exposition of Buddhist and Non-buddhist views on the Nature of reality). *Maps of the profound (Jam-yang-Shay-ba's Great exposition of Buddhist and Non-buddhist views on the Nature of reality)*. Itaka. N.Y. 2003. 1135 p.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Гулгенова Арюна Цьденжабовна, к.и.н.

Министерство социальной защиты населения Республики Бурятия

ул. Гагарина, 10, г. Улан-Удэ, Бурятия Респ., 670034, Российская Федерация

agulgenova@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Gulgenova Aryuna Tsydenzhabovna, Ph.D.

Ministry of Social Welfare of the Republic of Buryatia

10, Gagarin Str., Ulan-Ude, Buryatia, 670034, Russian Federation

agulgenova@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-3-2-302-309

УДК 101.1:316

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО И ДЕКОНСОЛИДАЦИЯ ОБЩЕСТВА

Данилова З.А.

Цель – отразить рост социально-экономического неравенства как фактора деконсолидации общества в депрессивном регионе.

Методы исследования – сравнительно-сопоставительный анализ, статистические методы, массовый опрос населения.

Результаты – изучены особенности риска развития социальной структуры в регионе; представлены новые материалы, свидетельствующие о нарастании социально-экономического неравенства и социального напряжения в обществе: высокие разрывы в дифференциации доходов, уровне и качестве жизни обеспеченного и бедного населения; обозначены социальные слои, наиболее подверженные современным угрозам; отражены последствия социального неравенства, ведущие к дезинтеграции общества.

Выводы – у социума региона имеется определенный запас прочности для выживания, но угроза его деконсолидации постепенно нарастает вследствие низкой эффективности системы управления, отчуждения власти от общества, сокращения «поля деятельности» населения из-за стагнации экономики региона, «бегства капитала» и др.

Ключевые слова: *социальное неравенство; деконсолидация; социум; регион; факторы; угрозы; дифференциация; управление.*

SOCIAL INEQUALITY AND DECONSOLIDATION OF SOCIETY

Danilova Z.A.

The article's aim is a study the aspects of social inequality as a factor of society's consolidation in the depressed region.

In the article has been used the statistical method and mass surveys.

The main results – features of risk of development of social structure in the region are studied; the new materials demonstrating increase of a social and economic inequality and social tension in society are presented: deep gaps in differentiation of the income, level and quality of life of the rich and poor population; social groups, which are mostly subjected to modern threats, are defined; the consequences of a social inequality, which conduct to disintegration of society are reflected.

The main conclusions – the region's society has a certain underlying strength for a survival, but the threat of the society deconsolidation gradually increases as a consequence of the poor effectiveness of the governmental system, the estrangement of the authorities from the society, the reduction of the population "field of activity" because of the economic stagnation in the region, "capital flight" and other reasons.

Keywords: *social inequality; consolidation; society; region; factors; threats; differentiation; governance.*

В современных условиях актуализируется потребность в оптимизации управления процессом консолидации общества, повышения его эффективности в целях устойчивого развития. Одним из основных факторов, препятствующих консолидации общества, является социально-экономическое неравенство, его уровень и формы проявления, особенно в депрессивных регионах страны, в том числе и Республике Бурятия.

Социальное неравенство свойственно любому обществу и спектр представлений о нем достаточно широк, многообразен. В представленной статье категория социального неравенства используется в контексте анализа социальной стратификации общества по уровню и качеству жизни, доходов. Изучение влияния социально-экономических детерминант на консолидацию общества представляется важным, поскольку наглядно иллюстрирует уровень поляризации между различными слоями и группами населения. При высоком уровне неравенства в доходах и несправедливом его распределении возрастают риски социального напряжения в обществе.

Риски, связанные с проявлениями социального неравенства в Бурятии, в последние годы приобретают неблагоприятный вектор развития. В регионе отмечаются высокие разрывы в доходах обеспеченного и бедного населения, коэффициент дифференциации доходов в 2012 г. составлял 15,2 раз. Численность населения, имеющего среднедушевые доходы ниже прожиточного минимума, насчитывала 182,3 тыс. чел. или 18,8% к общей численности населения [2, с. 144]. Соответственно уровень и качество жизни бедного населения существенно отличается от обеспеченных слоев и групп населения.

Согласно выборочным обследованиям бюджетов домашних хозяйств в 2013 г. первая группа с наименьшими доходами по сравнению с пятой группой с наибольшими доходами располагает в 3,3 раза меньше персональными компьютерами, 2,9 раза – легковыми автомобилями, в 1,6 раза – холодильными камерами. Если в пятой группе 26,0% домохозяйств располагает площадью жилищ в среднем на одного проживающего до 9 кв. м., то в первой группе – всего 1,8% домохозяйств [2, с. 152].

В то же время сложившееся положение в структуре населения республики не представляет очевидную угрозу, поскольку, *во-первых*, уровень богатства и бедности носит умеренный характер. Коэффициент концентрации доходов (индекс Джинни) в 2013 г. занимал ме-

сто ближе к срединному значению и составлял 0,414 [2, с. 125]. Чем выше значение данного индекса (варьируется от 0 до 1), тем более неравномерно распределены доходы в обществе.

Во-вторых, в количественном отношении в регионе не наблюдается слишком много как богатых, так и бедных людей. Основные группы населения составляют люди со средним и ниже среднего достатка, а также «новые» бедные с уровнем потребления выше бедного, но ниже среднего слоя.

Вышеназванное положение подтверждается и данными нашего исследования [1]. 29,4% респондентов указали на то, что денег им хватает только на самое необходимое, 7,9% – отказываются почти от всего, все уходит только на еду. В то же время 9,9% опрошенных отметили, что живут в достатке и ни в чем себе не отказывают и 34,1% – живут прилично, но на крупные покупки им приходится копить.

Сложившееся положение в социальной структуре населения Бурятии обусловлено тем, что в регионе отсутствуют источники для развития, с одной стороны, крупного капитала, с другой – крайней бедности. Местная предпринимательская элита фактически отчуждена от владения ресурсами, приносящими большие дивиденды. Почти всеми значимыми ресурсами, крупными предприятиями региона стали распоряжаться «пришлые» компании, что отчасти обуславливает единение населения против «варягов».

Несмотря на то, что почти 1/5 часть населения относится к категории малоимущих, они находят источники для существования, выживают за счет развития личного подсобного хозяйства, огородничества, получения пенсий, пособий. Вместе с тем, угроза социального неравенства постепенно нарастает, поскольку ряды бедных активно пополняются безработными из-за стагнации экономики региона, банкротства многих предприятий. Рейтинг социально-экономического положения Бурятии среди 83 регионов РФ постепенно снижается. Если в 2010 г. республика занимала 59 место, то в 2011 г. – 61 место,

в 2012 г. – 62 место. В рейтинге агентства РИА Бурятия находится в последней десятке среди регионов страны по качеству жизни, в 2014 г. по данному показателю она занимала 75 место [3, с. 22]. Наиболее низкий рейтинг регион занимал по показателям «жилищные условия населения», «экологические и климатические условия», «освоенность территории и развитие транспортной инфраструктуры».

Вызывает тревогу, рост социального напряжения в обществе, сокращение поля применения своего труда. Возможность зарабатывать за последние пять лет ухудшилась у 14,9% и 9,9% респондентов отметили, что у них ограничены жизненные перспективы [1].

Среди факторов, провоцирующих деконсолидацию общества, особенно выделяется фактор слабого развития частной инициативы, создания государством благоприятных условий для развития производства, всех форм собственности. За последние годы из региона происходит «бегство капитала», сокращается число средних и мелких предпринимателей и соответственно снижается налогооблагаемая база предприятий. Только за 2015 г. республику покинуло около 70 предприятий, среди которых крупные торговые сети «Абсолют», «Вегос-М», «Смит», многие строительные компании. Отмечается низкая позиция Бурятии (71 место) в рейтинге социально-экономического положения регионов РФ по группе показателей «Развитие малого бизнеса» [3, с. 22].

Социальное неравенство проявляется не только с вышеназванными рисками развития, но и отчуждением власти от общества. По сравнению с уровнем жизни населения в целом, властная элита создала себе наиболее благоприятные, комфортные условия жизнедеятельности. Вследствие отсутствия четкой регламентации заработной платы во властных структурах, доходы бюрократического аппарата, особенно высшего эшелона, непредсказуемо возрастают, отмечается высокие разрывы в оплате их труда и общества в целом. В 2013 г. соотношение заработной платы руководителей высшего звена управления и средней по региону составляла приблизительно 9–10 раз, величины

прожиточного минимума – 20–22 раз [4]. Меркантильная мотивация поведения элит становится немаловажным раздражителем социума.

Наиболее уязвимыми группами населения, у которых ограничены ресурсы для выживания, сегодня являются люди пред- и пенсионного возраста (за исключением работников государственного аппарата, правоохранительных структур, в том числе силовых и судебных, получающих значительные надбавки к пенсиям), работающие преимущественно в промышленном секторе, убыточной сельскохозяйственной отрасли, бюджетных отраслях экономики; семьи, где муж и жена работают в малобюджетных секторах экономики; малоимущие семьи с двумя, тремя детьми, не имеющие соответствующего образования для конкуренции на рынке труда; молодые специалисты, не имеющие опыта работы.

Социальное неравенство и несправедливость порождают дезинтеграцию, политическую нестабильность в обществе. Прошедший год отмечен усилением протестных настроений в регионе, выливавшихся в формах массовых митингов, забастовок, одиночных пикетов и др. Катализаторами протеста выступают разные мотивы, среди которых основными являются высокая дифференциация доходов, социально-экономическое неравенство, сокращение рабочих мест, закрытие предприятий. На протяжении ряда лет силами общественности, средств массовой информации ведется борьба против привилегий бюрократии, «золотых парашютов», высоких доплат к пенсиям работникам государственного аппарата. Отношение низкооплачиваемого большинства к богатому меньшинству приобретает все более острый характер, теряется общность интересов противоположных по доходам групп и слоев населения.

Таким образом, у социума региона имеется необходимый личностный запас прочности, чтобы справиться с негативными факторами. Однако данный запас с годами уменьшается, поскольку стали доминировать опасности (угрозы) внешнего характера, исходящие

от общества, на которые индивид не может активно влиять. Внешние опасности, продуцируемые обществом, возникают вследствие системного характера упущений, носящих в основном субъективный характер и заключающихся в неэффективной политике властных структур. Прежняя логика обеспечения безопасности и консолидации в регионе, ориентированная преимущественно на самовывживание населения, а также на налоговые поступления от крупных предприятий и помощь федерального центра, перестает работать. Уровень социального неравенства, бедности в условиях назревающего кризиса будет нарастать еще более быстрыми темпами, чем в «тучные» или благоприятные в экономическом отношении годы.

Механизмы управления процессом консолидации должны быть направлены, прежде всего, на повышение уровня и качества жизни, налаживания реального социального партнерства между населением и государством. Снижение уровня социального неравенства населения являются основными условиями для упрочения, единения общества. Глубокая поляризация общества по уровню доходов, материального обеспечения, невозможность удовлетворения своих потребностей снижают социальную активность населения, стимулируют дезинтеграционные процессы в социуме.

Список литературы

1. Отчет обследования населения Республики Бурятия (n=725) по социальной безопасности региона, проведенного под руководством автора (сентябрь-ноябрь 2014 г.) в рамках выполнения бюджетной темы лаборатории региональных экономических систем БИП СО РАН. 86 с.
2. Статистический ежегодник. 2014. Статистический сборник / Бурят-стат. Улан-Удэ, 2014. 250 с.
3. Рейтинг российских регионов по качеству жизни. ООО «Рейтинговое агентство РИА «Рейтинг», 2014. 23 с.
4. Сайт Правительства Республики Бурятия. Декларации доходов. URL: <http://egov-buryatia.ru/index.php?id=292> (дата обращения 03.01.2015).

References

1. The report of the survey population of the Republic of Buryatia (n = 725) for the social security of the region, carried out under the supervision of the author (September-November 2014) in the framework of the budget threads laboratory of regional economic systems BIP SB RAS. 86 p.
2. *Statisticheskij ezhegodnik. 2014. Statisticheskij sbornik* [Statistical Yearbook. 2014] / Buryatstat. Ulan-Ude. 250 p.
3. *Reyting rossiyskih regionov po kachestvu zhizni* [Rating of Russian regions for quality of life]. M.: OOO Reytingovoe agentstvo «RIA Reyting», 2014. 23 p.
4. *Sayt Pravitelstva Respubliki Buryatiya. Deklaratsii dohodov* [The site of the Government of the Republic of Buryatia. Declaration of income]. <http://egov-buryatia.ru/index.php?id=292>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Данилова Зинаида Андреевна, ведущий научный сотрудник лаборатории региональных экономических систем, доктор социологических наук, профессор
Байкальский институт природопользования СО РАН
ул. Сахьяновой, 6, г. Улан-Удэ, Республика Бурятия, 670047,
Российская Федерация
ziha@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Danilova Zinaida Andreevna, Leading Scientific Researcher of the Laboratory of Regional Economic Systems, Doctor of Social Sciences, Professor
Baikal Institute of Nature Management SB RAS
6, Sakhyanova St., Ulan-Ude, Republic of Buryatia, 670047,
Russian Federation
ziha@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-3-2-310-319

УДК 130.2

КАТЕГОРИИ «КУЛЬТУРА» И «ЦИВИЛИЗАЦИЯ» В ИСТОРИЧЕСКОЙ ОПТИКЕ

Малиева Т.И., Тотрова З.Х.

Цель статьи – рассмотрение соотношений понятий «культура» и «цивилизация» в исторической оптике.

Метод проведения работы – аналитический, сравнительно-исторический.

Результаты. Проблема соотношения категорий «культура» и «цивилизация» являются предметом острейших споров между различными направлениями в философии культуры. В данной статье анализируются два подхода к ее решению, выраженные в детерминизме и индетерминизме. Отождествление культуры и цивилизации, как и их противопоставление, некорректно. Крайности, содержащиеся в линейно-детерминистском и структурно-функциональном подходе, снимаются в русле диалектической трактовки соотношения культуры и цивилизации. Цивилизационный «базис» и идеальная «надстройка» находятся в диалектическом взаимодействии, обеспечивающем гармоническое развитие конкретного социокультурного пространства.

Область применения результатов – гуманитарные дисциплины.

Ключевые слова: *цивилизация; культура; просветительство; линейный детерминизм; марксизм; технологический детерминизм; функционализм; диалектика.*

CATEGORIES “CULTURE” AND “CIVILIZATION” IN THE HISTORICAL OPTICS

Malieva T.I., Totrova Z.H.

The purpose of the article - review the relationship of concepts “culture” and “civilization” in the historical optics.

Method of operation - an analytical, comparative-historical.

Results. The problem of comparison of categories of “culture” and “civilization” are the subject of heated debate between the different directions in the philosophy of culture. This article examines two approaches to its solution, expressed in determinism and indeterminism. The identification of culture and civilization, as well as their opposition, is incorrect. The extremes contained in the linear deterministic and structural-functional approach, are removed in line with the dialectical interpretation of the relation of culture and civilization. Civilization “basis” and the ideal “superstructure” are in dialectical interaction, providing a harmonious development of the particular socio-cultural space.

Application of the results – the humanities.

Keywords: *civilization; culture; enlightenment; linear determinism; Marxism; technological determinism; functionalism; dialectics*

Введение

Современное состояние мира характеризуется взаимосвязанными, но диаметрально противоположными по своей направленности процессами: интеграцией и локализацией. Оба процесса носят объективный характер и определяют «лицо» глобализации. Для обозначения этого неоднозначного процесса английским социологом Р. Робертсоном был введен термин «глокализация» - со-

единение наднациональной интеграции с дроблением наций на этносы, субэтносы и племена. Локализация или фрагментация по своей природе вторична и вынуждена. Она пытается возместить разрушение или ослабление государственных структур и связей, минимизировать их последствия, выражающиеся, в частности, в утрате идентичности.

В научном и обыденном сознании существует представление, что за интегративные процессы «ответственна», по преимуществу, цивилизация. Именно на этом уровне идут интеграционные процессы, особенно заметные в области экономики, политики, образования. Культура же фрагментирует социальное пространство, делая акцент на специфическом, уникальном. В условиях нестабильности и разрыва фундаментальных связей именно культура становится последним убежищем, где возможен обратный отсчет времени, то есть конструирование идентичности на уровне личности, нации, государства.

Проблема соотношения категорий «культура» и «цивилизация» являются предметом острейших споров между различными направлениями в философии культуры.

В данной статье анализируются два подхода к пониманию соотношения культуры и цивилизации: детерминизм и индетерминизм.

Основная часть

Исторически первым подходом рассмотрения указанных вопросов является детерминистская модель, представители которой отождествляют понятия «культура» и «цивилизация». Наиболее полно он был разработан в идеологии просветительства. Три понятия «рассудочность», «утилитаризм» и «прогресс» – отражают сущность его миропонимания. При этом апология разума и рассудка пронизана социально-нравственным оптимизмом. Приведем

характеристику цивилизации французским историком, политическим и государственным деятелем Ф. Гизо: «...в цивилизации заключаются два главных факта, она существует при двух условиях и характеризуется двумя признаками: развитием общественной деятельности и деятельности личной, – прогрессом общества и прогрессом человека» [2, с. 27].

Во второй половине XIX века просветительство уступает свое лидерство марксизму в контексте влияния на общественное сознание. Идеалы равенства, справедливости и прогресса приобретают иное звучание. Монополия разума в решении социальных конфликтов ограничивается идеей классовой борьбы. Обосновывается необходимость замены «оружия критики на критику оружием».

Вместе с тем вопрос о соотношении понятий «культура» и «цивилизация» не претерпевает существенного различия. Цивилизация рассматривалась как логический этап в развитии человечества после дикости и варварства. В рамках марксизма сохраняется также и оптимистический взгляд на историю человечества, как преодоление отчуждения сущности человека в широком смысле.

Детерминистская модель сохраняет свое влияние весь XX век. Просветительство и марксизм дополняет технологический детерминизм, который существенно отличается от своих идейных предшественников. Это отличие заключается в утрате исторического оптимизма. «Исторический прогресс, как и прогресс научно-технический, в конечном счете, оказывается «игрой с нулевой суммой». В случае технологического прогресса в роли потерпевшего выступает природа. В случае исторического прогресса тоже действует механизм переложения тягот» [5]. Сложности также возникали при попытке определить объективное содержание критерия прогресса. П. Сорокин писал об элементах субъективизма во взглядах прогрессистов. «Встает, следовательно, дилемма: можно

признать исторический процесс прогрессом, но зато из понятия прогресса приходится исключать точку зрения счастья; если же критерием прогресса становится счастье, то само существование прогресса становится проблематичным» [7].

Все эти трудности толкают исследователей к тому, чтобы отказаться от поиска критерия прогресса. В действительности этот критерий необходим, как необходима оценка человечеством последствий собственной исторической деятельности.

Методология детерминистов, в рамках которой культура и цивилизация отождествлялись, приводит к делению народов на культурные (цивилизованные) и некультурные (нецивилизованные), с чем сложно согласиться. Ведь мир культуры – это мир человека с самого его появления в истории. Согласно В.С. Степину, культура проявляет себя как «система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения), обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях» [8, с. 341]. Цивилизация же обозначает более развитый в технико-технологическом отношении уровень человеческого бытия. И в настоящее время есть народы, не знающие, что такое металлические орудия труда, но система мировоззренческих интеллектуально обоснованных ценностей у них существует.

Отождествление культуры и цивилизации в методологическом отношении приводит к градации культур «на низшие и высшие культурные типы», что неизбежно приводит к европоцентристскому взгляду на историю [3, с. 195].

Второй подход к пониманию проблемы «цивилизация – культура» заявил о себе на стыке XIX–XX вв. Его обычно связывают со становлением структурно-функционального метода, в рамках которого были сделаны первые шаги в направлении отказа от мето-

дологии детерминизма. Функционалисты рассматривали культуру как подсистему единой социокультурной системы, в которой каждый элемент «работал» на систему в целом. То есть, культурный феномен выполнял функцию закрепления и консервации социокультурной системы. Функционалисты все культуры уравнивали, поскольку они выполняли одну и ту же основную функцию – закрепление и сохранение наличного бытия. Но это равенство не отрицало содержательного разнообразия культур. Более того в рамках данного подхода делается упор на закрытость культуры, ее индивидуальный и неповторимый характер. Именно функциональная консервативность культуры определила известную борьбу с обычаями и традициями в советский период. Они рассматривались как препятствие в деле революционного преобразования общества, как камень преткновения на пути к коммунизму.

Здесь необходимо подчеркнуть следующее: уравнивание всех культур происходило не только по функциональной линии, но и в контексте апологии иррационального элемента, содержащегося во всех культурах. Так, английский публицист и философ Е. Берк к базисным ценностям, играющим важную роль в жизни общества, относит и предрассудки, подчеркивая их важность и значимость. По его мнению, закрепившись в копилке исторического опыта, они ориентируют человека в сторону мудрости и добродетели, помогая ему преодолевать сомнения, колебания и скепсис [1]. Этнологи также «подтягивали» культуры, так называемых народов – изолятов, до современных культур по линии рациональности. «Я очень настаиваю на том, – пишет О.М. Фрейденберг в своих лекциях по мифологии, – что нет такой эпохи, когда общественный человек (а человек сразу – общественный, адекватный своему коллективу) не был бы познающим субъектом и не имел мироощущения, а, следовательно, и семантической мысли» [9, с. 27].

К. Леви-Строс также отмечает, что разница между мышлением современного и первобытного человека определяется в большей степени не мыслительными операциями, а природой явлений. Эволюцию в мышлении человека он ставил в зависимость от изменения мира [4].

В рамках структурно-функционального подхода, отметим еще раз, культура наделяется свойствами закрытости и функциональной консервативности. Эти качества делают ее трудной для постижения представителю иной, другой культуры. Но эти же качества способствуют ее жизненности и устойчивости. Культурное сознание может оставаться относительно неизменной при существенном изменении ее вещественного субстрата. В рамках структурно-функционального подхода все культуры являются равноценными. Отсутствует какой-либо стандарт в оценке различных типов культур, а значит и устраняется деление народов на низшие и высшие в культурном отношении. Практический вывод отличается конструктивностью. Он, во-первых, понукает народы и нации к стремлению изживать собственный этноцентризм, а с другой стороны, к осознанию того факта, что проблема возрождения нации, государства возможна за счет мобилизации внутренних ресурсов.

Вместе с тем данный подход справедливо имеет своих критиков. По мнению культуролога и философа М.К. Петрова, на практике такой подход обременен стагнацией общества в форме интеллектуального нигилизма и в форме замены культурной проблематики проблематикой нравственной, когда рациональное осмысление проблемы заменяется ее моральной интерпретацией [6].

Заключение

Отождествление культуры и цивилизации, как и их противопоставление некорректно. Это крайности, в первом подходе абсолютизируется общее в социокультурном развитии, во втором случае – осо-

бенное. Взаимоисключающие положения, как свидетельствует история науки, содержат взаимодополняющие рациональные моменты.

Можно говорить лишь о разных базисных элементах той или иной культуры или о разных цивилизационных витках, определяющих судьбу конкретной культуры при ее «встрече» с иной культурно-цивилизационной системой. Как правило, культура, «проигрывающая материально», гибнет при столкновении с более мощной в цивилизационном отношении культурой. В непростой истории России практически все культуры, за редким исключением, находились на одном цивилизационном витке. Это обстоятельство «работало», вкуче с другими, на сохранение разнообразия российского культурного ландшафта. В нормальном состоянии материальная почва культуры, ее цивилизационный базис и идеальная «надстройка» (совокупное сознание ее носителей) находятся в диалектическом взаимодействии, обеспечивающем гармоническое развитие конкретного социокультурного пространства.

Список литературы

1. Берк Е. Размышления о революции во Франции. М.: Рудомино, 1993. 144 с.
2. Гизо Ф. История цивилизации в Европе. М.: «Территория будущего», 2007. 336 с.
3. Кесаева Ж.К., Малиева Т.И. Модели интерпретации социокультурного процесса: методологический аспект // Вестник СОГУ. 2013. №4. С. 193–197.
4. Леви-Строс К. Первобытное мышление. URL: <http://www.lib100.com>...Леви Строс... Первобытное мышление.pdf (дата обращения 10.04.2016).
5. Панарин А.С. Философия истории. URL: <http://www.RoyalLib.com>book/panarin...filosofiya_istorii.html. (дата обращения 19.10.2016).

6. Петров М.К. Язык, знак, культура. М.: Наука, 1991. 328 с.
7. Сорокин Питирим Человек. Цивилизация. Общество. URL: <http://www.kabbalah.info/forums...rusmaterials...Sorokin.doc>. (дата обращения 15.04.2016).
8. Степин В.С. Культура // Новая философская энциклопедия. Т. 2. М.: Мысль, 2001. С. 341–347.
9. Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М.: «Восточная литература» РАН, 1998. 800 с.

References

1. Berk E. *Razmyshleniya o revolyutsii vo Frantsii (1790)* [Thoughts about revolution in France (1790)]. Moscow: “Rudomino”, 1993. 144 p.
2. Gizo F. *Istorija civilizacii v Evrope* [The history of civilization in Europe]. Moscow.: Territoria budushego, 2007. 336 p.
3. Kesaeva Zh.K., Malieva T.I. *Vestnik SOGU*, 2013. №. 4, pp. 193–197.
4. Levi-Strauss K. *Pervobytnoe myshlenie* [Primitive thinking]. URL: <http://www.lib100.com/...LeviStrauss...PrimitiveThinking.pdf/> (accessed 10.04.2016).
5. Panarin A.S. *Filosofiya istorii* [The philosophy of history]. URL: http://www.RoyalLib.com/book/panarin...filosofiya_istorii.html. (accessed 19.10.2016).
6. Petrov M.K. *Jazyk, znak, kul'tura* [The language, sign and culture]. Moscow: Nauka, 1991. 328 p.
7. Sorokin Pitirim *Chelovek. Civilizacija. Obshchestvo* [Human. Civilization. Society]. M.: 1991. <http://www.kabbalah.info/forums...rusmaterials...Sorokin.doc>. (accessed 15.04.2016).
8. Stepin V.S. *Novaya filosofskaya enciklopediya* [New encyclopedia of philosophy]. Т. 2. Moscow: Mysl', 2001, pp. 341–347.
9. Freidenberg O.M. *Mifi literatura drevnosti* [Myth and literature of antiquity]. Moscow: “Eastern literature” Russian Academy of Sciences, 1998. 800 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Малиева Татьяна Ивановна, доцент, кандидат философских наук,

доцент

Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л.

Хетагурова

*ул. Ватутина, 46, г. Владикавказ, РСО – Алания, 362025, Рос-
сийская Федерация*

t.malieva49@mail.ru

Тотрова Залина Хазбиевна, доцент, кандидат педагогических

наук, доцент,

Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л.

Хетагурова

*ул. Ватутина, 46, г. Владикавказ, РСО - Алания, 362025, Рос-
сийская Федерация*

totrova-z@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Malieva Tatyana Ivanovna, Associate Professor, Candidate of Philo-
sophical Sciences

North Ossetian State University

*46, Vatutin Str., Vladikavkaz, Alania, 362025, Russian Fede-
ration*

t.malieva49@mail.ru

Totrova Zalina Hazbievna, Associate Professor, Candidate of Peda-
gogical Sciences

North Ossetian State University

46, Vatutin Str., Vladikavkaz, Alania, 362025, Russian Federation

totrova-z@mail.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(<http://soc-journal.ru/submissions.html>)

В журнале публикуются оригинальные статьи на русском и английском языках, содержащие результаты фундаментальных и теоретико-прикладных исследований в области филологии, истории и философии, а также обзорные статьи ведущих специалистов по тематике журнала.

Требования к оформлению статей

Объем рукописи	7-24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы; для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – 7-10.
Поля	все поля – по 20 мм
Шрифт основного текста	Times New Roman
Размер шрифта основного текста	14 пт
Межстрочный интервал	полуторный
Отступ первой строки абзаца	1,25 см
Выравнивание текста	по ширине
Автоматическая расстановка переносов	включена
Нумерация страниц	не ведется
Формулы	в редакторе формул MS Equation 3.0
Рисунки	по тексту
Ссылки на формулу	(1)
Ссылки на литературу	[2, с.5], цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи в порядке упоминания

ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ ИСТОЧНИКОВ

Обязательная структура статьи

УДК

ЗАГЛАВИЕ (на русском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на русском языке)

Аннотация (на русском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на русском языке)

ЗАГЛАВИЕ (на английском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на английском языке)

Аннотация (на английском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на английском языке)

Текст статьи (на русском языке)

1. Введение.
2. Цель работы.
3. Материалы и методы исследования.
4. Результаты исследования и их обсуждение.
5. Заключение.
6. Информация о конфликте интересов.
7. Информация о спонсорстве.
8. Благодарности.

Список литературы

Библиографический список по ГОСТ Р 7.05-2008

References

Библиографическое описание согласно требованиям журнала

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: улица, дом, город, индекс, страна (на русском языке)

Электронный адрес

SPIN-код в SCIENCE INDEX:

DATA ABOUT THE AUTHORS

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: дом, улица, город, индекс, страна (на английском языке)

Электронный адрес

AUTHOR GUIDELINES

(<http://soc-journal.ru/submissions.html>)

The journal publishes original articles in Russian and English, containing the results of fundamental and theoretical and applied research in the field of philology, history and philosophy, as well as review articles by leading experts on the subject of the journal.

Requirements for the articles to be published

Volume of the manuscript	7-24 pages A4 format, including tables, figures, references; for post-graduates pursuing degrees of candidate and doctor of sciences – 7–10.
Margins	all margins –20 mm each
Main text font	Times New Roman
Main text size	14 pt
Line spacing	1.5 interval
First line indent	1,25 cm
Text align	justify
Automatic hyphenation	turned on
Page numbering	turned off
Formulas	in formula processor MS Equation 3.0
Figures	in the text
References to a formula	(1)
References to the sources	[2, p.5], references are given in a single list at the end of the manuscript in the order in which they appear in the text

DO NOT USE FOOTNOTES AS REFERENCES

Article structure requirements

TITLE (in English)

Author(s): surname and initials (in English)

Abstract (in English)

Keywords: separated with semicolon (in English)

Text of the article (in English)

1. Introduction.

2. Objective.

3. Materials and methods.

4. Results of the research and Discussion.

5. Conclusion.

6. Conflict of interest information.

7. Sponsorship information.

8. Acknowledgments.

References

References text type should be Chicago Manual of Style

DATA ABOUT THE AUTHORS

Surname, first name (and patronymic) in full, job title, academic degree, academic title

Full name of the organization – place of employment (or study) without compound parts of the organizations' names, full registered address of the organization in the following sequence: street, building, city, postcode, country

E-mail address

SPIN-code in SCIENCE INDEX:

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

ТОРГОВЛЯ АЛКОГОЛЕМ КАК СФЕРА КУПЕЧЕСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ОРЕНБУРГСКОМ КРАЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ Абдрахманов К.А.	7
О НАРОДНОМ ВЫШИВАНИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ КИТАЯ Ван Сяомэй	29
РАЗВИТИЕ НАЧАЛЬНОГО НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.: ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ЗНАЧЕНИЕ ЗЕМСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ Мамаева Т.П.	35
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ДОБРОСОСЕДСКИХ ОТНОШЕНИЙ НАРОДОВ КУБАНИ Мацневский Г.О.	52
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА 1851 ГОДА КАК ФАКТОР АКТИВИЗАЦИИ РЕКЛАМНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ Шелкоплясова Н.И.	69
ОРГАНИЗАЦИИ СОЮЗА ВОИНСТВУЮЩИХ БЕЗБОЖНИКОВ САРАТОВСКОГО ПОВОЛЖЬЯ В АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ КАМПАНИИ 1930-х гг. Яковлева Ж.В.	85

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- РЕГИОНАЛЬНЫЕ ГИМНЫ
КАК ФОРМА АКТУАЛИЗАЦИИ ОСНОВНЫХ
МАРКЕРОВ ИДЕНТИЧНОСТИ
В ЛОКАЛЬНОМ ТЕКСТЕ
Бахор Т.А., Зырянова О.Н., Мазурова Н.А. 105
- ПРОЯВЛЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ САМОИНДЕТИФИКАЦИИ
АВТОРА В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
**Веккесер М.В., Мамаева С.В., Славкина И.А.,
Шмульская Л.С.** 120
- ВИРТУАЛЬНЫЙ ОБРАЗ ГОРОДА
СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЛЕКСИКИ МЕДИЙНОГО
И ПОВСЕДНЕВНОГО ДИСКУРСОВ
Волкова Н.А. 135
- ТРАКТОВКИ ОБРАЗА ЛИРИЧЕСКОЙ ГЕРОИНИ
Б. АХМАДУЛИНОЙ В ТРУДАХ 1985–2000-х гг.
Волкова Т.В. 164
- СОВРЕМЕННЫЙ ОБРАЗ «БРИТАНСКИХ»
ШОТЛАНДЦЕВ В АНГЛИЙСКИХ ЭТНИЧЕСКИХ
ШУТКАХ И АНЕКДОТАХ В КОНТЕКСТЕ
ПРОТИВОСТОЯНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-
КУЛЬТУРНЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ
Жерновая О.Р. 175
- ДЕНДРОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ
КАК ФОРМА ПРОЯВЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТОВ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ
Зырянова О.Н., Бахор Т.А., Мазурова Н.А. 195
- ТЕЛЕСНЫЙ КОД В ПОЭЗИИ А. БАШЛАЧЕВА, Е. ЛЕТОВА
И Я. ДЯГИЛЕВОЙ
Пауэр К.Ю. 208

ВЕРБАЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННЫХ ЧОКОНИМОВ) Славкина И.А., Шмутьская Л.С., Мамаева С.В., Веккесер М.В.	227
ЭПИТЕТЫ С ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ И ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ КОННОТАЦИЕЙ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ Сурова М.Н.	244
ИССЛЕДОВАНИЕ КРЕАТИВНОСТИ В ОБУЧЕНИИ ЛЕКСИКИ Минасян Е.Т.	256
ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ	
АНАЛИЗ И ОЦЕНКА СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ НАЦИИ В РОССИЙСКОМ РЕГИОНАЛЬНОМ СОЦИУМЕ Аксютин Ю.М.	263
НАУКА И РЕЛИГИЯ КАК АВТОНОМНЫЕ ФОРМЫ ПОЗНАНИЯ Богдан С.С.	272
РОЛЬ КУНЧЕНА ЖАМЬЯНА ШАДПЫ ДОРЖЕ КАК ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕЯТЕЛЯ ТИБЕТА Гулгенова А.Ц.	294
СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО И ДЕКОНСОЛИДАЦИЯ ОБЩЕСТВА Данилова З.А.	302
КАТЕГОРИИ «КУЛЬТУРА» И «ЦИВИЛИЗАЦИЯ» В ИСТОРИЧЕСКОЙ ОПТИКЕ Малиева Т.И., Тотрова З.Х.	310
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	320

CONTENTS

HISTORY AND ARCHAEOLOGICAL STUDIES

TRADE IN ALCOHOLIC BEVERAGES AS A SPHERE OF THE MERCHANTS' ENTREPRENEURSHIP IN ORENBURG REGION IN THE SECOND HALF OF THE 19th CENTURY AND THE BEGINNING OF 20th CENTURY Abdrakhmanov K.A.	7
MINORITY NATIONALITIES FOLK EMBROIDERY OF NORTHEASTERN PART OF CHINA Wang Xiaomei	29
THE DEVELOPMENT OF ELEMENTARY PUBLIC EDUCATION IN KURSK PROVINCE AT THE TURN OF XIX–XX CENTURIES: MAIN RESULTS AND VALUE OF ZEMSTVO ACTIVITIES IN THE FIELD OF EDUCATION Mamaeva T.P.	35
THE HISTORICAL EXPERIENCE OF GOOD-NEIGHBORLY RELATIONS OF PEOPLES OF THE KUBAN REGION Matsievsky G.O.	52
AGRICULTURAL SHOW IN 1851 AS A FACTOR OF ENHANCING PROMOTIONAL ACTIVITIES IN THE TULA PROVINCE Shelkopyasova N.I.	69
THE SARATOV VOLGA REGION MILITANT ATHEISTS' LEAGUE ORGANIZATIONS ACTED IN THE ANTIRELIGIOUS CAMPAIGN IN THE 1930-es Yakovleva Zh.V.	85

STUDIES IN PHILOLOGY

REGIONAL ANTHEMS AS A FORM OF ACTUALIZATION OF MAIN IDENTITY MARKER IN LOCAL TEXT Bakhor T.A., Zyryanova O.N., Mazurova N.A.	105
DEMONSTRATION OF AUTHOR'S REGIONAL SELF-IDENTITY IN POETIC DISCOURSE Vekkesser M.V., Mamaeva S.V., Slavkina I.A., Shmul'skaya L.S.	120
THE ONLINE IMAGE OF THE RUSSIAN CITY IN BOTH MEDIA AND LOCAL DISCOURSES Volkova N.A.	135
INTERPRETATION OF THE IMAGE OF B. AKHMADULLINA'S LYRICAL HERO IN THE RESEARCH WORKS OF 1985–2000 Volkova T.V.	164
MODERN IMAGE OF "BRITISH" SCOTS IN ENGLISH JOKES AND ANECDOTES IN THE CONTEXT OF NATIONAL AND CULTURAL IDENTITIES' OPPOSITION Zhernovaya O.R.	175
THE DENDROLOGICAL IMAGES AS A FORM OF THE REGIONAL IDENTITY IN THE WORKS OF KRASNOYARSK REGION'S POETS Bakhor T.A., Zyryanova O.N., Mazurova N.A.	195
CORPORAL CODE IN POETRY OF A. BASHLACHEV, E. LETOV AND Y. DYAGILEVA Pauer K.Y.	208
VERBAL MARKERS OF REGIONAL IDENTITY (BASED ON MODERN CHOCONYMS) Slavkina I.A., Shmul'skaya L.S., Mamaeva S.V., Vekkesser M.V.	227

EPITHETS WITH POSITIVE AND NEGATIVE CONNOTATION IN A POLITICAL DISCOURSE	
Surova M.N.	244
EXPLORING CREATIVITY IN TEACHING VOCABULARY	
Minasyan E.T.	256
STUDIES IN PHILOSOPHY	
THE ANALYSIS AND EVALUATION OF CIVIL NATION SOCIAL AND CULTURAL FUNCTIONING EFFECTIVENESS IN THE RUSSIAN REGIONAL SOCIETY	
Aksutin Yu.M.	263
SCIENCE AND RELIGION AS AUTONOMOUS FORMS OF KNOWLEDGE	
Bogdan S.S.	272
THE ROLE OF KUNCHEN ZHAMYAN SHADPA DORJE AS A SOCIAL AND POLITICAL FIGURE OF TIBET	
Gulgenova A.Ts.	294
SOCIAL INEQUALITY AND DECONSOLIDATION OF SOCIETY	
Danilova Z.A.	302
CATEGORIES “CULTURE” AND “CIVILIZATION” IN THE HISTORICAL OPTICS	
Malieva T.I., Totrova Z.H.	310
RULES FOR AUTHORS	320

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «ЛитераПринт»
г. Красноярск, ул. Гладкова, 6, офис 0-10
Подписано в печать и дата выхода: 31.10.2016. Заказ СИСПЗ-22016.
Тираж 5000. Усл. печ. л. 23,7. Формат 60×84/16